

ИЗБРАННЫЕ ПРИТЧИ

ИЗБРАННЫЯ ПРИТЧИ

изъ

ЛУЧШИХЪ СОЧИНТЕЛЕЙ

РОССІЙСКИМИ СТИХАМИ

Члена Россійской Императорской
Академіи,

Графа Дмитрія Хвостова.

При Императорской Академіи Наукъ
1802 года:

*Сію книгу годъ назвачіснъ Притчей, напечатать
дозволяетъ Гражданскій Губернаторъ Панкратьевъ.*

Е Г О

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

БЛАГОВѢРНОМУ ГОСУДАРЮ

и

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ,

Милостивѣйшему Государю:

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Милостивѣйшій Государь!

Во время достопамятнаго Великой ЕКАТЕРИНЫ Царствованія, Причи славнѣйшаго въ семь родѣ на Россійскомъ языкѣ сочинителя Сумарокова имѣли щастіе бышь украшены Высочайшимъ именемъ родишеля ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА покойнаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА Iго.

Я, въ царствованіе покровителя наукъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА Iго, ошверзающаго подданнымъ проспанна къ пользѣ и славѣ ошечества пуши, при возчувствованіи несовершенства моего сочиненія, собраннаго ошъ юности моеи въ

разныя времена изъ многихъ знамени-
мыхъ древнихъ и новыхъ прищеч-ни-
сателей, дерзаю не по достоинству она-
то посвятить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКО-
МУ ВЫСОЧЕСТВУ; но удостовѣренъ, что
благоволительное приняше опъ ВАШЕГО
ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА сего не-
доспащочнаго произведенія пера моего,
соснавишь его красоту и мою славу.

Милостивѣйшій Государь!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Всепяжайшій слуга

Графъ Дмитрій Хвостовъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ КЪ ЧИТАТЕЛЮ

Не распространяясь, ни одоспоиствѣ припчей, которыя отъ глубокой древности до сего времени у всѣхъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ принимаются съ соотливимъ уваженіемъ шакъ, что сей родъ по справедливости называется сокровищемъ стихотворства; ни о славѣ превосходнѣйшихъ на многихъ и на нашемъ языкѣхъ припчей - сочинителей; остается мнѣ только сказать одно слово о моихъ припчахъ, или повторишь въ прозѣ то, что я неоднократно въ сочиненіи моемъ стихами изъяснилъ:

„Какъ басни сочиняшь стремясь слѣдами

„Великихъ мастеровъ,

„Что было здѣлано искусствомъ ихъ,

шрудами,

„Я помѣщаю лишъ въ толпу моихъ сти-

ховъ;

„Я подражала названія желаю;

„Свой трудъ достоинствомъ чужимъ я

возвышаю.

„Щастливымъ бы себя весьма почелъ,

„Когдабъ я хорошо (фоншена перевелъ!

Собраніе припчей мною здѣсь предлагаемое, начало свое воспріяло весьма давно,

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

когда я былъ въ лѣтахъ пылкой юности, и упобѣ чщеніемъ Фоншена, Сумарокова, Геллерша и другихъ на нашемъ и иностранныхъ языкахъ знаменитыхъ прищей -- сочинителей. — Время ошъ времени собраніе сіе въ свободныя часы умножаяся дошло до того виду, въ коемъ оно здѣсь представляется. — Ежели мѣ посшавшя въ предосужденіе, что я смѣю издавать недосшашочное сочиненіе мое въ свѣшъ тогда, когда и на нашемъ опечешвенномъ языкѣ имѣются въ семъ родѣ превосходныя шворенія; я въ оправданіе свое на шо скажу, что на Французскомъ языкѣ послѣ безсмертнаго и неподражаемаго прищей-писателя ла Фоншена, издааны прищичи Ламота, Оберша, Имберта, Бреша, Лебрюна, и другихъ, которыя однакоже приобрѣли похвалы и чшашелей; шо, можетъ бышь, и мое сочиненіе любшшелямъ Россійской словешности, ограничивающимся познаніемъ опечешвеннаго языка, не непріятно будетъ, покрайней мѣрѣ шѣми красшами, которыя я занялъ у моихъ подлинниковъ. Въ семъ единшвенно намѣреніи издаю я мои прищичи, и не смѣю ни сѣ къмъ входшь въ соперничештво и мечшашъ о славѣ

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

творцу сего рода приличной. Не только, что содержанія моихъ прищечъ всѣ извѣсныя, и почеркнушы первая и шренія часпи пѣже самыя, надъ коими упражнялся Езонъ, Федръ, Лафоншенъ, Сумароковъ и другіе; а во второй и четвертой часпи упошреблялъ я содержанія разныхъ новѣйшихъ прищечъ -- сочишителей и почерпалъ изъ книгъ; такъ же есть нѣкощорыя въ незнашномъ количествѣ и моего изобрѣшенія, но даже мысли, обороты и стихи не рѣдко взяшы съ подлинниковъ. Ошашается только знашь, прищпойноли избираемому мною содержанію, и удачноли на Россійской языкъ, перенесены богатства Нашурты и Спихошворства? что предоставляя благоволенію и сужденію просвѣщеннаго читашеля, ожидаю не подпалъ ли я подъ собшвенное мое порицаніе:

„Выкрадывашь стихи, не важное искусство: —

„Украдь Корнелъезъ духъ, а у Расина чувшво.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПРИТЧЕЙ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

	-	-	Стр.
1. Дубъ, и Трость.	-	-	1.
2. Женихъ и двѣ Невѣсты.	-	-	2.
3. Ворона и Сыръ.	-	-	3.
4. Левъ на ловаѣ.	-	-	4.
5. Мѣльникъ и его Мальчикъ.	-	-	—
6. Мужикъ и Блоха.	-	-	7.
7. Два Друга.	-	-	8.
8. Волкъ и Яценокъ.	-	-	9.
9. Лягушка и Быкъ.	-	-	10.
10. Мужъ и Яйца.	-	-	—
11. Дровосѣкъ и Смерть.	-	-	11.
12. Разборчивая невѣста.	-	-	12.
13. Летающая Мышь.	-	-	14.
14. Топоръ.	-	-	15.
15. Фебъ и Борей.	-	-	16.
16. Рыбакъ и Рыбка.	-	-	17.
17. Левъ и Невѣста.	-	-	18.
18. Городская и Деревенская Мышь.	-	-	19.
19. Хозяинъ, Перепелка и Рожь.	-	-	20.
20. Ораица, Веприца и Кошка.	-	-	22.
21. Скупой и Кладъ.	-	-	24.
22. Моръ Звѣрей.	-	-	25.
23. Лисица и Виноградъ.	-	-	27.
24. Орелъ и Сыръла.	-	-	28.
25. Коршуны и Голуби.	-	-	—
26. Разбойники и Осель.	-	-	30.
27. Два Лошака.	-	-	31.
28. Пешухъ и Жемчужное Зерно.	-	-	—
29. Гора въ родахъ.	-	-	32.
30. Фортуна и Диша.	-	-	—

О Г Л А В Л Е Н І Е

	стр.
31. Старикъ и три Молодца. - -	33.
32. Сука и Щеняны. - -	34.
33. Левъ и Мышь. - -	35.
34. Орелъ и Ворона. - -	36.
35. Зичья Уша. - -	37.
36. Старуха и Двѣ Служанки. - -	38.
37. Устрица и Два прохожихъ. - -	39.
38. Лисица и журавль. - -	—
39. Кошка невѣста. - -	40.
40. Совѣтъ Мышей. - -	41.
41. Найденыи Топоръ. - -	42.
42. Туча, Гора и Куча. - -	43.
43. Двѣ Сумы. - -	44.
44. Солнце и Лягушки. - -	45.
45. Волки и Море. - -	—
46. Волкъ Порукѣ за Оленя. - -	47.
47. Ворожа въ Шавлиныхъ Перьяхъ. - -	—
48. Кривая лисица. - -	48.
49. Возъ и Мука. - -	49.
50. Нилъ и Собака. - -	—
51. Овца и Дождь. - -	50.
52. Мышь и Лягушка. - -	51.
53. Лошакъ у ручья. - -	—
54. Лисица и Мука. - -	52.
55. Разбойники и Омуть. - -	53.

К Н И Г А В Т О Р А Я.

1. Лисица и Лисенокъ. - -	55.
2. Пусыивникъ и Почести. - -	56.
3. Орелъ и Червякъ. - -	57.
4. Эмпедокъ и Туфли. - -	58.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
5. Орлица и Черепаха.	59.
6. РинорѢ и БолванѢ.	60.
7. ЛѣвѢ и Соѣака.	61.
8. Буря и ВорѢ.	62.
9. ЛаврѢ и Маслина.	63.
10. Роза или Любовь.	64.
11. ТабашникѢ и Борей.	66.
12. Грабишель.	—
13. Щука и Уда.	67.
14. Ворона и Соловей.	68.
15. Иастье у дверей.	69.
16. ЖивописецѢ.	70.
17. Мыши и Орѣхи.	71.
18. Пяница и ВорѢ.	—
19. МедвѣдѢ и Обезьяна.	73.
20. Сова и ЩеглѢнокѢ.	74.
21. Птичка и Клетка.	75.
22. Статуя и Солнце.	76.
23. Фортуна и Шелехи.	—
24. СапожникѢ и ВрачѢ.	78.
25. Перо и Рука.	79.
26. Солнце и Молнѣя.	80.
27. ЛевѢ и мудрая Змѣя.	81.
28. Свѣшильница и Сочинитель.	85.
29. Смерть и божество Брака.	84.
30. ЛевѢ и его СовѣшѢ.	85.
31. ДвѢ Змѣи.	87.
32. Зрячей и Слѣпой умница.	88.
33. Свѣшны и ЖенихѢ.	90.
34. Солнечные Часы.	92.
35. НарциссѢ.	95.
36. Факель и Свѣча въ ФонарѢ.	94.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
37. Лещъ и Лещана.	95.
38. Павлинь, Синица и Гусыня.	96.
39. Оселъ Звонарь.	97.
40. Шахматы.	—
41. Туча и Два Друга.	98.
42. Два Волка.	99.
43. Коварный и Собака.	100.
44. Двѣ Печальныя.	101.
45. Слоиъ и червякъ.	105.
46. Хвасшлывая Лягушка.	104.
47. Мать и Сынъ роскошный.	105.
48. Скѹпой и Пожаръ.	106.
49. Аполлонъ и Салпыры.	107.
50. Насмѣшливый Пророкъ.	108.
51. Тигръ Герой.	109.
52. Мудрецъ и Крещьянииъ.	111.

КНИГА ТРЕТІЯ.

1. Лягушка и ижъ Царь.	114.
2. Заяцъ и Черепаха.	115.
3. Собака и Тѣнь.	117.
4. Оселъ во Львиной кожѣ.	—
5. Олень, его Рога и Ноги.	118.
6. Левъ на Карпинѣ.	119.
7. Мужикъ и Змѣя.	—
8. Левъ Соспарѣвшійся.	120.
9. Черепяка и Ушки.	121.
10. Подагра и Шаукъ.	122.
11. Мармышка и Кошка.	124.
12. Оселъ и Хозяинъ.	125.
13. Волкъ и Овцы.	127.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
14. Волкъ и Пасухъ.	—
15. Любовь и Дурачество.	129.
16. Песухъ и Лисица.	130.
17. Учитель и Ученикъ.	131.
18. Юпитеръ и Зѣри.	132
19. Сапожникъ и Ошкупщикъ.	133
20. Болванъ и Богомольцы.	134
21. Змѣя и Пила.	135
22. Конь и Волкъ Лѣкарь.	136
23. Сокрановъ Дѣмъ.	137
24. Собака безъ Ушей.	—
25. Учитель и Садовникъ.	138
26. Юпитеръ и Дача.	140
27. Комаръ.	141
28. Оселъ Кумиръ.	142
29. Два песухи	143
30. Волкъ и Журавль лѣкарь.	144
31. Левъ и Оселъ.	145
32. Оселъ и Мужикъ.	146
33. Вѣрная Собака	147
34. Орелъ и Лисица.	—
35. Быкъ и Лягушки.	148
36. Коршунъ и Голуби.	149
37. Бочка.	150
38. Хозяинъ, Олень и Быки.	—
39. Кормчій и Машросы.	152
40. Собака и Волкъ.	153
41. Котъ въ Мукъ и Мыши.	154
42. Павлинь и Юн на.	155
43. Сраженіе Кошекъ и Мышей.	156
44. Братъ и Сестра.	157
45. Лисица и Козелъ.	158
46. Плущусъ и Геркулесъ.	159

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	=	=	Стр:
47. Два Пящивыя.	=	=	—
48. Ескулапій и Больной.	-	-	160
49. Два голубя.	=	=	—
50. Паспухъ Обманщикъ.	=	=	165
51. Опускная.	-	-	164
52. Оселъ и Конь.	=	=	165

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Перунъ и Желатель.	=	=	167:
2. Звѣдословъ и Спаруха.	-	-	169
3. Невѣста и Часы.	-	-	170
4. Медвѣдь и Кошка.	=	=	171
5. Плупонъ и Тѣнь.	=	=	172
6. Алмазъ и Бриллиантъ.	=	=	174
7. Колеса Часовыя.	-	-	175
8. Вдовецъ и Сократъ.	=	-	—
9. Безногой и Босой.	-	-	177
10. Озеро и Рѣка.	-	=	—
11. Три Вора.	-	-	178
12. Лешучій Змѣй и Комета.	-	=	180
13. Рѣка и Ручей.	-}	=	—
14. Оселъ и его Хозяинъ.	-	-	181
15. Подушка и Лягца.	-	-	185
16. Сѣ и Пчела.	-	-	184
17. Смерть, Красавица, Старикъ богачъ, и Мужикъ мудрецъ.	-	-	185
18. Заяцъ и Собаки.	=	=	188
19. Волкъ поличникъ и Волкъ Правдивой.	-	-	189
20. Цавлинъ.	-	-	191
21. Карпина и Охотникъ Невѣжда.	-	-	—
22. Комета и неподвижная Звѣзда.	-	-	192
23. Софоклъ и его Донсишель.	=	-	194

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
24. Двѣ Лисицы и судья Волкъ.	195.
25. Страншвіе въ храмъ щастія.	196.
26. Корабль на морѣ, и Корабль на рѣкѣ.	198.
27. Коршунъ и Голуби.	199.
28. Левъ и Клопъ.	200.
29. Орелъ и Соловей.	—
30. Червякъ и Собака.	201.
31. Лисица и Медвѣдь.	202.
32. Игра картъ.	—
33. Курица и Петухъ	204.
34. Проповѣдникъ Пивагора.	205.
35. Оселъ и Рябина.	—
36. Прикащикъ опивѣтъ.	207.
37. Орелъ и Сорока.	208.
38. Щука и Карась.	209.
39. Хромоногій и Находка.	210.
40. Фонари и Звѣзды.	211.
41. Птицы законоположишши.	212.
42. Духъ и Персень.	213.
43. Оракулъ.	214.
44. Рысь и Крошъ.	215.
45. Сверчокъ.	216.
46. Картина.	217.
47. Старуха и Зеркала.	218.
48. Груша съ Золотыми вѣшьями.	219.
49. Баринъ, Лошадь и Быкъ.	220.
50. Воръ у самого себя.	222.
51. Волчица завидливая.	223.
52. Левъ и Заяць союзники.	—
53. Домъ и знашоки.	224.
54. Алквивіады.	226.
55. Левъ и Волкъ.	227.

П Р И Т Ч И.
К Н И Г А П Е Р В А Я.

I.

Дубъ и Трость.

Въ кичливой гордостии, самихъ небесъ
Касаясь головою
Дубъ прости говорилъ: смощи, какъ я разнесъ
Далеко вѣнви предъ собою,
И тѣнию моею пространства сколько крою;
Шумящій Аквилонъ, колебля цѣлой Мѣрѣ
Мнѣ такъ ужасенъ;
Какъ, приближаясь водѣ, играющій Зефиръ:
Всегда я безопасенъ:
Но жребій свой
Со всѣмъ иной. —
Лишь воды ручейковъ наморщиться успѣюшъ;
Твои всѣ силы ослабѣюшъ;
И ты прѣклонишься предъ лицомъ земли;
Тебѣ несомно бремя
Когда въ весенне время
На плечахъ у шебл малиновки легли. —
Трость дубу опивчала:
Конечно я шонка,
гибка;
Но не ломка.

Вдругъ буря страшная настала,
 И люпыи въшрѣ
 Лешнѣ изъ мрачныхъ нѣдрѣ;
 Дуброву всю ломашѣ:
 И дубѣ,
 Какъ ни былъ твердѣ упругѣ и
 грубѣ;
 Но въшрѣ его изъ корня исторгашѣ
 На змлю повергашѣ;
 А просѣ, хотѣ прежде всѣхъ
 легла;
 Но шакъ же голову всѣхъ прежде подняла.

II.

Женихъ и двѣ Невѣсты.

Былъ нѣкто молодецъ среднихъ лѣтъ,
 Ни блѣкурѣ, ни сѣдѣ;
 Жениться захотѣлъ; но чудною судьбою,
 Онъ двухъ невѣстъ имѣлъ на выборѣ предѣ собою;
 Одна была чрезмѣрно молода,
 Другая на прошивѣ почти была сѣда,
 Одна вдовица,
 Другая скромная дѣвица.
 Когда на единѣ женихъ
 Случался съ ними;
 Онъ былъ почтительнѣ и тихѣ;
 Они межъ ласками своими
 У жениха изъ каждаго вису
 Щипали мастерски всегда по волоску.
 Шаруха волосы всѣ русыя щипала;
 А дѣвушка шочь въ шочь съ сѣдыми поступала

И шоропились такъ въ удобнѣй часъ и день,
 Что сѣшовать на нихъ ни кино не могъ за лѣнь,
 И ремесло свое дней съ сошною продолжая,
 Одна передъ другой усердье умножая,
 Такъ жали ревностно, что онъ хоть не старикъ,
 Но принужденъ надѣшь парикъ,
 Смекнулъ женихъ, что каждая супруга
 Желаетъ своего любезна друга
 Принудить жить на свой лишь образецъ;
 И, — выбросилъ съ шѣхъ поръ изъ мыслей онъ
 вѣнецъ.

III.

Ворона и Сыръ.

Богатой для себя прѣготовляя пиръ
 Несла во ршу кума ворона, сыръ.
 Лисица видитъ сыръ: желаніе имѣетъ
 Доспастъ его — лѣпастъ лисица не умѣетъ;
 Такъ совѣсти на щотъ,
 Воронѣ приписавъ премножество красотъ,
 Лисица вознесла ворону похвалами,
 А — паче пѣсенки; я чаю голосокъ
 Пріятенъ у себя и вѣженъ и высокъ. —
 Ворона возмечшала,
 Что вправду Тоди (*) спала
 И пастъ разинула — упалъ кусокъ!
 А сй лукавая лисица
 Сказала, хохотавъ: не вѣрь хвалѣ сестрица.

(*) Тоди, славная пѣвица XVIII столѣтія.

4

Ворону хвалишь Міръ ;
 Когда у ней ворту бываешь сырѣ .

IV.

Левъ на ловлѣ.

Самъ левъ и съ нимъ овца, коза, корова
 На промыселъ пошли, искашь добычь отъ лова:

Щастлива ловля имъ была

Прибыточна и весела;

Съ добычей въ дома возвратились ,

По братски раздѣлять ее пустились.

Разинувъ зевъ ,

Сказалъ имъ левъ

Въ уборной у себя на званомъ пирѣ:

Насъ было четверо и — части вотъ четыре!

Какъ раздѣлилъ верблюда я , —

Одна изъ нихъ моя.

Другая пожъ моя: — Я царь самодержавный.

И прешья пожъ я рыцарь славный ;

А кто четвертую лишь только ворохнешъ ,

Въ минушу издохнешъ!

V.

Мельникъ и его мальчикъ.

Не ловко слушаешь намъ чужихъ людей слова. —

Скажи, кого щалишь споуспная молва?

Цари, духовные, судьи, вельможи

Другъ о другъ и судяшь и рядяшь ;

Пожалуй, пресни ты и вонъ полезъ изъ кожи ,

Всеобщизъ хвалъ твои дѣла не возродяшь.

Различенъ вкусъ и смыслъ, у всѣхъ различны взоры;
Различны разговоры.

Что нравится въ Москвѣ,
Уснѣхъ посредственный имѣнѣ на Невѣ.
У друга другъ просилъ совѣща:
Ты знаешь мой доходъ и чинъ и умъ и лѣша;
Ты самъ всё спсепени на свѣшѣ перешелъ,
Въ какую рода жизнь пустишься бы я смѣлъ;
Въ гражданскую, придворну иль военну?
Чтобъ безъ стыда служишь и бышь, отъ всѣхъ
почтенну.

Когдабъ по склонности я дѣлать выборъ сталъ;
Давно бы что начать я средства обрѣналъ:
Но угодишь роднѣ, двору и всей округѣ,
Вашъ мысль моя! . . . Мнѣ нуженъ твой совѣтъ;
А другъ въ отвѣтъ,
Качая головой о миломъ другѣ:

Всѣ состоянїя несуть свои плоды,
Есть слабости въ войнѣ; а въ бракахъ есть бѣды,
Но мысль пвою, всей угодишь вселенной,
Открось бассейнка. — Въ округѣ отдаленной
Отъ нашихъ двухъ столицъ
Жилъ мельникъ, не колдунъ; — десяшковъ пашь лицъ
Иль масла фунтъ иль два носилъ на торгъ въ про-
дажу;

Питался шѣмъ, презря обманъ иль кражу.
Однажды по ушру мелькнулъ лицъ Солида свѣтъ,
Съ постели онъ всмаетъ,
И сына взявъ лѣтъ десяти ребѣнка
И — съ нимъ ослѣнка.
Пошли послѣдняго продать. Между гульбой,

Крестьянѣ ихъ встречали
 Смѣялись и кричали:
 Конечно кумовья ослѣнка вы съ собой
 ведете въ гости,
 Чшо щакъ жалѣете его тревожишь коспи.
 Такая рѣчь смушила мужика,
 И онѣ призналъ себя за дурака
 И влезъ какъ Папа на ослѣнка
 Пяцами потонялъ,
 За лѣнь пѣнялъ.
 Встрѣчались бабы имѣ, межѣ ними жонка
 Крестьянина на смѣхѣ и хохотѣ подняла:
 Безбоженѣ мельникѣ шы, чшо мучишь такѣ ребѣон
 Складней, чшобѣ милость бы шволя пе
 чкомѣ ш
 А онѣ бы на ослѣ пускай капился.
 Старикѣ спустился,
 Диня взмошился,
 Однако на пуши
 Еще случились зубаскалы;
 Судили: мальчику приешойнѣ ишши;
 А мельнику хребетѣ ословой назмачали;
 И мужику скучали шѣмѣ. —
 Онѣ недоволенѣ былѣ своимѣ путемѣ;
 Но слыша всѣ одни и шѣже рѣчи,
 Вскарабкался и самѣ кѣ ослу на плечи
 Кшо хочешѣ, шакѣ суди,
 Ряди
 Нахально;
 Теперь я хорошо умыслилъ и похвально. —
 Тотѣ въ разумѣ несвѣжѣ, походишѣ на глупца;

Кто хочеть угодить на Миръ и на отца,
 Спарикъ рѣшился такъ; но снова
 Ему бѣда гоня а.

Пришли насмѣшники толпами безъ числа;
 Кричали, за узлу хвиста ся села:
 Умилоберитесь надъ бѣдною скопиной
 Идъ назначено судьбиной
 До смрти в мѣ его
 Замучить;

Но проповѣью той крестьянинъ началъ скуцишь;
 И слушалъ на копецъ царя онъ своего;
 Плевалъ на всѣ сказы;
 И рѣчи невмѣнялъ въ указы. —

Какую хочешь жизнь; такую избери;
 Къ Минервѣ, Марсу ли усердьемъ возгори:
 Чесаться языки злословцовъ не престанушь;
 И-ежель иѣшь причинъ; они свои намянушь.

VI.

Мужикъ и Блоха.

Мы отъ кичливости, не рѣдко и отъ дѣни
 Возносимъ къ Небесамъ безсмысленныя пѣни;
 Какъ будто съ насъ
 Богъ всякой часъ
 Стускашь не долженъ глазъ;
 Онъ будто пѣсунъ нашъ. — Коль такъ, такъ
 гдѣжь свобода?
 Вопль мужика глупца дѣтѣлъ Небесъ до свода.
 О чемъ кричалъ мужикъ? — Блоха
 Его кусала;

Она какъ зверь лиха
 И кровь сосала;
 Онъ челобитовалъ о томъ лишь у Небесъ
 Что бы управился съ блохою Геркулесъ —
 Или чпобъ на нее свой громъ пустилъ Зевесъ. —
 Мужикъ! Не умничай — паскайся за сохою,
 И Небу не скучай блохою.

X.

Два друга.

Въ какой то области земнаго круга,
 Котора далеко отъ нашихъ спранъ,
 Два жили друга:
 Ихъ дружба не была обманъ.
 Одинъ изъ нихъ въ срединѣ ночи
 Съ постели вдругъ скоца и сколько было мочи
 Въ домъ къ другу побѣжалъ, и друга разбудилъ.
 Другой, за чѣмъ ты здѣсь? что сдѣлалось такое?
 Такъ рано ты привыкъ быть въ сладостномъ
 покоѣ. —

Или тебѣ кто досадилъ?
 Пойдемъ! и шпага вопъ со мною. —
 Иль деньги проигралъ? Вопъ кошелѣдкъ возьми.
 Иль узвлелъ любовными сѣтми,
 И страшь къ красавицѣ безсонницы виною?
 Я въ мигъ оденуся — увидимся съ роднѣй —
 Но тошъ сказалъ, его не выслушавъ рѣчей:
 Ты мнѣ привидѣлся во снѣ унылъ, печаленъ;
 Я испинну узнать хотѣлъ,
 И самъ въ минушу прилѣшѣлъ.

Которой болѣе примѣръ похваленъ,
 Которой больше другъ любить умѣлъ;
 Ни ла Фоншенъ, ни я рѣшишь не смѣлъ.
 Другъ истинный — бездѣльная отрада!

Душею чистою любя,
 Узнашь желаніе, не ждешь ни словъ, ни взгляда;
 Онь сердца въ глубинѣ ихъ ищешь у себя;
 И — ежели къ чему предметъ любви причисленъ —
 Бездѣлица и сонъ ужасенъ.

VIII.

Волкъ и Ягненокъ.

Топъ правъ кто силенъ,
 Онь доказательствомъ всегда обиленъ.
 Ягненокъ пилъ въ пошокъ чистыхъ водъ. —
 Лѣшнѣ голодной волкъ съ великимъ жаромъ,
 Ягненка усмотрѣвъ и въ сердцѣ яромъ
 Кричитъ ему: безпушной, дерзкой екошь!
 Какъ смѣешь ты мушить тѣ воды,
 Которы самъ я пью?
 Тебя за дерзость я швою
 Однимъ сразу ударомъ.
 Ягненокъ съ крошостью: Свѣплѣйшій Князь!
 Я въ уснѣхъ самою пилъ — пещей некъверху грязь.
 Но волкъ ему, грызу дружочикъ зубы
 Давно я на тебя;
 Ужъ минулъ годъ, какъ рѣчи грубы
 Твои я слышалъ про себя. —
 Шестъ мѣсяцовъ, сударь, какъ я родился. —
 Такъ брашецъ твой прудился.

Оклеветать меня!
 Нѣтъ братьевъ ни сестеръ. — Ну такъ родна!
 Иль мать иль тетка иль паспушка —
 Безъ дальнихъ словъ, унесъ
 Янсика въ лѣсъ;
 И волку изъ шого была пирушка.

IX.

Лягушка и Быкъ.

Лягушка на полѣ увидѣла быка,
 Влюбилася въ его широкія бока.
 Такая толщина для ней была угодна,
 И мыслишь, что она ей такъ же сродн
 Какой же былъ уснѣхъ?
 Пыхтѣла, дулася и лезла въ нѣ изъ кожи. —
 Лягушка преснула и породила смѣхъ.
 Съ моею лягушкой схожи
 Дворянѣ, что живутъ богато, какъ Князь,
 И обнищавъ, кричащъ: повеселился я! —

X.

Мужъ и Яйца.

Не тайна, ежели два,
 А не одинъ узи юшъ;
 Бываещъ преній шущъ, молва.
 Кто тайну разгласилъ, другъ надруга пѣндошъ.
 Супругъ съ любезною хозяйкою своей
 Случася, какъ вѣдомо, одинъ во время ночи,
 Вскричалъ, колико силъ, колико было мочи:

Увы! что сдѣлалось съ головушкой моей —
 Несчастный я погибъ, о бѣдная супруга!

Насѣдку видишь ты, не ибжна други:

Я снесъ яйцо . . . Кипо? — ты?

Я шочно и сей часъ; — пускакъ, мечты!

Сперва не вѣрала, дивилась, хохопала;

По томъ жалѣшь, сердинься спала,

О жизни мужниной смущалась, препенала,

И тайну сохраняшь подѣ кляшвой цѣлый вѣкъ

Взялася, какъ жена; какъ честный человекъ.

На ушро, лишь лучи ошѣ Солнца возблипали

И не давали мѣста тѣмъ;

Бѣжала скромница, къ кому? къ кумѣ,

Кума съ кумою поболпала;

За тайну на ухо узнала и кума,

Что ночью свѣдала хозяйшка сама;

Однако же сѣо безѣ кляшвы не спустила;

Та свашье черезъ часъ подѣ кляшвой возвѣспила;

И — вѣспи сѣ кляшвою, а ложѣ за ними вѣ слѣдѣ

Бѣгутъ и яйцамъ даюшѣ полѣшѣ;

Но подѣ вечерѣ обѣ нихъ на рынкахъ не молчали,

И всѣ ребяща вѣ слухѣ обѣ ядцахъ кричали.

XI.

Дровосекъ и Смерть.

Несчастный дровосекъ,

Который шѣмъ питался цѣлой вѣкъ,

Страдая, сторбяся, шяжелыми шагами

Къ дымливой хижинѣ беремя дровъ паскалъ;

Но изнуренъ печалью и годами,

СѢ, досадою сѢ плечь дрова спускалъ,
 И шакъ сказаъ:
 Я для нещастія на свѣтѣ родился
 СѢ тѣхъ порѣ, какъ зачалъ жить, чѣмъ ве-
 селился?

Занюдатели, подушное, оброкъ,
 И дѣши и жена тягчащѣ всечасно рокъ.
 Какъ я, ни кто на свѣтѣ не спрадастѣ. —
 Онѣ смершь на помощь призывастѣ,
 Пришедши смершь бѣдняшку вопрошастѣ . . .
 За чѣмъ ты звалъ меня? — вѣ минушу я пришла.
 Чшобы вязанку дровѣ поднящѣ миѣ помогла. —
 Смершь все напаси прекращастѣ,
 Но люди свѣтѣ не любящѣ покидастѣ —
 Чѣмъ умирастѣ, скорей спрадастѣ.

XII.

Разборчивая Мевѣста.

Какъ разумъ ни великъ, лицо какъ ни пре-
 красно;
 Но естѣли кто свои достоинства любя,
 Подобно какъ Нарцисѣ не спустишѣ глазѣ сѣ себя;
 Весьма опасно,
 Кто самолюбію въ короткостии знакомѣ;
 Пуши не будещѣ вѣ томѣ.
 Была красавица, которая грѣмѣла. —
 Имѣла
 Богатства тѣму, была при томѣ и неглупа;
 Пріятна, молода: сѣ жениховѣ толпа
 Смыскались, за двадцать когда пробило;

Красавцы, знатные преславны богачи,
И словомъ, ихъ число такое приступило,
Что въ эту душеньку и гордоснь поселило.

Ты спросишь — Какъ? послушай, помолчи:

Красавица ставъ очень горделива,
И въ выборахъ безмѣрно щекоплива,
Безъ околичныхъ словъ
Ошвергла всѣхъ послѣвъ,

Тотъ мало былъ богатъ, тотъ дурень, не чиновень,
Тотъ слишкомъ бѣлокуръ, другой черноволосъ,

У епого не шуниъ, гдѣ должно носъ;

Тотъ старъ, тотъ грубъ, осламъ тотъ ровень; —

И словомъ, что была ко всѣмъ лиха:

Искала жениха,

Ктобъ молодъ, знанень былъ, разуменъ и прѣятень,

Богатъ, ученъ, красавецъ, не развращень,

Не холоденъ и не ревнивъ. —

Какъ договоръ такой довольно прихотливъ:

Первосшашейная пѣлапа ошстала;

Другая приступала:

Красавица шушишь, надъ ними хохоташъ,

Себя не унижашъ;

А между тѣмъ старикъ съ песочными часами,

Своей дорогою бредешъ;

Сего дня прелесешь ужесетъ;

Назавтре нежностъ; — и такъ пятью годами

Сашуриъ красавицу довольно обязалъ. —

Дома и города починивашъ возможно;

Сердечно жаль — не ложно,

Что стихъ средствъ для лицъ ни кто не вымы-

шлалъ.

Тамъ на красавицу мою напала скука.

Тоска и грусть и мука. —
 Ей надобенъ супругъ
 И нѣжный другъ,
 Съ нею слѣшѣла спѣсь — шѣмъ скаска окончалась,
 Что счастьемъ почла, что со страгдемъ ввнчалась.

XIII.

Летучая Мышь.

Не худо ежель спаньча
 На оба у кого накинута плеча;
 Пословица гораздо справедлива;
 Хотя душа не очень въ томъ красива,
 Которой шакъ живеть;
 Но что ты сдѣлаешь, шаковъ весь свѣтъ.
 Была летуча мышь, звѣрокъ и пшица,
 Лешала какъ синица;
 Бродила шакъ, какъ мышь; была она
 Одна;
 Съ крылами
 Съ ногами.
 Когда въ подполицѣ бѣжитъ котъ за мышами;
 Она на воздухъ дастъ спречка,
 И говоритъ: Я не боюсь кошки;
 Какъ кошка ни прышка;
 Крылашому вездѣ окошки.
 А ежель ястребокъ
 Подумаетъ когда ей дать щелчокъ; —
 Она нырнетъ въ мышачье царство;
 Покажетъ лапки, рыльцо, хвостъ;
 Такъ воздухъ и земля — ей всѣ погостъ.

— Кому дано коварство,
И мастеръ кшо на объ руки бить,
Тому не худо въ свѣшъ жинь.

XIV.

Голоръ.

На берегу рѣки мужикъ дрова рубилъ;
Нечаянно попоръ онъ въ воду уронилъ:
Прелюбой мучителъ крестьянинъ мой тоскою,
И воешь наць рѣкою.
Проспи попоръ, простише и дрова!
Куда теперь пойдешъ о бѣдна голова?
Пришло мнѣ унопать, попоръ съ тобою;
Но всякая болѣзнь имѣешъ врачевство. —
Какой по счастливой судьбою,
Простосердечнаго пришло спасти божество.
Зевесовой сказапелъ власпи,
Меркурій прилѣшелъ, и всѣ напаша
Въ крестьянинъ пресека,
Сказавъ: я знаю дно глубокихъ самыхъ рѣкъ.
Туда я для тебя съ охотою спущуся,
И съ попоромъ твоимъ олипъ лѣ возвращуся. —
Не мудрено богамъ — нещастчымъ помогашь;
Не сталъ онъ болѣ оплагать.
Въ рѣку — и вышадилъ секиру не пр-спую,
Секиру золотую.
Крестьянинъ говоритъ: не шу я потерялъ,
Но богъ ему серебряну являлъ:
Мужикъ, не спорю въ томъ, что попоры богашы;

Однако не мой; своей ищю я прахы.
 Желѣзну на конецъ сежиру богъ явилъ,
 Вошъ мой попорѣ бѣдняшка возокилъ!
 Какъ много щедры боги!
 И у Меркурія цѣлуешъ ноги.—
 За то, что правду онъ сказалъ,
 Богаты попоры ему Меркурій далъ.—
 Лишь разнеслись въ соседствѣ ети вѣщи;
 Все захошѣли равной чести.—
 Меркурій къ нимъ опянь съ небесъ долой.
 И выптащилъ сперва попорѣ онъ золошой;
 Не занянувшись всеъ закричали: мой!
 Но богъ увѣряя въ ихъ ащности и лести.
 Богатымъ попоромъ имъ далъ по шумаку,
 И опушилъ его въ рѣку.

XV.

Февъ и Борей.

Богъ вѣтра — богъ спиховъ, два сильны боги
 Болшая о пущомъ, имѣя рѣчи многи,
 Воступали въ прю.—
 Проѣжжій въ спаньчѣ на лошади дорогой,
 Закутавшись скакалъ, боясь погоды спрогой.—
 Борей шакъ говоритъ: его я усмирю:
 Нускай какъ хочешъ
 Проѣжжій въ спаньчѣ хлопчешъ
 Я силою моею похвастанья хочу;
 Съ проѣжжаго схвачу
 Въ минушу спанчу;
 Но лучезарный богъ Борейю ошвѣчашъ;

Пускай себя Борей на свѣтѣ опличаесть;
 Фебъ послѣ окончаесть. —
 Лѣшитъ Борей
 Волнуесть дно морей.
 Онъ дунулъ
 И силы всѣ напрягъ;
 Упоренъ врагъ,
 И спанчи съ плечей не ссунулъ;
 Пошѣлъ;
 Пыхтѣлъ,
 Дышалъ со всѣхъ сторонъ въ лицо, въ бока
 и прямо;
 Проѣзжий мой упрямо
 Такъ спанчу искусно засметнулъ
 Что по пусту Борей Ею и малъ и гнулъ;
 Уставши на концѣ, хоть спанчи не здвинулъ,
 Онъ подвигъ кинулъ. —
 Лишь воздухъ сталъ нагрѣтъ отъ Фебова луча,
 Сама собой съ плеча
 Слѣшела спанча. —
 Вотъ кротости и строгости примѣры!
 Не должно ни когда жестокия брашь мѣры.

XVI.

Рыбакъ и Рыбка.

Миѣ гуся не сули, подай синицу въ руки;
 Всѣ знаютъ каковы судейски буки.
 Здѣсь дѣло не о нихъ; о рыбахъ,
 Не дуракахъ.
 Ловилъ онъ щукъ закинувъ сѣти;

Но щуки не поймалъ, попались щучьи дѣти,
 И вѣжливо ему
 Сидя въ ведрѣ, плели ласкательствѣ шму.
 Иль добычью какъ мы и малой и не лѣсной
 Ты господинъ рыбакъ, рыбакъ извѣстный
 Доволенъ можешь бышь — позволъ шы намъ росши,
 И послѣ невода и сѣши въ насъ пусши,
 Какой изъ насъ кусокъ? — мы малы и не жирны,
 Щучапы мы пеперь и въ щукахъ будемъ смиры.—
 Рыбакъ ихъ слушалъ рѣчь имѣвъ дусѣ,
 Однакоже щучатъ не щукъ
 Не выпустилъ изъ рукъ.

XVII.

Левъ и Левѣста.

Въ глубоку старину, а не пеперь;
 Живали за одно и человекъ и звѣрь.
 Мы наряжались безъ пышности убого
 И были противъ нихъ слабѣй не много.
 Въ плохой погоданей вѣкъ
 Со львомъ не смѣлъ встрѣчаться человекъ.
 Въ такіе времена жилъ левъ дѣшина,
 По нашему скопина;
 Въ красавиду влюбясь, пришолъ къ опцу,
 Просишь егò къ вѣнду. —
 Такое свашовство почтенно и щасливо.
 Однакожъ щекотливо:
 Старикъ умнѣй былъ льва,
 И ласковые пѣлъ ему слова:
 Что онъ шо приидѣ въ честь, но дочь его не
 Львица,

Дѣвица. —
 Не вновь
 Любовь

Была причиною дурачества многихъ.

Омирово то дѣло не мое,
 Погибла Троя опъ нес. —
 Царь левъ случась у ней въ оковахъ спрогихъ;
 Согласенъ былъ на всѣ; позволилъ, какъ глупецъ,
 И когти срѣзашъ съ лапъ и вырвать зубы;
 Оставилъ только губы,
 И длинну шерсть своей богатой шубы;
 И спалъ онъ на концѣ,
 Какъ крѣпость безъ садамъ, безъ пуль и безъ
 снарау,
 И назывался львомъ лишь только для обряду. —
 Ротъ львовъ
 Не спрашенъ безъ зубовъ,
 А лапы безъ когтей. — Съ смычокъ сабакъ спустили,
 До смерти жениха легко приколотили.

XVIII.

Городская и Деревенская мышъ.

На ужинъ пребогатой
 Съ огромнымъ пиршествомъ и прашой
 Соседку изъ полей мышъ въ городъ звала;
 Ей столъ дала
 Со вкусомъ, съ роскошью и съ прихотью през-
 мѣрной,
 И для другини вѣрной.
 Всѣ дешвы ставила въ фарфоръ, серебръ,

На лучшемъ изъ всѣхъ прекраснѣйшемъ коврѣ;
 Но только жаль, что праздникъ прекра-
 шили. —

Услышала хозяйка стукъ;
 Не знаю на верху во что то колошили;
 И въ другъ
 И вмѣстѣ съ гостейкой не разобравъ дороги,
 Бѣжали по полямъ, отколь взялися ноги! —
 Но гостья ей: приди въ поля ко мнѣ,
 Опкушанъ безъ чиновъ на единѣ. —
 Конечно роскошь сполъ въ поляхъ не украшаетъ;
 Однако намъ за то ни кто не помѣшаетъ.

XIX.

Хозяинъ, Перелелка и Рожъ.

Надѣйся на себя, — имѣй заслуги. —
 Не спорю я, родня, сосѣди, други
 Готовы сдѣлашь всё, пріятеля любя,
 На свѣтѣ для тебя;
 Однакоже они, какъ сильно ни радѣютъ,
 Не такъ, какъ самъ, конечно охладѣютъ. —
 Въ прекрасно царствіе весення божества;
 Когда всѣ чувствія играютъ естества;
 Когда опрадныя отъ Солнца теплоты
 Манятъ возобновлять природы красоты;
 Когда ручьи журчанъ, когда расшумъ цвѣтны;
 Когда, какъ кажется, природа вся родишся,
 И вновь
 Зоватъ любовь;
 Когда на свѣтѣ всё плодишся:
 Стучилось, истинно, безъ всякой лжи,

Читалъ то въ Федрѣ я, въ Езопѣ межъ уроковъ,
 То въдасишь Фоншенъ, то знаеши Сумароковъ,
 Что вывелъ перепелъ дѣшею своихъ во ржи.

Ужъ дѣши великоньки спали;

Бродили по землѣ, но шолько не лѣшали;

Какъ дѣши всѣ нерѣдко лепешали;

Что видѣли, о шомъ и съ машушкой болшали. —

Лѣшасишь мать,

Ребяшамъ хлѣбъ досташъ;

А имъ велѣла замѣчашъ,

Что съ рожью думасишь хозяйнѣ ихъ начашъ. —

Явилась машушка, ну дѣши ей скучашъ:

Шора, оставя нѣги,

Ошселъ намъ брешни — иные
 брашь начлеги:

Хозяинѣ приходилъ, и сыну приказалъ,

Чтобы на утро онѣ соседей звалъ,

И съ помощію ихъ весь хлѣбъ пожалъ;

Но мать тревогу удержала

Спокоя ихъ:

Когда велѣлъ онѣ звашъ соседей лишѣ однихъ,

Та помощь не пришла и хлѣбъ еще не сжала:

Опять я полечу — не нада намъ дремашъ;

Хозяйской разговоръ внимашъ. —

Къ любезнымъ дѣшушкамъ опашъ приходитъ мать:

Они за мѣдленность ея пѣняли,

Сказавъ, что ясно всѣ слова хозяйки вяляли,

Что къ завпрешнему дню

Не шолько что друзей — велѣлъ онѣ звашъ родню:

Но мать вшорично хохотала,

Ошлѣшала. —

Рожъ сшала созрѣвашъ — проходилъ жданны дни;

Какъ не было друзей, такъ не было родни:
 Но дѣши мапушкѣ сказали снова:
 Бѣда гошова;
 Что самъ хозяинъ здѣсь во ржи бродилъ,
 И съ сыномъ такъ судилъ:
 Что нечего родни соседей дожидаться;
 Не лучшешь намъ самимъ за серпъ приващьясь,
 И завтра по утру весь хлѣбъ пожашь?
 Сказала мать;
 Теперь пора бѣжашь
 Любезны дѣши,
 Чтобъ имъ не попадаться въ сѣпи. —
 Слѣшела мать — не дальній срокъ;
 За нею дѣши ковыляли,
 Порхали, дѣлали скачюкъ,
 И тѣмъ себя опѣ смерти избавляли.

XX

Орлица, Велрица и Кошка.

Когда отравою наполнены уста
 Сшверзеші клевета!
 Зло степѣ взоромъ,
 Дышитѣ бѣдами и раздоромъ. —
 На деревѣ одномъ
 Имѣли домъ
 Три значна господина:
 То есть, супруги ихъ имѣли при гнѣзда;
 Орлица на верху — веприцѣ череда
 Имѣшь внизу покой; а кошкѣ середина
 Досталася дупла.
 Всѣ знаютъ, кошка, звѣрь лукавой, зла . . .

Приходитъ съ ласкою и видъ имѣвъ жалливый
 Къ веприцѣ на поклонѣ, безъ прозѣбы и безъ зву,
 И говоритъ: случай щасливый
 Завѣлъ меня къ тебѣ — скажу молву;
 Скажу про новы вѣсти,
 Не скрою ни чего, безъ лѣсти:
 О дѣпяхъ попѣкись — не оставляй гнѣзда;
 Пришла бѣда. —
 Я вѣрно слышала, когда на шагѣ веприца
 Покинешъ на гнѣздѣ своихъ дѣшей;
 Придѣтъ орлица —
 Ущадитъ ихъ; брегись ея когтей!
 Проси — ни слова болѣ . . .
 Лукавица опшолѣ.
 Родя сумнѣнья ядѣ, посѣявъ зло,
 Бѣжитъ на верхъ въ дупло;
 И говоритъ: пернатыхъ всѣхъ Царица!
 Усердно выслушай меня орлица: —
 Тебѣ злодѣй — веприца;
 Гнѣзда не оставляй. —
 Ты мать — о дѣпяхъ помышляй.
 Веприца всяку ночь у корня землю роетъ;
 Вошъ умыслѣ ея; — лишъ часѣ откроетъ,
 Что иѣтъ въ гнѣздѣ тебѣ:
 Все дерево свалишъ — орляшъ губя,
 И сердце машери, прибавя съ жаромъ,
 Убивъ ея дѣшею, пронзишъ ударомъ. —
 Орлица позабывъ, что жить нельзя,
 Когда припасовъ нѣтъ ни крошки,
 Послушалась лукавой кошки,
 Надъ малыми дѣпями слезя,
 Сидитъ на макушкѣ въ безменномъ караулѣ.

Веприца на низу безсменно на часахъ. —
 Бѣда и страхъ
 Въ посулѣ;
 А голодъ между тѣмъ обѣихъ поморилъ,
 И кошкѣ добычу богашу подарилъ.

XXI.

Скулой и Кладъ.

Кто копилъ денжки и въ землю ихъ заросилъ,
 Зарывши ихъ надъ ними воилъ;
 Тотъ копилъ не себѣ, наследникамъ, ворами;
 Иль моту въ добычу, землѣ или морямъ. —
 Проказница Форпуна,
 Не мысля богашинъ Непшуча,
 Скупому кладъ
 Зарывъ велѣла
 Въ сени у хижинъ, что крышки не имѣла. —
 Стояла хижина въ лѣсу — скупой былъ
 радъ,
 Кирпичики разрывъ, червонцы прачешъ.
 Проходилъ годъ,
 Приходитъ мотъ,
 Терзается и плачешъ,
 И въ хижину всупя — веревку прицепилъ,
 Которую на грошъ послѣдній оиъ купилъ,
 И удавиться хочешъ;
 Полушки не имѣвъ, о жизни не хлопочешъ:
 По лишъ веревку прикрѣпилъ;
 Какъ вдругъ спена валишься спала,
 И повалясь мешала

Червонцы тысячами и тысячами рубли.
 Сребро и золото конечно не нули;
 Бѣдняшка мой ихъ знасть цѣну,
 И осмошря порядочно всю сѣну,
 Бѣжишь мошань,
 Хошя и не успѣлъ всѣхъ денегъ сосчитать. —
 Скупой ко кладу возвратился;
 Но кладу не найдя,
 На мѣсто, гдѣ онъ былъ, уныло погляда,
 И съ нимъ и съ жизнію проснился:
 Удавокъ подхватилъ — надѣлъ и — удивился,
 Чшо онъ на щомъ чужой безъ прапы удавился.

XXII.

Морѣ Звѣрей.

Лютѣйше зло избъ всѣхъ на свѣтѣ золъ
 Рожденное во ада чревѣ,
 Которо Нееѣса во гнѣвѣ
 На Земной кинули нещасной долъ
 Заразой, язвой и чумою
 Зовушь его врачи,
 Весь оныхъ факультешъ, потопъ, и шрусъ, мечи
 Въ сравненьи съ сѣй бѣдою,
 Бездѣлица и вздоръ.
 Она и въ часъ и въ день, не внемля спона,
 Удобна весь наполнишь дворъ
 Плутсна. —
 Животныхъ всѣхъ бесчисное число
 Терпело оно зло;
 Всѣ звѣри имъ спрадали;
 Не всѣ однакожъ умирали:
 Но грусть, тоска и смерть простерли по лѣсамъ

Свой образъ томный и унылый ;

Имѣли роуди видѣ могилы ;

И всё дремало шамъ. —

Душой и хвостикомъ лисицы не вертели,

И волки за овдой бродить въ лѣса не смѣли ;

Другъ друга горленки бѣжали прочь ;

Забыли голуби любовну власъ и мочь :

Забошу смершную всё въ головѣ имѣли.

Въ случаяхъ горестныхъ , въ печальный де

Своихъ придворныхъ ,

И всехъ зверей ему покорныхъ

Царь левъ собралъ въ цареву сѣнь ,

Мы грѣшны всё ; коли не всё , то многи.

Сколь милосивы боги !

Толико праведны , толико строги. —

На вѣрно прогневилъ ихъ ктонибудь изъ насъ ;

И ежели я самъ — готовъ сей часъ ,

Въ сію минушу

Принять смерть люшу :

Очисти мѣ совѣсти раскаянемъ шперъ. —

Пусть незаконѣйшій и согрѣшившій звѣрь

На смерть предастся самовольно ;

На милосшь преклонить шѣмъ Небеса довольно.

Я первый самъ не пошпаю грѣха :

Я кушивалъ овецъ — ѣвалъ я пастуха : —

Пустилися льстецы: лисицы, обезьяны,

Грѣхъ царской убавляшь и соплетать обману.

Овца преглупа шварь — овцамъ велика честь ,

Что ты , звѣриной царь , благоволилъ ихъ ѣсть

Пастухъ конечно звѣрь негодный ,

Овецъ мучитель онъ природный :

И пожь

Грѣхи вельможъ

Слегка судили,
 Слегка рядили,
 И въ совѣсть у слона, верблюда и волковъ
 Не смѣли сунушь носъ и — даже что у псовъ,
 У всѣхъ Звѣрей безчестныхъ
 Грѣховъ не находилось смертныхъ. —
 Оселъ на очередь предсталъ,
 И шакъ болшалъ:
 Я грѣшенъ безсловенъ,
 Въ грѣхъ моемъ виновенъ;
 И я сосѣдственной обижали лужка
 Схватилъ сенца не болъ полкочка
 Длинною языка ослина. —
 Всѣ вопіяли шакъ: негодная скошина!
 О беззаконникъ люшь!
 Злодѣй и плушь!
 Въ мигушу безъ суда виновнымъ объявили,
 И удавили.

XXIII.

Лисица и Виноградъ.

Кума лиса
 Увидя вѣнку винограду,
 Съ того часа,
 Прильнула шакъ къ нему, что не спускаетъ вз-
 гляду;
 Пресладкой виноградъ, кусокъ;
 Но онъ высокъ. —
 Кума лиса къ нему скакала!
 И рыломъ и ногой по дереву полкала,
 Качала дерево и шакъ и сякъ

Но виноградъ упрямъ, не падаетъ никакъ. —
 Хотя въ виноградъ губъ лиса не омокала;
 Успала, бро ила, кричишь: на взглядъ хорошь,
 А вкусомъ для меня не нуеишь ни загрошь.

XXIV.

Орелъ и Стрѣла.

Изъ лука пущена стрѣла,
 Свисля по воздуху, орла
 Сразила. —

Стрѣла отравою намазана была:
 Орелъ упавъ, кричишь: боговъ могуща сила!
 Иль вашей по судьбы успавъ,
 Чтобъ люди злостныи
 На насъ орудїя пускали смертоносны,
 Изъ пѣрья нашего стрѣлу собравъ,
 И должноли своей способствовашъ кончинъ? —
 Но ты не торжествуй, не милосердый родъ!
 Всѣ люди злобности своей вкушаютъ плодъ,
 И смертныхъ половиѣ
 Другая часъ
 Плещеть напасъ.

XXV.

Коршунъ и Голуби.

На воздухѣ въ прошедши времена
 Горѣла страшная война:
 Между крылатыми внесла раздоръ бѣллона;

Тамъ лиль кровавый дождь, тамъ много было
спона. —

Совсемъ не хваспаю, совсемъ прибавки нѣтъ ;

Изъшенъ свѣтъ, —

Хотя бѣ шактики воююиъ пшицы,

Не пшицы, нѣжныя напершницы весны,

Отъ коихъ чувшива вѣ насъ вѣ любви возрождены;

Не шѣ кошорыя запрежны

У колесницы

Венеры Греческой — не бѣлы голубицы

Имѣли брань :

Суровы коршуны съ повислыми носами,

И съ оспрыми когнями,

Плушону люшому плашили злобно дань. —

Убишая собака

Причиною была, за что воспала драка.

Но драка смершная подобна шой,

Котосу Римъ имѣлъ, какъ зваюиъ, съ Карфагеной

Искусшвомъ, храбростью и силой и измѣной,

И кишрой выдумкой и мастерства борьбой

Свирѣпы рашники усердно убивали;

На всѣхъ стихіяхъ воевали.

Не разъ погибъ герой,

Не разъ Коцита водъ испилъ огромный строй.

Увидя шакрове воюющихъ упорство

И равне съ обоихъ шноронъ проворство,

Надежду возшимѣлъ нещастный Промешей

Отъ ихъ избавитъся когшей.

Другой народъ чувствительной и вѣрной,

А имянно: народъ былъ голубей,

Отъ сердца нѣжнаго, души

Нелицмѣрной

Не могъ безъ жалости смотрѣть на тѣмъ смертей;
 Вступилъ въ переговоры,
 Послалъ посла,
 Смятчилъ уперливыхъ, очистилъ споры,
 И къ миру наклонилъ извѣснаго числа. —
 Лишь коршуны преслали драться
 Между собой;
 Пустились подбираться
 И звать на бой
 Своихъ спасителей великодушныхъ:
 Не вмѣстной крошестности послушныхъ;
 И такъ погнали ихъ свирѣпостью своею,
 Что въ городѣ, въ поляхъ, вездѣ губили,
 И цѣлой родъ чуть чуть не истребили. —
 Когда засравные одни
 Военны межъ собой имѣютъ дни;
 Пожалуй не мѣшай имъ драться
 Восстанушь на тебя, лишь шолько помираешь.

XXVI.

Разбойники и Оселъ.

Два вора нѣкогда осла стянули,
 За добычъ ссорились: одинъ хотѣлъ сълзать;
 Другой осла пролашь;
 И драться начали — другъ друга пошолкнули,
 И ну, другъ друга за виски,
 Даютъ тычки,
 И въ рыло и въ бока толкають
 Осла изъ рукъ пускають.

Приходитъ претѣй воръ,
 Который взявъ осла на свой уводитъ дворъ. —
 Не рѣдко у царей бываешъ,
 Что двое шрашятся а претѣй добываешъ.

XXVII.

Два Лошака.

Поклажу на возахъ везли два лошака;
 Одинъ кули съ овсомъ, другой мѣшки съ казною:
 Лошакъ что деньги везъ, хощя крехишъ спиною;
 Поклажа для него казалася легка.

Онъ былъ спѣсивья природы,
 Съ обрядомъ важности шагаль. —
 Тогда пошли разбойники въ по-
 ходы;

У вора глазъ остеръ — и воръ не промигалъ
 Съ казною лошака — на лошака напали,

Его щипали
 И — не грозить
 А ну, шузить;

Но лошаку съ овсомъ, хощябы слѣво.
 Лошакъ съ казной кричишъ: какое чудо ново!

И шоль сулили мѣ? —
 За чѣмъ, шоварицъ мой, ты не въ войнѣ?
 За пѣмъ что я лишъ мельнику работникъ:
 Ты служишь у Царя, ты знашмой и чиновникъ....

XXVIII.

Пѣтухъ и Жемчужное зерно.

Пѣшухъ въ навозной кучѣ рылся,
 Зерно жемчужное безцѣнное найдя,

И на зерно довольно погляди,
 Пошелъ къ золотарю и такъ открылся:
 Пускай жемчугъ хорошъ;
 Пожалуй за него овса на грошъ.
 Невѣжда съ радостью за борзую скотину
 Съ придачею ошдастъ Рафайлову каршину.

XXIX.

Гора въ Родахъ.

Гора беременна кричала,
 И о своихъ родахъ всѣмъ уши прожужжала.
 Бѣжитъ со всѣхъ сторонъ народъ,
 Разиня ротъ,
 Кричитъ: гора презнатнаго ребѣнка
 На свѣтъ произведетъ, не меньше какъ левѣнка,
 Иль пигра иль слона: всѣ часъ ея стрегутъ. —
 Пѣшны на стихахъ уже ребѣнку лгутъ.
 Но часъ приспѣлъ — гора — княгиня разрѣшилась;
 Вселенна изумилась.
 То помню имянно въ полнѣчну было шишъ;
 Гора родила — мышъ.

XXX.

Фортуна и Дитя.

Дитя въ свободный часъ отъ дядьки и науки,
 Улегся на правѣ близъ ручейка отъ скуки;

руками, головой повиснулъ на ручей,
 Морфея благости съ опрадою вкушая,
 Упаси бы могъ легко. — Фортуна поспѣшая
 Къ младенцу спящему, рукой своей

Дитя искусно разбудила,
 Сказавъ: по щастію, что бласко я бродила;
 Поди и у ручья впредь не ложися спать;
 Неосторожностью швоей менябъ клепать
 Всѣ люди начали, младенцу разтвердила,
 Что не всегда она
 Въ нещастіи людей вина.

XXXI.

Старикъ и три Молодца.

Старикъ восьмидесяти лѣтъ и болѣ
 Задумалъ садъ садить. —
 Три юны молодца гуляя въ полѣ,
 Увидя зачали о старикѣ судить: —
 Ему ли садъ развеситъ въ шакія годы! —
 Еще какъ бы хотѣлъ построишь домъ! —
 Возможно бы молчать о шомъ;
 Емудь дождаться лезя расшѣнїевъ природы!
 Емудь увидѣшь плодъ—безумной человѣкъ!
 Иль частъ онъ прожить Мафусаиловъ вѣкъ? —
 Брось старецъ думы льспивы,
 Надежду дальнюю и замыслы кичливы;
 Пекися о душѣ. . . иное дѣло намъ. —
 Какъ вамъ? . . .

Вы молоды — и льститесь быть щасливѣе
 Какъ знать кому изъ насъ случится въ лодку сѣсть
 У васъ на гробъ лѣзя, зорь нѣсколько мнѣ счастье
 И кто мнѣ запретилъ прудиться
 Мосей забавою потомство одолжился ;
 Наслѣднику мой садъ,
 Быть можетъ, принесетъ множество прохлады ;
 Я пѣнь для внука здѣсь готовлю.
 Онъ правду говорилъ ; и я примолваю ,
 Погибли юноши случилось шакъ :
 Одинъ влюбился
 Безумно, какъ дуракъ ,
 И заспрѣдился ;
 Другой ухлопанъ на войнѣ ,
 А третій жизнь скончалъ въ морской волнѣ. —
 Шарикъ съ сѣдыми волосами
 Объ нихъ воспоминалъ всегда съ слезами.

XXXII.

Сука и Щенята.

Назначенно судьбой припѣло сукѣ время
 Любовно сбросить бремя ,
 То есть, что по проснѣ пришлось ей родить ;
 Но вся забота въ томъ и сука,
 Что замка для родинѣ не приготовитъ сука ;
 Никто ей въ томъ не хочетъ угодить
 И домъ ссудить.

Какъ люди, такъ и псы живущіе злонаправны,
 Не всё однакожъ равны.
 Сыскалась сука доброй человѣкъ,
 Вишь хата не на вѣкъ —
 Тебѣ нужна! на время срочно —
 Угодна ли моя? . . . родильница заочно
 Покой себѣ беретъ — пришла,
 И родила
 Хозяйка съ спросомъ къ ней, здоровы ли всѣ дочки?
 Авѣ мысляхъ — вонъ поди. Родильница отсрочки
 Умѣла попросить — успѣла въ томъ.
 И разъ отсрочено и два и болѣ,
 Тянулась сроками дополѣ,
 Что властно закричѣвъ: не покидаю домъ.
 И дѣши и сама показывающѣ зубы;
 Хозяйкѣ рѣчи шѣ не любы,
 Слезами залилась
 И далѣ попелася.
 Не одолжай коварныхъ
 Неблагодарныхъ.

XXXIII

Левъ и Мышь.

Какъ можно болѣе ты дѣлай самъ услуги;
 Какъ попадешь въ бѣду, тебѣ найдутся други.
 Безумно, вѣтренно, безъ всяка зву
 Пригнула изъ норы мышъ въ лапы къ льву.
 Великій царь не прогневился,
 И жизнь ей щедро даровалъ, —

Чрезъ день потомъ самъ левъ ввалился
 Въ пещеры средь лѣсовъ — ревѣлъ, стенамъ
 И залился.

Мышь леву полезна шумъ — понятно ли уму?
 Чего чрезъ силу, мочь не удалось ему,
 Изъ благодарности по мышъ зубами
 Исполнишь въ мигъ. — Разгрызла узелокъ,
 И леву сталъ путь свободенъ и легкокъ. —
 Какъ кто нибудь высокъ
 Не смѣй пренебрегать несчастнаго слезамъ.

XXXIV.

Орелъ и Ворона

Юпишера пища
 Орелъ или орлица
 Барана жирнаго изъ спада унесла.
 Ворона съ давнихъ лѣтъ любитель ремесла,
 До куса сладкаго большой охотникъ,
 Хошя прошивъ орла худой была работникъ.
 Пустилась спадо облепашъ,
 Барановъ жирныхъ тамъ считатьъ.
 Намеся одного такъ шучна, какъ пельца,
 Барана жертвенна, кошораго пишали
 Для устъ боговъ или жреца,
 И въ мысляхъ говоритъ: ты не имѣй печали,
 Ты будешь мой обѣдъ, чью кровь ты ни сосалъ,
 Ты сладокъ долженъ быть, ты мнѣ въ рабы попалъ
 Ворона послѣ этой рѣчи,
 Лѣпитъ на жирну шварь, вцѣпилась прямо въ плечи
 И разомъ въ верхъ поднявъ хвѣста цѣлой мѣрѣ.
 Баранъ увѣсистой случился, нежелъ сырѣ.

Бударва длинна шерсть свалалася клочками,
 Рядами
 Какъ борода
 У одноглазаго циклопа;
 Ворона заплелась въ шерсть мнимаго холопа,
 что ей самой пришла погибнуть череда.
 Къ чему склоняю смыслъ шакого разговора? . .
 Ворнишка не всегда перенимай у вора. —

XXXV

Зангы уши.

Толкнулъ когда то льва рогами звѣрь;
 Царь левъ прогибвался: сей мигъ, сей часъ,
 шеперь
 Чшобъ въ царствѣ у меня роговъ ни крошки
 болѣ!

Пришолъ о томъ указъ
 въ приказъ.

Рогатыя спѣшатъ опшолъ: —

Лоровы и быки, бараны и слоны,

И рогоносцы все, сколь было, сосланы. —

За ними заяцъ прыгъ — ему въ глаза лисица,

А ты куда спѣшишь, комола заяцъ пшица?

Боюсь прицѣпокъ я, боюсь судей, судовъ

И ихъ крючковъ. —

Опомнись куманюкъ, какъ счесъ рогами уши?

Я робокъ, а приномъ подьяческія души

Легко произведущъ въ олени ихъ рога;

Мнѣ жизнь всемирно доро а;

И такъ въ запасъ — прощай. — Просшился

И долго онъ домой не возвратился.

XXXVI.

Старуха и двѣ Служанки.

Старуха нѣкогда служанокъ двухъ имѣла
И ошѣ того считаешь барышѣ свой разумѣла.

Ихъ часѣ

Была искусно прясѣ.

И Парки адскія извѣстныя прѣди въ свѣтѣ.
Ихъ хуже знали толкъ. Ложились не въ подклѣтѣ;
Сѣ хозяйкой рядышкомъ, чшобъ дѣло шло скорѣй:
Работу въ руки имъ — и всякой часѣ швердила,
Лѣнишься незначемъ! — Прѣдъ упренней зарей

Ихъ всякой день будила.

Лишѣ зашовласый Фебѣ сѣ одра —

И имъ вставать пора;

А между шѣмъ пѣснухъ злонравный вѣспникъ,
Какъ свѣтѣ спомнѣ, Авроринъ другъ, наперсникъ
Часа не промигаль.

Старуха сѣ пѣснухомъ согласна,

И на плеча шугай: уже пѣснухъ кричалъ,

Какъ барыня сердита, самовластна

Пойдетъ гляять сѣ постели дѣвокъ прочъ:

Уже давно былъ свѣтѣ; исчезла ночь. —

То дѣвкамъ не мило; умыслили сесприцы

Къ Плутону пѣснуха опрѣавишь пѣть,

Чрезъ день пѣснухъ попался въ адску сѣшъ,

И больше не поетъ, ишѣтъ голоса у пшицы;

Но дѣвкамъ ошѣ того нелучше спало живъ.

Старуха разсудила;

Нѣшѣ пользы о пѣвцѣ шуживъ;

А дѣвокъ до свѣту за часѣ всегда будила.

XXXVII.

Устрица и два Прохожихъ.

Прохожихъ два нашии кусокъ преславной,
 Амброзиі равной.
 То устрица была и въ мигъ кричать,
 И брань начать:
 Нельзя двумъ устрицы съѣсть разомъ.
 Одинъ, что прежде онъ сею окинулъ глазомъ,
 Другой: я устрицынъ слышалъ прежде духъ.
 Другъ другу устрицы не опдають изъ рукъ.
 Судья пришолъ, и взялъ ихъ устрицу для лвки,
 Разкрылъ и въ ротъ кладеть и скушалъ
 онъ безъ справки;
 Обѣимъ имъ по раковинѣ далъ,
 Чтобъ на судью изъ нихъ никто не поѣнялъ,
 И заключилъ шѣмъ судъ для шушки на досугъ:
 Убышки, протвори идише другъ на другъ.

XXXVIII.

Лисица и Журавль.

Лисица журавля къ себѣ просила въ гости.
 Хотѣла подчивать, но спавила не кости
 На блюдѣ каша шамъ, не знаю изъ чего.
 Носъ журавлиной длиненьб,
 Журавль не виненьб,
 Чшо въ гости онъ пришелъ, не вущаетъ того.
 Лисица
 Масхерица

Всё ѣсть, для ужина не прячешь ничего.

Когда войдешь ко мнѣ, чашаешь! ты съ
допросомъ,

За чѣмъ журавль не ѣлъ? на то опѣшь,

Что съ блюда рыломъ ѣшь ловчѣе, нежелъ носомъ.

Смѣкнулъ про то журавль, лисѣ сказалъ: мой свѣшь,
Ты мнѣ сосѣдъ;

Пожалуй и сама къ сосѣду на обѣдъ.

Лиса пришла, тамъ новая посуда.

Журавль не кушастъ съ ложка, ни съ блюда;

Журавль въ бушлыку мясо вбилъ.

Лисица на прошивъ посшитя,

Вершитя.

Журавль когда обѣдъ одинъ весь попребилъ,

Лисѣ сказалъ узнать ты можешь съ разу,

Что воронъ ворону не выколѣтъ въ вѣкъ глазу.

XXXIX.

Кошка Мевѣста.

Влюбился въ спатую Пигмаліонъ,

Такъ для чего и въ кошку не влюбишься?

Такъ Фѣдръ, Эзопъ сказалъ, то правда или совѣ!

Я немогу божитя.

Любовникъ кошки той просилъ боговъ,

Чтобъ въ женщину ту кошку прешворили.

Олимпа жисели о томъ поговорили,

Согласны здѣлались, указъ готовъ;

И кошка барыня, какъ вѣкъ жила, рядитя,

Гордитя,

И въ долѣ умѣеть закупашь.
 У кошки славные уборы,
 Не хочеть кошка усшупать!

Лукаво — нѣжно взоры,
 Безпечный разговоръ, припворну лѣнь
 умѣла переняшь неболѣе, какъ въ день,
 Женихъ безъ памяти любезной кошкой шаетъ,
 Такъ счастливымъ себя, какъ Зевса починастъ.

Свершился бракъ,
 Въ восшоргѣ мой дуракъ.
 Въ чершогѣ радости къ кровати мышъ мелькнула,
 Съ кровати барыня прыгнула,
 И кошкой сдѣлалась— за мышью ну бѣжанъ.
 Нѣшь узѣ, чтобы могли природу удержашь!

XXXX.

Совѣтъ мышей.

Быль кошъ гораздо лихъ
 Фоншенъ, Эзопъ и Федръ такой сложили стихъ,
 Что кошъ былъ золъ, свирѣпъ, мышачьихъ душъ
 губительъ,

Убйда и грабительъ.
 Когда въ полночну пишь
 Лишь носикомъ мелькнешъ наружу мышъ;
 То крохоборида опъ толъ
 Не возвращается къ подругамъ болъ.

Тоскуютъ мыши всѣ,
 Какъ взятокбращели при смернномъ бывъ часѣ,
 Всѣ мыши опъ копа, какъ будшобы въ осадѣ.
 Совѣтомъ собрались. Тутъ мышъ была знашкъ,

И я его поднялъ, такъ я одинъ не двое,
 Топоръ спалъ мой, оставь меня въ покоѣ,
 И слова не мѣшай, не къ спашъ: мы,
 Разгорячились у двухъ друзей умы,

Пошелъ дорогой

Споръ многой,

О топорѣ,

Друзья кричали,

То было по ушпру на самой на зорѣ.

Кричаѣ къ деревнѣ шли; топоръ деревни той;

Крестьянѣ ихъ встрѣчали,

И говорятъ: постой,

Гдѣ вы топоръ сшянули?

Друзей шолкнули;

Хосятъ дззашъ

Чтобы въ судѣ примѣрно наказать.

Топѣ, кто нашелъ топорѣ; нашли его мы вмѣстѣ,

За спой вонѣ горой на спомѣ мѣстѣ;

Другой ему въ онвѣтъ:

Оставь меня въ покоѣ

Ты прежде самъ кричалъ: нашли топорѣ не двое,

Такъ мнѣ въ побояхъ доли нѣшъ.

ХХХХІІ.

Туга, Гора и Куга.

Кто хочетъ вдалѣ сморгѣть, тому на спощѣ разѣ

Имѣтъ пошребно острый глазѣ,

Иначе олѣ ссбл напрасно безпокошъ;

Воображеніе не рѣдко замки спроцшѣ.

Два шли прохожія, имѣли разговорѣ,
 Другѣ другу такѣ сказали:
 Сего дни нашѣ походѣ не будетѣ спорѣ,
 Вотѣ шуча вѣпереди! на шучу указали.
 Какѣ хлынешѣ дождѣ, ударишѣ громѣ,
 Бѣда итши пѣшкомѣ.
 Идутѣ и кропчутся, но бури не встрѣчали,
 Гдѣ шучу видѣли; тамѣ гору примѣчали,
 Ину опяшь судишь:
 Трудненько будетѣ намѣ на гору восходитьѣ,
 Мы шары, тяжелы, у насѣ ослабли ноги.
 Идутѣ, однакожѣ нѣшѣ нигдѣ крушой дороги.
 Пришли
 Гдѣ видѣли Кавказѣ, гдѣ шучу зрѣли грозну,
 Нашли
 Лишѣ кучу тамѣ навозну.

ХХХХІІІ.

Двѣ Сумы.

Когда Зевесѣ родѣ смертныхѣ сотворилѣ;
 Двумя сумами очѣ людей всѣхѣ подарилѣ.
 Одну суму повѣсилѣ заплечами,
 Другую предѣ очами.
 Пороки собственны вѣ сумѣ, что за спиной;
 Вѣ сумѣ предѣ лицомѣ порокѣ чужой.
 Мы недостачки всѣ у ближняго встречаемѣ,
 Своихѣ не примѣаемѣ.
 Короче заключишь, чашашель! я и ты
 Мы рысы для другихѣ, а для себя крошы.

XXXXIV.

Солнце и Лягушки.

Споустяго божество, когда молва лѣпашетъ,
 Не только испинну, не рѣдко ложь болпашетъ,
 Случилось вѣкогда пустую вѣшь
 Въ болошо сѣ принесть.

Лягушки черны

Какъ жипели воды безъ смысла легковѣрны,
 Въ мигъ сѣ челобитною посла въ чертогъ,
 Гдѣ свѣша богъ

Великолѣпными лучами

Міровъ безчисленныхъ сіяетъ предъ очами.

Лягушки Солнышко пришли просить,

Чиобъ мысль изволило о бракѣ опложишь;

Когда отъ одного въ болошѣ мало мѣста.

Что будетъ, ежели прибавишься невѣста?

И нынѣ жениховъ воспламененный зракъ

Наноситъ часно смерть; когда свершится бракъ,

И дѣши Солнцовы придутъ въ ошцовы силы,

Преобразятся намъ болошы всѣ въ могилы.

XXXXV.

Волки и Море.

Оведъ пазать охочи волки

Россійской ла - Фоншенъ, о нихъ худыя шолки

Пустилъ, и прѣобрѣлъ вѣнецъ.

Французскому Фоншену подражая,

Фоншену Федръ былъ образецъ,

Езопъ имъ всѣмъ отецъ.

Могу примолвишь пожѣ волкамѣ не досажая,
А что ?

На берегу морскомѣ волковѣ лежало спо.
Волкѣ думаетѣ о злѣ, лѣжа шамѣ примѣчали,
Что волявы шьму овецѣ по морю мчали;
Но не овецѣ самихѣ
Одну лишѣ кожу ихѣ;

А волки чаяли, овечьи видя кожи
Что шамѣ и шѣло ихѣ и рожи
Намѣрились овецѣ шамѣ волки поприжать:

Хоть волчье сердце смѣло,
Опасно дѣло

Имѣ по морю бѣжать.

Герои волки шамѣ не разѣ глядѣли,
Хотѣли

Пусшиться вѣ плавы; но море не рѣка.
Издалека

Скрипѣли и зубами,
Вершѣли и хвостами;

Не смѣли и ногой вѣ Нешпуновѣ домѣ всшупить,
Хоть сходно на морѣ овецѣ купить.
Замысловатой волкѣ случился шамѣ, читашель!
Для пользы царшвенной онѣ былѣ изобрѣшатель,
Вы сами видите нельзя намѣ вѣ морѣ плышь,
Любезны сродники! намѣ — море пить,
Чтобы слизнуть овецѣ, не мѣшкавѣ должно,
И этого никакѣ намѣ запретить не можно.
Послушались его — и море ну лакашь.

Оно неубываешь;

Желудки сшали полны;

Морскія волны

Кошки геройски рвушь,
Герои мрушь.

Овечки мнимыя и море дѣло,
А волчье на брегу лежишь бездушно шѣло.

XXXXVI.

Волкъ порука за Оленя.

Олень просилъ займы пшеницы у овцы,
И волка по себѣ порукою представилъ.
Вы оба мнѣ друзья и оба молодцы,
Сказала имъ овца, я вашихъ правилъ
Не смѣю оуждашь.
Ты волкъ привыкъ всегда чужое лишь глодашь;
А швы олень проворны носишь ноги,
Какъ придетъ срокъ,
Хотя законы строги,
Бѣжашъ легокъ.

XXXXVII.

Ворона въ Павлиныхъ перьяхъ.

Опасно смѣло
Не за свое намъ брашья дѣло!
Азоръ какъ ни радись, не будетъ молодцомъ,
Личиною лъзя бышь, не можно бышь лицомъ;
Лъзя почести обрести по случаю велики,
Коль духа смысла нѣтъ, они не сродны, дики.
Ворона на лугу
Павлиновъ множество найдя въ одномъ кругу
Павлиными плѣнилась красошами,
Среброзлашисшыми хвостами,
И захопѣла вдругъ ворона безъ ума

Павлиномъ бытъ сама.
 Павлиньи пѣрушки усердно подбирала,
 По Руски крала ,
 И нарядилась въ нихъ. — Ворона не павлинь;
 Лѣпшѣ однакоже какъ знатной господинѣ.
 Павлины истинны въ дурачество не впади,
 Ворону сципали.
 Ворона со спыдомъ пошла къ своимъ сестрамъ;
 Они не приняли — поди къ Юконѣ въ храмъ.

XXXXVIII.

Кривая Лисица.

Лисица на рѣку пришла испить воды.
 Лиса была крива, спрашась бѣды
 Судила такъ лисица:
 Миѣ зла не слѣлаюшѣ ни окунь, ни плопница ,
 На спорону рѣки кривой послужилъ глазъ
 Спокойна шѣмъ на шпотъ разъ,
 Сказала про себя: другимъ я вижу ясно
 И опасаться миѣ напрасно,
 И съ поля можно ждать, не съ береговъ
 Злодѣевъ и враговъ.
 Кривою спороною
 Лисица спала пить ,
 Не думаетъ себя нимало поропить;
 Возможноли кому съ воды пришии войною !
 Увы ! лиса, случилось такъ
 Рыбакъ
 На лодкѣ былъ съ ружьемъ, лисицу,
 Какъ шиду ,

Безъ промаха убилъ
И звѣря хитраго въ минушу погубилъ.

XLIX.

Возѣ и Муха.

Случилась на возу высокомѣрна муха
Полна кичливости и гордѣлива духа.

Увидя то, что возѣ

Иди́тъ мѣдлишельно, лѣнливо,

Поклажа на возу, какое ешо диво?

Но муха чваняся, шьму дѣлаешъ угрозы:

Извоцику пѣнаешъ

И погоняешъ :

Ступай скорѣй не рысю , въ скачѣ;
Рабошай приспѣжной, ударь кнупомѣ не плачѣ.
Кричитѣ и сердитѣся; — что муха ни ворчала
Ни лошады, ни сѣдокѣ, шого не примѣчала.

L

Илѣ и Собака

Рѣка, которая Египетѣ весь питаетѣ,
Вся крокодилами полна бываетѣ.
Ужасенъ крокодилѣ тамѣ псамѣ,
Какѣ древле былѣ Атшила самѣ;
И чшобѣ избавишься ошѣ зѣва крокодила
На крайнкѣ бреговѣ лакаютѣ псы,
Не смѣютѣ за ѣжашѣ подалѣе усы.

Пришла собака пить на берегъ Нила,
 Ее увидѣлъ крокодилъ,
 Къ ней ближе подходилъ
 И разговоръ водилъ,
 Сказалъ: на берегу воды осмашки;
 Въ срединѣ у рѣки струи гораздо сладки:
 Иль вкусъ хорошей не любя,
 Боишься утолять свою пы жажду;
 А песь ему на по: ошъ жажды спиражду;
 Но сладку воду пить, боюсь себя.

LI.

Овца и Дождь.

Когда съ Борѣемъ Фебъ былъ въ ссорѣ
 Лилось дождя на землю море:
 Извѣстно что бѣда,
 Когда поссорятся большія господа.
 Дождь крупенъ, часпъ, и нивы потопляешъ.
 Какъ дождь идѣотъ, никто безъ нужды не гуляетъ
 Обычай былъ такой и еспъ.
 Одна овца забыла еъ полѣ,
 Овца обмокла вся, нѣпъ силы болѣ
 Борощься ей съ дождемъ; умѣетъ дождь пролѣзп
 Сквозъ кожу и сквозъ шерспъ.
 Оца дрожала,
 Овца къ огню бѣжала;
 Попалася овца не въ клевъ къ своимъ сеспірамъ,
 Сушишься забрела на кухню къ поварамъ.
 Они съ овцой не много говорили,
 На ужинъ Лукуллу сварили.

LII.

Мышь и Лягушка.

Исторія не пишеть

Какимъ случаемъ мышь къ лягушкамъ забрела;
 Однако истинно въ болотѣ мышь жила.
 Въ болотѣ кошки нѣтъ, свободно мышка дышетъ.
 Лягушка нѣкая сердита; зла,
 Такъ мышкѣ говоритъ: хочу тебя я скушать,
 За чѣмъ ты гостя здѣсь, иль наши нѣсни слушаешь?
 По русски говорю, что ѣсть тебя хочу.
 Къ намъ въ острова гуляшь мышей я опущу;

А мышь сама была упряма

И шузъ шузу спѣшитъ во слѣдъ.

Межъ ними началась печальна драма.

Лягушка, мышь дрались, и миру мѣста нѣтъ;
 Случай всегда счастлива ждѣтъ.

Плутовка

Рыболовка;

Гдѣ люта брань была, направилъ полѣтъ.

То было не при мѣ, за очно,

Не знаю шочно,

На ужинъ иль обѣдъ;

Но вѣрно только то, что рыболову

Лягушка съ мышкою добычу далъ нову

LIII.

Лошакъ и рутля.

Лошакъ молоденькой кичился, любовался,

Увида гриву, ростъ свой въ рѣкѣ

Скакать, какъ борзый конь, онъ порывался
 И съ нимъ хотѣлъ быть на одной доскѣ.
 Лишь вспомнилъ мой лошакъ, что онъ ослабѣродилъ,
 Упалъ духъ въ лошакъ, лошакъ мой опустился.
 Въ такомъ случаѣ молодецъ,
 Когда его ошецъ
 Какой нибудь глупецъ.

LIV.

Лисица и Муха.

Улиссова сестрица
 Лисица
 По самы по груди попала въ грязь
 И шину,
 Оставила одну наружѣ только спину.
 Въ рукахъ Циклоповыхъ былъ самъ Ипаки Князь.
 Лисица плачетъ.
 Для большихъ бѣдъ
 На бѣдную лису шабунъ слѣпней шамъ скачешъ,
 И взялъ въ полонъ ея хребетъ:
 Они лису кусали
 И кровь сосали,
 Какъ сладкій медъ.
 Волкъ мимо шелъ, о бѣдненькой хлопочетъ
 И говоритъ ей такъ: ты дружны дочь,
 Когда лисица хочешъ
 Я ешу всю толпу стоню въ минушу прочь.
 Лисица шакъ ему: останься волкъ въ покоѣ,
 Они ужъ сыты мной, когда ты стонишь ихъ
 Бышь можешъ, налѣтшишь число и вдвое

Ко мнѣ слѣпней другихъ
Голодныхъ, злыхъ.

LV.

Разбойники и Омутъ.

Грабители народъ суровый,
Для денегъ, для добычи готовый
Лешъшь къ пасности, бѣдѣ и смерти новой,
Въ дорогу собрались толпа воровъ
Съ начальникомъ, съ обозомъ ратнымъ,
Съ припасомъ гибели исправнымъ.

Капашъ на ловъ,
Когда угрюма ночь съ дождемъ, съ громами
Злодѣисива кроетъ ихъ широкими крылами,
И свѣшилъ молніей одной
Въ ноци такой.

Капашъ — услышали погоню за собою;
Ворамъ съ погонюю не лзя пуспиться къ бою;
Неровно ремесло,
Неровное число;

При темѣ разбойники конечно не герои,
Обезоруженымъ ихъ страшны спрои.

Куда себя дѣвашъ!
Рѣку потребно преплывашъ.
Рѣку не малую
Большую;

Подобно какъ Нева, рѣку шакую.
Погоня позади а съ переди рѣка;
Рѣка угрюмая, сердита, глубока,
Разбойникамъ бѣда; но видючи не взгоду,
Болящя пошерашъ свободу.

Пустились смѣло черезъ воду ;
 Преправясь черезъ рѣку опять
 Буянцѣ, рѣзвяшся, не плачушѣ;
 Но обернулись вспять,
 Увидѣли опять,
 Погони скачушѣ.

Опять на встрѣчу имѣ ручей,
 Ручей, а не рѣка, ручей почти безводный,
 Которой орошалъ крошчайшею струей,
 Ручей казался тихъ — ручей незлобный,
 Безъ вѣпру, безъ валовъ, разбойники кричатѣ :
 Въ минушу скакуны на берегѣ насѣ умчатѣ.

Увидя дно ручья, не слыша шуму,
 Пустились черезъ него, оспавя дальну думу,
 Пустились : — давеча мы переплыли рѣку
 Довольно глубоко;
 Ручей бездѣлица — въ бездѣлицу скакнули
 И помонули.

Приговорной кротости и шихости не вѣрь,
 Которой ласкѣ псѣ, — не вредный звѣрь.

П Р И Т Ч И.

К Н И Г А В Т О Р А Я.

I.

Лисица и Лисенокъ.

Когда блестящими лучами
Преспавъ на землю сыпзшь свѣтъ,
Надъ всѣми ложными, почтенный мной, божками,
Фебъ блѣокурый богъ опочивашъ идетъ.
Какъ шищы всѣ не спятъ ночныя,
Совы, рсвидвцы и скупыя,
Иль по проспу сказать, когда наспанешъ ночь,
Какъ солнце закапится,
Когда разбойникамъ любовникамъ, не спишся,
И всякъ кто до чего охочъ,
Чего при солнцѣ взять не смѣешъ,
А взять желаніе великое имѣешъ,
Топъ прользуясь ночьюю темношой
За добычей бредешъ скользящю ногой.
Лисица своего ребѣнка
Лисѣонка
На честный промыселъ въ первые повела
И знашь ему дала:
Куда, за чемъ, и какъ они бредушъ такъ шайно.
Сперва къ двору пришли, гдѣ шихо чрезвычайно.
Лисенокъ тамъ не видя ни кого,
Паставника щолакаешъ своего,

И говоритъ: себя мы вѣрно позабавимъ;
 Гусей, цыплятъ, и куръ довольно передавимъ.—
 Лисица же ему: не попадись въ бѣду;
 Сшупай за мной, куда себя я поведу.

Здѣсь пишина, спокойство обитаетъ;

Щасшливъ! кто здѣсь живешъ;

Онъ сладко засыпаетъ:

Хозяинъ самъ его псковой блюдетъ. —

Лишь добродѣтели его семейство,

Не пропустилъ онъ сюда злодѣйство;

И шакъ сынокъ пойдемъ скорѣе отъ ворошъ. —

Примѣтъ такой народъ,

Который мудраго царя имѣетъ.

Гдѣ истинна цвѣшетъ — коснувшись зло не смѣетъ.

II.

Пустынникъ и Потести.

Ни одному на свѣтѣ божеству

Толико олшарей не спросятъ,

Такъ много ни кого не беспокоятъ,

Какъ божество, что я форшуную зову —

Сказать ли справедливо?

Форшунѣ жить гораздо хлопотливо:

Предмѣшны всѣхъ спрасшей

Въ рукахъ у ней;

Однакожъ молодецъ одинъ случился,

Который не весьма за нею волочился;

Онъ былъ ни бѣденъ, ни богатъ,

Доволенъ былъ судьбою,

Доволенъ былъ женою;

Онъ малинкой имѣлъ и домъ и садъ. —

Въ осеню темну ночь Форшуна поустала,
 И у окна его спучала:
 Пожалуй ночевашь меня пусши;
 Мнѣ далѣ не куды брести;
 Богатство, пышнобши, чины и украшенья
 Тебѣ для возвышенья
 Со мною у воротѣ.—
 Мнѣ эштопѣ весь народѣ,
 Хозяинѣ отвѣчалѣ, безѣ дальня размышленья,
 Куда лѣвашь?
 И у меня одна кроватѣ,
 Кожору берегу, не мучася шпоскою,
 Веселью и покою.

III.

Орелъ и Тервякѣ.

Орелѣ, владыка пшицѣ, Зевеса другѣ извѣстной,
 Сидящѣ съ нимѣ на громахѣ, на высотѣ небесной,
 По Царству своему, по воздуху лѣшалѣ,
 Успалѣ.
 Высокой дубѣ найдя, усѣлся на вершинѣ.
 Увидя червяка бокѣ о бокѣ близѣ его,
 Спѣсивася въ высококомѣ чинѣ,
 Кричалѣ за смѣльство таково:
 „Ползуца пшварь! какими ты спезямѣ
 „Явилась днесѣ подѣ облаками
 „И наряду сидишѣ пернатыхѣ со Князьями,
 „Владыки возлѣ самаго;
 „Не всѣми нами
 „Сей посѣщасѣ дубѣ,

„Нот ми ада онѣ, главою неба близокѣ;
 „Червякѣ! какѣ смѣлѣ сюда, ты бывши столько
 близокѣ? . . .

Бѣднякѣ отвѣщивовалѣ, вопросѣ услыша грубѣ;
 Непоспѣжимыя пуши судьбины строгой
 Ведущѣ насѣ всѣхѣ къ концу приличною дорогою;
 Для небожителей равна вся тварь. —
 Я червь, а ты пернатыхѣ Царь;
 Кичливостью надушый многою,

И случаю сему за чѣмѣ дивишься шакѣ? —
 Орелѣ, ты залѣшелѣ — залелѣ червякѣ.

IV.

Эпидоклѣ и Тифли.

Не спорю, слава есть пресладостной кусокѣ,
 Что сей богини рабѣ нишасть духѣ высокѣ,
 Чтобы изѣ грѣба зрѣшь въ своей потомствѣ властнѣ;
 Пороки гонишь онѣ и побѣждаетѣ страсти. —

Цари и войны, стиховѣ творцы,
 И сами мудрецы

Ея со крошеснью прѣмлютѣ гласѣ ушава.

Она

Одна

Последняя ихѣ страсть высокихѣ душѣ забава,
 Но коль оправденѣ плодѣ безопасности и покой,
 Покой, кошорой вѣки многи,

Какѣ древность говоритѣ, наследовали боги,
 Неравенѣ онѣ съ грызущемою лоской;

Кошора раны дастѣ въ душѣ глубоки,
 Коль самолюбѣя спсезя и корнѣ пороки.

Преславный Эмпедоклѣ надѣ Эпичю сидѣлъ
 Не годѣ одинѣ, но многи годы
 На дѣйствіе огця глядѣлъ,
 Спарался царство познашь природы;
 Но наконецъ
 Наскучилѣ шѣмѣ мудрецѣ,
 Въ огоньъ скочилѣ, не сдѣлавши духовной,
 Вины не показавѣ ни мало благословной; —
 Какѣ время не было гробницу создашь,
 Которою бѣ себя въ попомствѣ славилѣ,
 Въ подошвѣ у горы онѣ шуфли лишѣ оставилѣ.
 Когда въ огоньъ скакашь
 На что и шуфли покидашь.

V:

Орлица и Березаха.

Воздушныхъ спиритъ царица!
 Орлица
 Своихъ любезныхъ чадѣ
 Такѣ воспитанъ хохлѣла,
 Чѣобы онихъ молва въ подсолнечной лешѣла,
 Чѣобѣ всѣ дивилися достоинству орляшѣ.
 Не въ Академію ихъ посылаала,
 Сама уроки имѣ давала,
 Чѣобѣ нѣко да они
 Простерли взоры смѣлы
 На выспреци предѣлы,
 Гдѣ Фсбовы чертятѣ крутѣ пламенной кони.
 Извѣстно насѣ вездѣ невѣжды сующѣ,
 Своими красками предметы всѣ рисующѣ.

Судейской поступью изволишь къ ней брести,
 И медлѣнно спѣша короткими шагами
 Машь черепаха въ домъ: — скажу безъ всякой лести
 Простыми лишь словами,
 Что ты изволила пустое возмечтать,
 Уча своихъ дѣшей лѣшать:
 Исторію ты развѣ не читала,
 Какъ бабушка лѣшала,
 И сколько отъ того бѣдъ приключилось ей?..
 Опшюдь неохкрывай воздушныхъ имъ пушей:
 Тому бѣды бываюнѣ многи,
 Кто крылья получилъ, не ноги,
 И нѣтъ опасяе Эфирныя дороги:
 Ползя
 Упасть нельзя;
 Не бывши шага
 Упала черепаха. —
 Безъ крылей полетѣвъ, упалъ Икаръ;
 Но кто крыль имѣетъ въ даръ,
 Тотъ въ шѣсношѣ круговъ не долженъ замыкаться —
 И спыдно Эйлеру полети и пресмыкашься.

VI.

Риторъ и Болванъ.

Былъ славный человекъ,
 Который цѣлый вѣкъ
 Отъ краснорѣчія не зналъ себѣ покою;
 Учене шекло, изъ уснѣ его рѣкою.
 Гремѣлъ мой говорунъ
 Такъ шочно, какъ перунъ. —

Стоялб болванб въ лѣсу, витія мой дуброву
 Изволишб посещать, и мнишб, что та Ъ ошову
 Себб получишб славу нову,
 И чванишся, какб Цицеронб,
 Какб за Лигарія вступилса онб.—
 Кто риторб, кто болванб-
 узнай чипашель? ..
 Орапорб мой, немисленный пи-
 сашель

Болванб — глупцы,
 Которыя плешупб ему похвалб вбидцы.

VII.

Хлѣбъ и Собака.

Нѣкто хлѣба несб укругб,
 Тунб собака прилучилса,
 Кб хлѣбу сердцемб прилѣпилса,
 И вершитса вкругб,
 Будшо бы нелѣстной другб.
 Гладитб, гладитб тонб собачку;
 Та узря себб потачку,
 И прельщаяся кускомб,
 То глазами кусб окинетб,
 То свой ротб она разинетб;
 То падетб предб дуракомб;
 То полизешб языкомб;
 Наконецб избравши пору,
 Тамб плутовка скокб
 Какб прямому должно вору
 И зубами за кусокб;
 А потомб назадб прыжокб,

Говоритъ: прещай дружокъ. —
 На шакова пса похожи
 И любовникъ и вельможи;
 Но сказать безъ дальнихъ словъ:
 Цѣлой смертныхъ родъ шаковъ. —
 Насъ тогда лишь величаютъ,
 Какъ отъ насъ услуги чають.

VIII.

Буря и Воръ.

Нерѣдко о пустомъ мы небу доучаемъ,
 И Бога прозьбою напрасной оягчаемъ,
 Кошеровъ сбывше родить намъ можемъ вредъ;
 И ежели вредное не збудется желанье;
 Дерзаемъ возносить на небеса рошанье
 За то, что насъ они спасли отъ лютыхъ бѣдъ. —
 Искусства не имѣвъ распорѣ
 жашъ собою
 Желаемъ управлять судьбою.
 Въ хорошій лѣтній день мужикъ въ дорогѣ былъ.
 Благошворящій лучъ отрадной теплошю
 Природу украшалъ, всѣ сущ. ства живилъ;
 Но вдругъ чинъ естества перемѣнилъ.
 Вулкановъ сынъ пришедъ съ бурливою полною;
 И вмѣсто солнечныхъ лучей,
 Льетъ съ небесъ дождя ручей.
 Блистають молніи — удары слышны грома.
 Мужикъ, которому дождь сильно докучалъ,
 Винилъ судьбу, сквозь зубы онъ
 ворчалъ:
 О дождь! когдабъ не ты — теперь я былъ бы домъ

Конечно Богъ
 Къ намъ много спроиѣ;
 Онъ управляя небесами,
 Бросая молнію и громъ
 Не знаеиѣ пятости шаскаться въ дождь пѣшкомъ,
 Не уважаючи ни мало нами.
 Когдабъ рачилъ о твари онъ своей,
 Для плодоносія полей;
 Онъ ночью бѣ дождиѣ лилъ—на что средѣ красныхъ
 дисей?
 Мужикъ судьбу винилъ и на небо пѣняеиѣ;
 Но въ бокъ поворотясь, увидѣлъ онъ, что воръ
 Ружье намѣшилъ изъ за горъ,
 Въ него стрѣляеиѣ.
 Грабительъ шрогаѣ ружья куроки;
 Весь порохъ онъ дожда пресильнаго замокъ:
 Спасеніе чрезъ дождь прохожій обрѣшасиѣ,

IX.

Лавръ и Маслина.

Своимъ гордяся превосходствомъ
 Задумалъ Лавръ, не только благородствомъ
 Быть то, что дубъ, но шакъ мечталъ:
 Что славою его древесный родъ блисталъ,
 Что лучше дерево изъ всѣхъ деревъ лаврово. —
 Кичливосиѣ шалунамъ, безуміе не ново.
 Съ крошчайшей маслиной онъ начинаеиѣ слово,
 Надмѣнно говоря,
 И въ лавръ кажеиѣ ей древеснаго царя;

И расшлалася вечерня тѣнь;
 Мы двое по саду съ пріятелемъ гуляли.
 Въ то время съ нимъ я споръ имѣлъ,
 Шумелъ,
 И доказать ему хотѣлъ,
 Что нѣтъ пріятнѣе на свѣтѣ части,
 Какъ бытъ покорену любовной страсти.
 Когда взаимный жаръ
 Два сердца ощущаютъ;
 Блаженство истинно любовники вкушаютъ;
 И словомъ, даръ любви первѣйшій въ свѣтѣ даръ.—
 Не станешь выхвалять любовничью ты долю,
 Пріятель говорилъ,
 Иль ты не испыталъ еще неволю
 И своенравія красавицъ не сносишь,
 За ихъ вины, у нихъ прощенья не просишь?
 На розу, предо мной распушу,
 Я указалъ,
 И шѣмъ сказалъ,
 Что вижу въ ней любовь цвѣщую. —
 А онъ мѣ ошѣмъ:
 На стеблѣ кажется всегда прекраснѣ цвѣтѣ.
 Сорви его — бѣгу сорвать прекрасну розу:
 Но чтожь? — едва за лозу
 Схватился я;
 Рука моя
 На тернѣ попала,
 И уязвлена стала.

XI.

Табашникъ и Борей.

Какойто молодецъ предъ ворошами
Табакъ молотъ, Борѣй свирѣными устами
Дохнулъ, и вихрь и пылъ поднялъ.

Борѣй, богъ очень строгой;
Борѣй, что ни встрѣчалъ, кушилъ и мялъ.

Лѣтя своей дорогой,
Дохнулъ по воздуху; пабакъ на встрѣчу послалъ.

Табашникъ видя то, ругалъ Борей;

Борей ему: дуракъ,

Ты будь другихъ умнѣя,

И не брани, что твой развѣялъ я табакъ;

Но знай, что естествомъ блюды законы,

Не виявши частныя табашниковы споны;

Я сдѣлалъ зло тебѣ; но блага милліоны.

XII.

Грабитель.

Одинъ грабитель

Чужихъ сокровищей любитель

Въ великолѣпныя чертоги пригласилъ

Друзей къ обѣду,

На знатную бѣседу. — .

Смотрите, братцы, я какъ прежде жилъ,

И нынѣ какъ живу, кичливо говорилъ.

И то, что есть у васъ у многихъ

Всѣхъ добродѣтелей любимцовъ строгихъ,

Какъ знашый Господиѣ,
Имѣю я одинѣ. —

Отвѣшны на вопросѣ услышалѣ онѣ шакід:
Конечно у себя всѣ вещи дорогія;

Но шолько не швои; — чужія. —

Когда стиховѣ шворецѣ,

Не вѣдавѣ своего искусства правилѣ,

Изѣ разныхѣ лоскушковѣ шворенія составилѣ;

Клю скажешѣ, чшобѣ онѣ былѣ шворенія ошецѣ?

Тогда стихи прекрасны,

Когда свободны, чисты, ясны;

Тогда чипашелей на похвалы влекущѣ,

Когда изѣ собственна источника шекущѣ.

Выкрадывашѣ стихи, не важное искусство: —

Украдѣ Корнисьевѣ духѣ, а у Расина чувшво.

XIII.

Щука и Уда.

Щука уду проглошила,

Ошѣ шого вѣ шоскѣ была;

И рвалася и велела,

Близѣ сід плашва жила. —

Вопрошашѣ щуку:

Миѣ кума повѣдай муку,

Миѣ повѣдай скуку,

Рвешѣ которая тебѣ. —

Не навизу я себѣ,

Громко щука отвѣчашѣ:

Всід меня здѣсь огорчашѣ,

И вѣ другую я рѣку.

Плышь хочу прогнать тоску. —

Ни съ какую

Ты рѣкою,

Кумушка покою

Не возможешь получишь;

Хоть ты въ океанѣ станешь жишь. —

Едешь внутренность шерзаетъ;

Счастье исчезаетъ ,

Не покинешъ ни на часъ

Совѣспи не молчный гласъ.

XIV.

Ворона и Соловей.

Журила нѣкогда Ворона

Орфея красныхъ рошь, а просто, соловья;

Не думай, чтобъ тебѣ когда спустила я. —

Что пользы въ соловьѣ, кому онъ оборона?

Меня швой не прельсшилъ ни мало голосокъ:

Вся пшичка съ ногошокъ.

Спокращно соловья почшениѣ ворона:

Тебя убить ничшо — въ тебѣ и силы нѣтъ?

Не вѣдаю, за чемъ и пуценъ ты на свѣтъ?

И много кой чего такого наболшала.

Во время распри ихъ орлица пролѣшала,

Воронѣ въ голову щелчокъ дала.

Щелчокъ вельможескѣй — ворона умерла.

Но съ лаской соловью и въ образѣ прѣязни,

Орлица говоришь, тебѣ nebudeтъ казни:

Тому виной

Прекрасный голосъ швой.

Живи и кой!

Щастіе у дверей.

Кто хочеть такъ зови, названіе пустое,
Форшуна, иль случай, иль щастіе слѣпое,

Форшуной я зову.

Форшуна брѣдишь на яву,

Имѣя на глазахъ завяску,

И деньги и чины и славу иногда

Безъ всякаго разбора и шруда

Даетъ глупцамъ, на шо скажу я скаску. —

О! вы, которые за ней снремитесь въ слѣдъ,

Не забывайше, что она недолго ждесть.

И вы любовники еѣд не раздражайше,

Минушы счасливой ошкюдъ не пропускайше:

Минушою одной не рѣдко чѣловѣкъ

Страдаеть вѣкъ. —

По селамъ, городамъ Форшуна пролѣшала;

Червонцовъ, деншъ, ключей шьму, кучи намѣшала;

Ушала на конецъ — въ деревню забрѣла,

Дережня вся спала.

Форшуна у избы одной спучала,

Прося, чтобъ дверь ей ошперша была. —

Хозяика глядъ въ окво, хозлина шолкаеть,

И говоритъ, проснись, вспавай скорѣй!

Тотъ глупъ, къ себѣ кто щастіе не пускаеть;

Вотъ само щастіе у нашихъ ждесть дверей! —

Однако дурачокъ ни какъ не щоропился,

Женѣ не слушаясь, въ кафтанѣ оиѣ нарядился. —
Въ кафтанѣ полетѣлъ къ дверямъ,

А щастія какъ не бывало шамъ,
Оно къ другому
Перебѣжало дому.

Когда къ намъ щастіе заѣдетъ не значай
Скорѣи его встрѣчай! —

XVI.

Живолисецъ.

Не всякому данъ тонкій вкусъ;
Не всякому судить искусство должно музъ. —
Когда, кто грамотѣ исправно не умѣетъ;
Напрасно шепъ цѣнишь труды чужіе смѣетъ.

Привыкнувъ говорить, не такъ не сякъ,

А ежели спросишь, какъ? —

Въ пень сѣанетъ мой дуракъ,

И то, что прилакуетъ,

Во вѣкъ не располкуетъ.

Изображеніе свое старикъ любя
Велѣлъ портретъ списать съ себя.
Портретъ готовъ, и живописецъ славный
Хозяину принесъ портретъ, весьма исправный. —
Старикъ доволенъ былъ, но такъ какъ оиѣ

Еще не Аполлонъ,

Чтобъ оцѣнить портретъ; послалъ за знамодами,

Послалъ за дураками.

Они пришли на судъ,

И говорятъ портретъ безмѣрно худъ.

При живописцѣ шомъ бранящъ картину,
Кричатъ: ты написалъ дѣшину.

Въ портретѣ онъ ребѣнокъ, не шарикъ,
Не такъ парикъ,
Не такъ и зубы,
Не такъ и губы. —

Покоренъ мастеръ былъ, послушалъ знапокозъ;
Портретъ исправилъ онъ, портретъ опять гошовъ.

Опять пришли, опять нашли пороки,
Опять даютъ уроки.

Въ угодность мастеръ имъ еще исправилъ разъ,
Еще опять — еще исполнилъ ихъ приказъ,
Хозяину сказавъ: успѣшь мнѣ не возможно,

И угождать, колико не любилъ,
Терпенье погубилъ. —

Невѣжды думаютъ, что порицать всѣо должно,
Пусть буду Апеллесъ! —

Я ихъ невѣжество явлю тебѣ не ложно.

Пустое полотно съ собою я принесъ;

Гдѣ быть лицу, нустымъ я мѣсто то оставилъ.

Послушался шарикъ, въ картину влезъ,

На судъ себя, а не портретъ представилъ.

Пришли судья — опять художника винящъ,

Художника бранящъ,

И говорящъ съ великимъ смѣхомъ,

Не можешь рисовать портретовъ ты съ успѣхомъ,

И не къ тому со всемъ способна кисть шволя! —

Мы судимъ безпристрастно;

Нимало сходства нѣтъ. — Грудился ты напрасно,

И еще впрямъ не онъ — шарикъ: пустое, я —

XVII.

Мыши и Орѣхи.

Какой-то мудрый левъ въ помѣ полагалъ ушѣхи,
Что жаловалъ мышей и жаловалъ орѣхи.—

Кому прошивно что,

Тому конечно то

Не надо ни начто.

Левъ мысля шожь, сказалъ къ орѣшному лукошку:
Для сбереженья ихъ опредѣлю я кошку;

А къ малинькимъ мышамъ

Мартышку спражемъ дамъ;

Кусочки не понижь, я то извѣдалъ, —

Какъ левъ провозгласилъ, шакъ левъ и сдѣлалъ;

Но спража каждаго подзаривалъ обѣдъ,

Которой у себя шеретъ его соседъ.

Столкнулися они — рукою руку мыли;

Орѣхи Царскія, и — мышкы съ ними сплыли.

XVIII.

Пьяница и Воръ.

Наперспникъ Вахусовъ не малы годы
Исправно въ храмъ его свои носилъ доходъ;

Сталъ чистѣ онъ наконецъ —

Пришло ни въ зубъ шольнушь;

Съ кружала пьяница пошолъ домой соснушь.

Къ нему закрался воръ и воровской рукою

Сталъ шарить по покою;

Апотѣ: жалѣю, брашѣ, пруда я швоего:
 Хошя шы до одной всѣ норки перероешь;
 шы ночью вѣрно здѣсь червонцовѣ не откроешь,
 Когда не нахожу и днсмѣ я ничего.

XIX.

Медведь и Обезьяна.

На что спѣсивишья чинами,
 Чины не вѣчно съ нами;
 Достоинства и честность не умрушь.
 Нецасишь, ежели кого за чинѣ почнушь!
 Когда почтенія особа не внушаетъ;
 Ей лепша важности не сообщашъ.
 Въ лѣсу
 Медведь и обезьяна жили,
 Другѣ другу общею приязнью служили,
 И не играли вѣкъ другѣ друга на носу.
 Въ какой то доброй часѣ, когда то обезьяна
 Хошѣла изѣ себя представитъ великана;
 Вскарабкалась на дубѣ — прижокѣ и разѣ и два
 И обезьянина взмошѣлась голова
 На дубѣ высокой.
 Тамѣ обезьяна долѣ увидѣла широкой
 И друга прежняго медведа на земли,
 Не хочешъ и узнать вдали,
 И на дубу сидя хлопчешъ,
 Надъ нимѣ хохочешъ. —
 Какѣ куманюкѣ шы малѣ! я сполько высока
 И для меня медведь безвѣрно шварѣ мѣлка.

Гордилась, прыгала и хвостикомъ вѣршѣла;
 Вѣртясь слѣшела,
 И искышала тѣмъ нещастную судьбу,
 Что высока была, сидя лишь на дубу.

XX.

Сова и Щеглынокъ.

Символъ премудрости, богини епой пшнца
 Сова въ кружокъ зашла,
 Гдѣ пшнцъ другихъ была довольная спанида,
 Я ихъ не вѣдаю числа;
 Но знаю, что чижи, шамъ были и вороны,
 Дрозды и множесшво болшливыхъ дамъ сорокъ.

Нашедъ Сову безъ обороны
 Ей захошѣли данъ урокъ.
 Къ Совѣ всечасно приступали,
 Сову щипали.

Щеглынокъ прилѣшелъ, не прогневлюль я васъ?
 Когда спрешу, за что сову въ сей щиплюшъ часъ?
 Соколъ и соловей на вѣрно чшяшъ сову;
 Яжъ пшнцею премудростислыву:
 Не голоса; — умы я оценяю,
 На дураковъ ни мало не пеняю,
 Пускай вороны вѣкъ мѣня журашъ,
 Браняшъ.

Когда бы я была осуждена орлами;
 Я огорчилась бы хулами.

Птичка и Клетка.

Кто замки строитъ
 Надежды слушаясь, себя потѣ беспокоитъ.
 Одинъ пасухъ пасушкою одной
 Пленился; былъ влюбленъ и жаръ его безмѣренъ.
 Кто знаетъ пасуховъ, конечно потѣ увѣренъ,
 Что заняты они любовью; не войной.
 Пасухъ, о коемъ рѣчь, не лѣшомъ, а вѣсной
 На ушрениѣй зарѣ, какъ Фсебъ вельможа
 Воспрянулъ съ ложа,
 Пошелъ и пшичку хватъ въ силки:
 Не миновашъ тебѣ руки
 Моей любезной,
 Не будешь у нее ты въ долѣ слѣзной;
 А я себѣ за трудъ подарки получу,
 И поделуевъ пять схвачу;
 Но пшичка ни кому не надобна безъ клетки,
 Въ минушу клешку вѣколочу,
 Пойду и наломаю вѣнки.
 Пошелъ и пленницу подъ шляпу посадилъ. —
 Покамѣсьишь снѣ бродилъ
 Не болѣ минушь;
 Борей не угомонны, люшы
 Едва дохнулъ,
 Верхъ дномъ и шляпу повѣрнулъ
 И поделуи всѣ, и пшичку съ ними
 Развѣдалъ будшо сонъ крылами онъ своими

XXII.

Статуя и Солнце.

Венеру изъ воску искусникъ слялъ.
 Статую на показъ друзьямъ всеѣмъ выносилъ,
 Его которы посѣщали
 Искусника труды друзей всеѣхъ восхищали. —
 Искусникъ возгордясъ статуею на показъ
 На площади поставилъ;
 Но Фэбъ лишь лучъ направилъ,
 Статую расшопилъ шопчасъ.

XXIII.

Фортуна и Шелехи.

Нерѣдко впунѣ
 Пѣняемъ мы форшунѣ.
 Мы ищемъ все, насъ сколько есть,
 Или сокровище, иль чинъ, иль честь;
 И седи, гонясъ не поймаемъ шѣни,
 Кшо будешъ виновашъ? форшунѣ пѣни.
 Одиѣ
 Случилсѣ господиѣ,
 Который умъ имѣлъ, но толькo безпокойный,
 По руски непосѣдъ. —
 Форшуна съ юныхъ лѣтъ,
 Его была предметъ.
 Онъ честенъ, скроменъ былъ, и человекъ достойный;
 Но глупосшь шу пиналъ,
 За чемъ предъ прочими не возблисталъ?
 Кричалъ: осѣдъ глупецъ, но милліоны
 Считая въ сундукѣ, попалъ въ бароны.
 Иной Министромъ спалъ,
 Иной и Папою, а иной Генералъ.

А я другихъ чѣмъ хуже? . .
 Ты лучше можешь быть, и лучше ихъ сто кратъ,
 Нѣтъ спору въ томъ, но кпоже виновашъ?
 Питая мысль одну день всякой шуже,

Фортуны барыни пошолъ ловишь шупей.
 Продавъ имѣнїе, наспроилъ кораблей. —
 Борей, Эолъ дохнули,
 Суда всѣ поповули.

Мой плавашель надѣвъ и саблю и каскетъ,
 На Марсовыхъ поляхъ лѣшипъ искать побѣдъ.
 Съ Беллоною за шѣмъ онъ разквивался,
 Что безъ ноги и безъ креста оспался. —

Поѣду ко Двору — Фортуна вѣрно шамъ.
 Гоняешь за нею по пятамъ,
 И душу, и лицо разъ по спу въ день ломашъ;
 Фортуны все не поймаешь. —

Фортуна скалившись, сказала шакъ ему;
 Скажи, виновналь я, что носишь шы суму? —
 Пѣди за мною въ храмъ, сокровища оперю,
 По волѣ я швоей судьбу швою успрою. —
 Вошъ деньги, вошъ чины, что хочешь, выбирай!
 Искательш возмѣчшалъ, что онъ попался въ рай,

И глазомъ всѣ мѣнки окинулъ,
 Которой всѣхъ грузней, онъ шощъ рукой подви-
 нулъ. —

Фортуна помѣшанъ не мыслила ни какъ;
 Но вышелъ онъ дуракъ.
 Онъ взялъ мѣшокъ, другихъ, кошорый былъ шяжелъ;
 Случилося на дѣлѣ,

Что шелехи въ мѣшкѣ—а мой совѣтъ :
 О томъ не шосковашъ, къ чему случая нѣтъ. —

XXV.

Перо и Ручка.

Бумаги золотой Голландской бѣлой
 Перо искусное черня лиспы,
 И видя почерка различны красоты,
 Внезапно заразясь кичливой мыслью смѣлой,
 Къ пушепроводителю къ рукѣ

Всечасно взорѣ мѣшало,

Всечасно хлопотало,

И о достоинствѣхъ своихъ болшало:

Я люблю чернилъ струи, какъ водѣ потокѣ въ рекѣ;

Я съ ней печенѣемъ и бысприной равняюсь;

Я спрокѣ размѣрами и чистотой плѣняюсь;

Я съ времени того, какъ Фивѣ преславный Царь

Органу языка спремленіе далъ ново

Нѣмое чрезѣ меня открылъ въ разлукѣ слово;

Лію щедроты тьму на всѣхъ язычю шварь;

Я вѣсть переносу безѣ лѣсти, безѣ обмана

Въ Пекинѣ, Мадридѣ, Москву, изѣ Лимы, Испана,

И словомъ, люди всѣ ни дня

Прожишь не могутъ безѣ меня.

Куда любовники, у коихъ не сговорны

Спарушки мапери и старики ошцы?

Куда купцы?

Куда стиховъ шворцы?

Куда дѣла придворны? —

И словомъ я одно.

Я ось вселенныя, земли вершено. —

Я тайны всѣ блюду въ пространномъ свѣтѣ;

Я какъ, Ашлантѣ, держу въ связъ весь смертныхъ родѣ.

Болшавы языки не перескажутъ въ годъ,

Что я изобразить умѣю на полѣтѣ.—

А ты, что предо мной о! бѣдная рука?

О! сколь швоя судьба прошивъ пера жалка.

Всегда шумишь перо съ рукою,

Бѣседою шакою

Ей не даешь покою;

Но разсѣрдясь рука,

Сказала такъ слегка:

О! гордое перо, кому ты будешь нужно,

Когда письмо не возлюбя

Не буду я чинить, ниже водишь тебя? —

Намъ жить пошребно дружно,

И я, мой государь, и вы

Конечно пропадемъ безъ головы:

Все въ мѣрѣ связано премудрою Судьбою.

Мной правишь голова; а я — шобою—

XXVI.

Солнце и Молнія.

Прегнувъ достоинствомъ въ балшѣ пусть гордишь;

Длящастія земли великій мужъ родится.

Похваленъ всякой даръ, почтены все умы;

Въ ихъ пользѣ, степеняхъ, различья тьмы.

Предъ солнцемъ молнія пускай огнями блещетъ,

Пускай громовыя во гнѣвѣ стрелы мещетъ,

Пускай еіо земля шрепещетъ;

Однакоже она,

Съ свѣшилкомъ живопворнымъ;

Которое лучемъ блистаетъ не припворнымъ,
 Не можетъ съ солнцемъ бытъ равна.
 Гордяся молвія судьбою возвышенной
 Изъ краю въ край блестя,
 Во всѣ концы земли въ мгновеніе лѣтъ,
 Вѣстила къ солнцу пакъ оны мысли восхищенной:
 Смотри какой,
 Могущества рукой,
 Я страхъ раждаю днесь, я громъ пускаю,
 Въ одежду пламѣнну я міръ весь облекаю,
 Колеблю море я, и сѣми небеса
 Трепещущъ моего явленія часа.
 Ягромъ поразишь могу подземны своды,
 Смутишь начала всей природы;
 Преспанъ являть, о солнце! нхъ
 Свои прелестныя и крошкѣ черны! —
 Я лишь блесну — твои померкнутъ красоты.
 На пышну рѣчь сію ей солнце замолчало,
 И тѣмъ лишь отвѣчало,
 Что на небѣ не видно спало тучь,
 Оно пустило лучь.

XXVII.

Левъ и мудрая Змѣя.

Левъ сильный царь скоповъ, по естѣ четвероногихъ,
 Былъ мудръ, богатъ, власпншель княжествъ многихъ,
 Имѣлъ огромной дѣмъ,
 Великолѣпной садъ, и шьму зевакъ кругомъ.
 Какъ прочіе Цари, ходилъ въ вѣнцѣ, въ порфирѣ,
 И лучшее изъ всѣхъ благополучье въ мірѣ,

Имѣлъ прекрасную жену,
 Которую любилъ одну.
 Царямъ и пастухамъ бываюшѣ дни прекрасны,
 Бываюшѣ дни ненасны,
 И смерть среди свирепствѣ и злобѣ
 Скосила львицу. —
 Со прона въ гробъ,
 Препроводя Царицу,
 Рыдашѣ левъ, степенѣ,
 И жизнь свою клянешѣ. —
 Со львами поступать похребно оспорожно,
 Имъ правды на прямикѣ ни какѣ сказать не можно,
 А вѣчно косикомѣ.
 Ихъ должно въ шолкѣ ввести искусно и съ умкомѣ. —
 Придворныя шочь вшочь по свойски поступали,
 И леву всечасно обѣщали,
 Что можно оживишѣ царицу чрезѣ врачей;
 Царь левъ такихѣ послушался речей.
 Утѣшасѣ, ободрасѣ, присталѣ съ постели;
 Гонцы его межѣ шѣмѣ повсюду полѣтели,
 Привозятѣ мудреца, мудрецѣ была змѣя,
 И говоритѣ царю: беруся я,
 Искусствомѣ оживишѣ души швоей царицу
 Прекрасну, вѣрну львицу;
 И головой моей ручаюсѣ за успѣхѣ,
 Лишѣ шолько обрѣсти щастливыхѣ шрѣхѣ
 Въ швоей державѣ,
 Которыбѣ никогда
 Не вѣдали, что есть на свѣшѣ за бѣда. —
 Премудро царствую во славѣ,
 Царь левъ отѣ радости явился безѣ ума;
 Онѣ мнилѣ вѣ его землѣ щастливцовѣ шѣма

Гонцы опять лѣшаютъ,
 Вельможъ и богачей хващаютъ,
 Привозятъ ко двору героевъ и купцовъ,
 Привозятъ мудрецовъ,
 Ни путь то сдѣлалось! — ни кто не воскресаетъ. —
 Какъ всякая печаль отъ время погасаетъ,
 Случилось и со львомъ.
 Погамѣннѣ для него щасливыхъ прехъ искали,
 Слѣды унынїя помалу исчезали;
 И черезъ годъ потомъ,
 Со львицею другой онъ бракомъ сочелся.
 Щасливыхъ не найдя — щасливымъ самъ остался,
 Увидѣлъ ясно онъ, какъ ни великъ сей свѣтъ;
 Нѣтъ челоуѣка въ немъ, ктобъ вѣкъ провелъ безъ
 бѣдъ.

XXVIII.

Свѣтильница и Согинитель.

Продажу дѣлали пожизкамъ мудреца,
 Положимъ Епиктепа,
 Сосудъ, любимый имъ для сохраненя свѣта,
 Пришворный лучъ, который для
 шворца,
 Не поврежда глазъ, средь ночи былъ любезенъ,
 И время для трудовъ умножа былъ полъзенъ.
 Свѣтильница въ глаза попалася глупца,
 Глупца ученаго, какихъ вездѣ довольно,
 Которы любяшъ больно
 Безъ смысла намарапъ бумажныя листы,
 И свѣту выдавашъ за разныя красны,

Ученой мой свѣшльницей прельстился,
 О ней безмѣрно суслился,
 Купилъ богашю цѣной.
 Лѣшилъ съ добычею и мыслилъ пчкб: со мной
 Теперь никто nebudeшъ равенъ;
 Свѣшльница моя, по ней вѣкѣ буду славенъ.
 И ежели теперь мнѣ музы несѣ руки;
 Скажу, цѣлители мои всѣ дураки.
 Спрадальцы, Фебовы носящія вериги,
 Охоты буйснвенной стихами декучашъ
 Вошъ бассейнка для васъ удобенъ даръ вѣнчашъ!
 Ни дара, ни ума не придадутъ вамъ кнги.

XXIX.

Смерть и божество брака.

Въ нарядѣ пышности, и въ видѣ красоны
 Имѣя вокругъ себя шолпы прѣяиснвѣ и смѣха,
 Которы сынали веселія цвѣшы,
 Богиня брачныхъ узъ и рядомъ съ ней ушѣха
 Встречались съ божествомъ другимъ.
 Съ какимъ?
 Встречались съ смертью злобной,
 Которая рукой удобной,
 Ударомъ гябельной косы
 Разила смертныхъ родъ во всѣ часы,
 Богиня брака ей: я вѣрю, что досадно
 Тебѣ со мною вѣшпѣ быть,
 Не можешь ты меня любишь,
 Я жду; а тебѣ все разрушашъ оправдно.—

Напротивъ смерть: ты мнѣ нелюдской другъ;
 Твоей долѣ — селишь земли обширной кругъ,
 Воспоргомъ радости, утѣхой взора,
 Ты власти моея первѣйшая подпора.
 Я уничижуся; когда не будешь ты;
 Пресполъ мой подкрѣпишь вѣкъ брака красоты.

Когда косою моею всею людимъ рывы
 То ножи для меня всякъ часъ готовишь жертвы;
 И пшкъ свой знаешь плодъ — лѣлѣяшь, оросишь,
 Что какъ ни шороплюсь, нѣшь силъ успѣшь косишь.

XXX.

Левъ и его Совѣтъ.

Звѣрина царства Титъ, самодержавный левъ,
 Ни какъ и ни когда не отверзалъ свой зевъ
 На гибель и напасти,
 И въ царской власти

Блаженство подданныхъ включалъ.

Онъ былъ похожъ на Римска Антонина,
 Желалъ отрады, спокойствія звѣрина;
 Съ пространныхъ областей своихъ собралъ совѣтъ.
 Изъ рощей, и съ дубравъ, и съ горъ течетъ
 Толпа четвероногихъ.

Коварныхъ, какъ лисицъ, и разумомъ убогихъ,
 Ословъ.

Увидя у себя въ чертогъ всехъ пословъ,
 Царь засѣданіе открылъ чрезъ крашко слово,
 Сказавъ, что сердце въ немъ всегда готово
 Для щастья подданныхъ издать законъ;
 И ежели есть въ правленіи недостатки;

Охотно ихъ исправитъ онъ,
 И проситъ, чтобъ послы записки дали крашки,
 Въ чемъ видятъ зло,
 И какъ помочь, и какъ страдъ число
 Прибавить,
 И всѣхъ блаженствовать заставить.
 В ѣ звѣри поклонясь, ихъ былъ изрядной полкъ,
 Вступили въ шолкъ.
 И первой волкъ,
 Чтобы свободныя устроились дороги
 Въ дубравахъ и лѣсахъ,
 Судилъ о псахъ,
 Что должность ихъ быть вѣчно на часахъ,
 Докъ лѣ пасухи безчеловѣчны, спроги
 Не будешь у звѣрей всѣмъ почно на зубахъ ;—
 И словомъ, пасуховъ безъ малыхъ прїязни
 Подвергъ онъ люшой казни:
 Доклада волкова причина и концъ
 Что онъ хотѣлъ спасти оведъ,
 И возвратишь царю рабовъ покорныхъ;
 А съ длиннымъ посохомъ всѣхъ пасуховъ прев-
 здорныхъ
 Достойно умертвить.
 Почтенна крыса тамъ мгновенно вспала,
 И шакъ вѣщала:
 За чемъ всѣхъ пасуховъ давить?
 И ежели войну потребно объявишь;
 Конечно всѣхъ опаснѣй кошки.
 Пять тысячъ лѣтъ тому, рекла нахмура бровь,
 Какъ льютъ они безвинну кровь;
 А мы, что дѣлали? подполица, лукошки
 Не могутъ насъ спасти.
 Быки, коровы предлагали,

Чпо всё лѣса грабителей скрывали,
 И всё согласно промышляли,
 Чтобъ крышки не было для лютаго врага;
 Дубравы, сколько есть, преобратишь въ луга;
 А лѣсъ продашь на щепъ казны народной.
 Наскуча левъ, совѣпъ безплодной
 Хошѣлъ уволить по домамъ,
 Какъ вдругъ въ чертогъ влестѣла муха,
 И мѣсто взявъ близъ царска уха,
 Позволь, великій царь! моимъ словамъ
 Коснушься пивоего пресвѣшла слуха,
 О! ты, кому покорны всё лѣса,
 Изволь внести докладъ на небѣса,
 И у Создателя великолѣпна свѣта,
 Пожалуй, испроси намъ вѣчно лѣта.
 Совѣта всякаго таковъ конецъ!
 Совѣсны, сколько есть, тѣла многообразны,
 Совѣшодателей всѣхъ пользы разны. —
 Желаслѣ воинъ брань, а мирныхъ дней купецъ.
 Лишъ пустословіемъ совѣсны множатъ;
 Придушъ, расстанушся, и ни на чемъ положатъ.

XXXI.

Двѣ Змѣи.

Свирѣпство, лютость злоба
 Доводятъ насъ до гроба. —
 Когда творецъ прекрасна еспешива
 Великолѣпный мѣръ устроилъ,
 Онъ пчелъ, любимыхъ шварей божества
 Ошличнымъ разумомъ, искусствомъ удостоилъ.

Онѣ оставя ядѣ, собираютѣ мѣтѣ;
 Онѣ живутѣ согласно;
 Онѣ шрудятѣ повсечасно,
 И жало имѣ дано для отвращенья бѣдѣ;
 Но жало,
 Какими часто ихѣ бѣдами пора жало!
 Предписано Судьбой,
 Чпо смерть дая приноситѣ смерть съ собой
 Пчелѣ, котора жало изощряетѣ,
 И ядѣ свой испочивѣ съ нимѣ лизнь шѣряетѣ.
 Пчела сердитая, забывѣ шакѣй ушавѣ
 Имѣ благодѣшельной природы,
 Пчела была буяитѣ и вѣ юны голы
 Любила ссоритѣся, предѣ ней никто неправѣ.
 Съ подругой побраняся еѣ схватила,
 Барахталась бунча,
 И жало гибельнѣй, язвительнѣй мѣча
 Между колѣвками изсунувши впустила,
 И ядѣ лѣя,
 Кричитѣ пчела змѣя:
 Спокойно умираю;
 На гибель я моей соперницы взираю;
 Пускай мнѣ жить надежды нѣтъ;
 Мой врагѣ со мной умретѣ! —

XXXII.

Зрятей и Слѣлой цмница.

Два друга нѣкогда пошли пѣшкомѣ
 Вѣ дорогу,
 Не знатную вслѣ услугу и не многу,

И дѣло не о томъ;
 Потребно описатьъ мнѣ ясно ихъ причѣшны,
 Не нужно знатьъ какія лѣшны,
 Какой былъ ростъ, лицо и носъ,
 Которой бѣлокуръ или черноволосъ;
 Подробности чинашеля не учашъ,
 А часто напросивъ чинашеля наскучашъ.
 Одинъ былъ просъ, то есть глупецъ,
 Другой былъ умница; но какъ Гомеръ, слѣпецъ,
 И цалкою пуши дороги разбирая,
 Въ болоша, ручейки и кочки ударяя.

Жезломъ,

Кой-какъ сопутшествовалъ, кой-какъ съ трудомъ.
 Съ уловкой и догадкой,

Простакъ идешь дорогой гладкой,
 Хоть въ грамотѣ постигъ не далѣе аза;
 Но у него свѣжей глаза,
 И говоришь слѣпому другу:

Для общежитія нужна на свѣшѣ связь.
 Не спорю въ разумѣ передо мной ты князь
 Взаимно можемъ мы другъ другу дашъ услугу;
 Ты слѣпъ по зрѣнью, а я по головѣ;
 Ты мыслишь далеко, не видишь, что въ правѣ;
 Я спину подъ тебя свою подснавляю

На кочкахъ, по ручьямъ, или въ лѣсу
 И ошъ паденія тебя чрезъ то спасу
 И долгъ охотно свой исправляю;

А ты ошъ нравственныхъ случайныхъ бѣдъ,
 Чтобы меня спасши, подашь совѣшъ.
 Слѣпецъ: на то я несогласенъ;
 Твое усердіе ты и шрудъ наирасенъ;
 Въ дорогъ помощь мнѣ бышь можешъ не нужна

И лучше, чѣмъ глаза, мнѣ простъ одна
 Поможетъ и избавитъ,
 Обиду естества исправитъ.
 Едва лишь то сказалъ, шагнулъ,
 Споткнулся, палъ въ ручей и чуть не попонулъ.
 Два наставленія иль два примѣра
 Удобно почерпать у мнимаго Гомера.
 Высокомѣрія негоднѣйшій порокъ,
 Другой урокъ:
 Что опытность, не умъ, къ познанію возводятъ.
 Соображательны блестящіе умы,
 Подобно какъ слѣпцы, средь тьмы
 Лишь спотыкаются и бродятъ.

XXXIII.

Совѣтъ и женихъ.

Недчасенъ тотъ, которой въ свѣтѣ
 Произведенъ судьбою
 Съ не крѣпкимъ разумомъ, съ преклонной головою,
 Котораго царь умъ на всѣ пуши ведетъ,
 Которой не рѣшимъ на всѣ дѣла собою.
 Одинъ молодчикъ былъ влюбленъ,
 Попался въ плѣнъ
 Къ прекрасной дѣвушкѣ и честной,
 Съ хорошей стороны всѣмъ въ городѣ известной.
 Женихъ влюбясь, пошелъ къ
 роднѣ
 Спроситъ совѣтъ о будущей женѣ.
 Совѣтодатель скупъ — невѣсту вмѣтъ порочитъ:
 О деньгахъ, деревьяхъ, огромны лясы почитъ,

Кричишь, купецку дочь возми ;
 Ты будешь дарствовать между людьми.
 Не надооно ума, а нужны милліоны;
 Будь голова пуспа, но полны сундуки;
 Безъ денегъ умницы, повѣрь миѣ дураки.
 Червонцы и рубли всему даюшь законы,
 Ты во моду попадешь — ты попадешь въ игру,
 Въ знакомство съ знапными и можешь ко двору ;
 Съ богатствомъ, головамъ первѣйшимъ будешь
 другомъ,

Поѣдешь дугомъ,
 И словомъ, ежели не будешь ты богатъ,
 Не знай мого двора: ты миѣ ни свашъ, ни брашъ.
 А послѣ рѣчи сей весьма виштелашой,
 Кожору, Демосфенъ сказаъ, неспорашой,
 Женихъ опять скачи
 Къ щеславному опшолъ;
 О деньгахъ, деревняхъ, ни слова болѣ.
 Тамъ новы смыслъ и рѣчь, шамъ
 леншы и ключи,

Чины, дипломы
 Блаженство истинно, — о нихъ похлопочи,
 И говоришь ему: еспь знапны дома,
 Не будь упрямъ,
 Ищи невѣсны шамъ.
 Съ людми, не съ деньгами пошребно жить на свѣшъ;
 Имѣи вельможешво одно въ предмѣшъ:
 Вельможа въ мѣрѣ все — вельможескѣй поклонъ
 Важнѣе, нежелъ милліонъ.
 Старайся съ знапными женою породнишья ;
 Повѣрь, что надобно для чину лишь женишья,

Свѣтъ влюбленному жестокъ и лихъ.
 Пошолъ опять женихъ
 Пришелъ къ пріятелю — пріятель былъ вздыхатель,
 Заразъ и красомы не лѣспный почишеть,
 Пріятель Сладокъ
 И далъ шакой заквѣ:
 Любовь и красота дарида мѣра,
 Предъ ней ничшо порфира,
 Ничшо сокровище, одинъ прекрасной взглядъ
 И нѣжно слово
 Восторги подадушъ, блаженство ново,
 И душу воскипятъ.
 Ищи красавицы въ концахъ вселенной,
 И наслаждайся съ ней любовью вожделенной.
 Друзья совѣшники конечно хороши;
 Но лучше спрашивай совѣша у души.

XXXIV.

Солнечны часы.

На линію полдня, въ извѣстный часъ,
 Толпа людей спешитъ и щуритъ глазъ,
 На солнечны часы — когда лучами
 Имъ солнице свѣтъ дастъ,
 Отбою нѣтъ,
 Когдажъ оно стоитъ не надъ часами,
 Бѣда!
 Поклонники сплывутъ всѣ, какъ вода.

Любимцы счастья у васъ полны чертоги
 Коль милосшивы къ вамъ, какъ солнце, полубоги.

XXXV.

Нарциссъ.

Сидѣлъ Нарциссъ прекрасный
 На берегу, гдѣ ключъ прозрачный, ясный
 Журча по камнямъ протекалъ.

Смотря на быстрые воды.

Мечталъ увидѣть въ нихъ всѣ прелѣспи природы,
 И зрѣніемъ краснѣ себя пишащъ алкалъ.

Восхищась шьюмой заразъ влюбился,

Нещасливой въ себя

И разумъ погубя,

Подобно мѣсяцу въ потокъ углубился.

Ни день, ни ночь

На шагъ оиъ оиъ ручья не ходищъ прочь.

Потокъ Нарциссу былъ любезенъ;

Нарциссъ свой видя жаръ напрасенъ, бесполезенъ,

Себя томилъ, и оторчалъ,

И на ручей склоняся и жизнь скончалъ.

Скажу я спрого:

Нарциссовъ таковыхъ нешолько въ свѣтѣ много;

Но во погибельной источникъ шотъ

Едваль не весь глядищя смершныхъ родъ!

XXXVI.

Факелъ и свѣта въ фонарѣ.

На свадьбу ѣхала богатая кареша
 Предъ нею съ факеломъ два вѣршника для свѣща.
 На улицѣ свѣча горела нѣ фонарѣ,
 И мнишь о факелѣ богатырѣ,
 Что онъ гордится шакъ напрасно
 И свѣшь на улицу, какъ солнце, сыплешь власино;
 Сама не хуже я его,
 Вина хозяйна моего
 Что ешь намиѣ, какъ у робенка,
 Стеклянная пеленка.

Я не дупя, я не фарфорѣ,
 Не нуженъ миѣ призорѣ,
 И не постыдно

Могу сиять я въ ночь, когда незги не видно,
 Могу, какъ факелъ, я шакъ бышь свѣшла,
 Коль не былобъ на миѣ прокляшаго стекла.
 Чуть малый вѣпрѣ наспалѣ, стекло разбилось,
 Сяніе свѣчи въ минушу погасилось.
 А факелъ всѣд горитѣ ему и нужды дѣтѣ.
 Такъ завистью горяшѣ, умы безплодны,
 Для насъ сошворены всѣ чесни превосходны!
 Опасны вамъ глаза народны,
 Для васъ опасенѣ бѣлый свѣтѣ.

XXXVII.

Лещъ и лещата.

Широкия прозрачныя Невы
 Вельможа лещъ воды спешенный жипель,
 Сшарикъ съ искусствомъ былъ и не безъ головы,
 Какъ истинный родипель,
 Совѣшты подавалъ любезнымъ дѣшкамъ онъ:
 Послушайте, вотъ, милыя, законъ!
 Середкой плавайте опъ берегу подалъ:
 Опъ уды можетъ быть для васъ бѣда;
 А опъ спрелка и болѣе вреда.
 На берегу споль зла, какъ яду, вѣ жалѣ;
 То было имянно вѣсной,
 Какъ воды съ горъ ревушъ и падаютъ рѣкой.
 А дѣти башюшкѣ: не можетъ быть намъ горѣ;
 Смопри нашъ домъ не на рѣкѣ, а вѣ морѣ,
 Лишь небо и вода близъ насъ;
 Какой бѣды ждашь вѣ спотъ
 часъ?
 И ну лещи шуда, гдѣ берегъ подаваться,
 И ну играшь забывъ шоску,
 И ну струишь рѣку,
 А къ берегу и болѣ приближась,
 Межъ шѣмъ слилась вода,
 Съ беседки камѣнной, гранитами покрышой,
 Чѣмъ украшается Петрополь знамѣнишой;
 Пришла лещамъ бѣда.
 Съ ступенекъ вѣ низъ ребята вмигъ сбѣжали,
 Руками шупъ лещей побрали,
 А повара шотчасъ ихъ начали варить.

Неуженъ полкъ, о чемъ хочу я говорить:
Мы только вѣримъ
Лишь своему
Уму;

Совѣщны истинны не право часто мѣ имѣ.

XXXVIII.

Павлинъ, Синица и Гусыня.

Павлинъ свой лучезарный хвостъ
Дугой поршавилъ,
Павлина хваляпъ всѣ; не шѣхъ гусыня правилъ:
Злорѣче пускаетъ охоча въ ростъ.
Гусыня говоришь: для смѣха видно боги
Павлину сдѣлали дурныя ноги.
Другая ей въ ошепѣшь, о! мой другъ!—
Когда тебѣ досугъ,
Послушай голосъ у павлина,
Онъ шакъ поѣтъ, чпо въ ночь
Сова уходитъ прочь,
И ну пересмѣхашъ! и вошъ причина!
Другъ другу ласки плѣсть,
И шупочкамъ своимъ давать хвалу и честь;
Но рѣчь перервала у нихъ синица;
Вамъ видно за версту, чѣмъ нашъ павлинъ испица,
Вы всѣ его пороки перечли,
Вашъ глазъ остерѣ, вы видите вдали,
Чѣмъ дуренъ внутренно, и чѣмъ наружъ;
Не лучшели замкнуть сесприца вамъ уста
Ногами, голосомъ, павлина сами хуже
И нѣшъ приномъ у васъ павлинова хвоста.

XXXIX.

Оселъ звонарь.

Царь Левъ хотѣлъ по Европейски жить;
 Кому въ какой спашѣ служишь
 Всѣмъ звѣрямъ предписалъ. Оселъ не отклепался,
Поцался

По глупости своей на башню въ звонари.
 Оселъ мой спалъ звонарь, — служенье славно —

Кто что ни говори,
 Оселъ звонитъ исправно.

Вельможи и народъ, солдаты и купцы,
 Красавицы, глупцы,
 Лишь въ колоколъ оселъ — въ ту пору
 Бѣгутъ всѣ безъ разбору.

Оселъ кричитъ: смотри, какой я господинъ!
 Сколь много тысячей могу созвать одинъ! —
 Судья ты о себѣ не мысли по поклону,
 Ни мало не себѣ покоривуюшь, закону. —

XL.

Шахматы.

Въ большую въ шахматы игрокъ
 Товарищамъ своимъ давалъ урокъ;
 Онъ мастеръ былъ, боролся съ нимъ опасно:
 И шахъ и матъ въ его игрѣ всечасно.
 Какъ войска славнаго искусный строй,
 Которымъ дѣйствуешь Герой,
 До превосходѣйшей игралъ степени,
 И разныя творилъ искусству шѣни,

И строго наблюдалъ и званіе и чинъ:
 Фирсѣ на доскѣ былъ царь, а конь былъ господинъ,
 И рядъ-выя шамъ, и были офицеры,
 Въ походахъ по чинамъ блюли размѣры,

И плѣнныхъ выкупы, или размѣнъ

Имѣлъ свои уснавы;

И словомъ, на доскѣ военнѣ строго правы, —
 Лишь пушкѣ не было и не было знамѣнъ.
 Слоиъ былъ знашій коня, а Фирсѣ всѣхъ болей
 И назади другихъ за шѣмъ являлся въ полѣ.

Какъ кончился игра,

Домой пора;

Довольно шахматы вы по доскѣ гуляли,
 Довольно маспера собою забавляли,
 И конь и Фирсѣ и всѣ пойдущіе въ одинъ мѣшокъ. —
 Всѣ люди Шахматы — надъ ними есть игрокъ —
 Превоскодительсннва, раба лицо играющіе,
 Они равно всѣ умирающіе.

Убранства гордости кичливыхъ имена
 Поглотили въ чинность лишь одна.

XLI.

Туга и два Друга.

Да друга по саду гуляли,
 Благоуханіемъ двѣтны ихъ забавляли;
 То было въ лѣтніи дни,
 Увидѣли они,
 Что небо пошеменило.
 Другъ другу говорить, шо даромъ не пройдетъ,
 Скажу я смѣло.

Ты шучу видишьли? она градъ, сибѣтъ несетъ,
 Побьетъ весь хлѣбъ жестокиѣмъ градомъ,
 Намъ лѣно будетъ вдомѣ,
 Зерна не соберешь домой,
 Всѣ земледѣтели предбудущей зимой
 Поидутъ съ сумой,
 Напротивъ милой мой,
 Другъ другу ошвѣчаютъ:

Твой глазъ ужъ опупѣлъ и мысль швоя пуста.
 Намъ шуча ша

Не слыханно богатство приключаетъ,
 Какъ Нилъ озолошитъ всѣ ещи намъ мѣста;
 Она съ дождемъ, а дождь увлажитъ нивы,
 Когда мы будемъ не лѣнivy.

Увидишь соберемъ какой мы урожай,
 Анбары, жишницы заринѣ умножай.
 Одинъ нахмурился, другой скакашь пуспился,
 И каждой Аспрономъ угашчикомъ бышь льспился.
 Тотъ думалъ, что повезъ хлѣбъ сжапой въ торѣ
 тогда;

Другой оторопѣлъ, какъ бы въ дверяхъ бѣда.
 Всякъ крѣпко настоялъ на мнѣнѣе любимо;
 Но что же сдѣлалось? — прошла ша шуча мимо.

XLII.

Два Волка.

Былъ Фѣбъ сердитъ и жаркими лучами
 Такъ землю раскалилъ, какъ мы дома печами;
 Все чахло, сохнуло, цвѣшты и мурава
 Чуть чуть была жива.

Твореніе лишилось соколовъ,
 Лягушекъ земли всѣ, и множесиво ключей
 И множесиво пониоковъ
 Полями сдѣлались онѣ солнечныхъ лучей,
 Тогда важнѣй Невы былъ маленькой ручей,
 Тогда была вода сокровищъ всѣхъ дороже.
 Два волка жадные хощѣли пить,
 И души злобныя онѣ смерти искупить.
 Нашли они ручей, иль на ручей похоже;
 Вода была,
 Гдѣ тихо каплями струя еще жила.
 Бѣгущѣ — и въ ярости и злобѣ
 Другъ друга не хощятъ пускнись туды,
 А оба пить хощятъ воды.
 Томимы жаждою, почши ужъ въ грѣбѣ,
 Но злобою дышатъ,
 Другъ друга онѣ воды угнать спѣшатъ.
 Пуснулись, волки свирепѣютъ;
 Ихъ зубы не шупѣютъ,
 И оба тамъ они
 У самыхъ водъ скончали дни.
 Водой, что тамъ была, могли напишья оба,
 Но зависть лютая имъ дверь открыла гроба;
 Такъ зависть смертнаго линастѣ здѣсь унѣхъ!
 Довольно радостей въ напурѣ естѣ для всѣхъ;
 Но людямъ воды тѣ и складки и прекрасны,
 Когда другихъ уста ихъ вкусу не причастны.

XLIII.

Коварный и Собака.

Коварный мститъ умѣетъ,
 Хоть открышо зла самъ сдѣлать не посмѣетъ.

Скакаль на лошади коварный человекъ,
 Путь былъ его гораздо не далькъ.
 Верста шакъ въ городъ, — на встрѣчу пырь собака
 Не угомонный песъ и забѣлка,
 И на проѣзжева Церберъ
 Свирепо лаетъ. —

Проѣзжей пса не опсылаетъ
 И плешью не беретъ прошивъ собаки мѣрбъ;
 Смиренно на конѣ смѣкаетъ думу,
 Какъ улзвись врага искусно и безъ шуму:
 Прѣхаль въ городъ онъ, — собака проводникъ;
 Проѣзжей на конецъ открылъ языкъ;
 Собака бѣшена и всѣхъ кусаетъ,
 Благодарю, что конь меня отъ ней спасаетъ.
 Сбѣжались жинели схватили пса
 И не дали ему прожить ниже часа.

XLIV.

Двѣ Песальныя.

Въ желѣзной ешотъ вѣкъ, и въ наши времена
 Чувствительность видна,
 Какъ спраждуцимъ помочь умѣетъ сердце нѣжно!
 Изъ вихря суеты примѣрбъ я взялъ прилѣжно.
 Красавица одна,
 Когда ушѣжами дышитъ весна,
 Въ чертогѣ роскоши и вкуса и богатства,
 Гдѣ были Аглински сады,
 Великолѣпныя пруды,
 Для большаго прѣяшпва

Въ свой загородной домъ зоветъ друзей,
 Друзья прѣѣхали, — ихъ взоръ и чувство
 Пальняють всякой часъ напура и искусство,
 Все Елисейскихъ имъ явленъ видъ пелей;
 Тамъ радости цвѣшущъ и нѣшъ печали!
 Пошли съ хозяйкою всѣ гости за обѣдъ,

Слуга идетъ

И говоритъ: вы приказали
 О всѣхъ докладывать, — пришла одна
 Нещасная женщина, она

Бѣдна;

Пусти ее скорѣй, хозяйка закричала,
 Минушу щасливу я въ жизни повстрѣчала,
 Мнѣ радостнѣй всего еспраядьцамъ помогаю;
 Мужчины, женщины, всѣ гости по твердили,
 О добродѣтели, какъ ангели судили;
 Случай добро творить не мыслишь промигать.
 Нещасная женщина рыдаючи еказала:

Меня судьба жестоко наказала;

Убишь мужъ на войнѣ, войнѣ ягноро дѣшея!
 Извѣстный Офицеръ по службѣ былъ своей,
 Мнѣ чѣмъ ихъ воспитать? щедрою людей
 Насущный хлѣбъ едва сама имѣю.

Хозяйка ей пошчасъ; я помогаю умѣю;

Иди къ мнѣ навѣки живи.

Дверянка ны — не будешь здѣсь мужить,
 О щаснѣи повсмѣ тебя увѣришь смѣю.
 Всѣ гости взапуски хохотали ей помочь,
 Кто сына бралъ къ себѣ, кто дочь,
 Кто мужне жалованье ей выпросить сулился,
 Кто крѣпость дочерѣ на землю данъ прозился.

Межъ шѣмъ бѣжилъ шуда

Служанка

И востѣ и кричишѣ, сударыня, бѣда!
Нинеша (*) бѣдная! погибельна вода!

Среди круда

Нинеша пошонула.

Хозяйка въ горести заплакала, вздохнула,
Упала въ обморокъ, — смятеніе и шумѣ.

Пошла шревога,

Ничто нейдетѣ хозяйшкѣ на умѣ.

Ведите прочь меня, ведите ради бога;

Бежишѣ не знавѣ куда, — весь домѣ велю зажечь,
Мнѣ все постыгло здѣсь, ни что не мило въ свѣшѣ.

Хозяйка къ городу летишѣ въ каретѣ,

И гести тожѣ, — перемѣнилась рѣчь.

Нещасной будишѣшѣ, — пошчасѣ всѣ гости сплыли,

Ее забыли.

Собачки маленькой конецѣ

Пошюки осушилѣ чувствительныхѣ сердецѣ.

XLV.

Слонѣ и Червякѣ.

Червякѣ кошѣлѣ молву заставишѣ,

Себя прославишѣ,

Хотѣлѣ, чшобѣ человекѣ кричалѣ,

Чшобѣ левѣ рычалѣ,

О чемѣ? о червякѣ. Червякѣ разгорячился

И къ славѣ въ храмѣ ползѣ, какѣ черви, волочилсѣ;

Однакоже червякѣ

Подходишѣ къ славѣ шакѣ и сякѣ.

(*) Собачки имя.

Копышо у Слона червякъ исправно гладитъ
 И мыслишь такъ:
 Конечно червяка копышомъ Слоны задавишь;
 Когда узнаюшь всё о помъ,
 То Слоны меня прославишь.
 Червякъ раздавленъ былъ Слономъ.
 Мѣшны напрасныя тебя червякъ забавятъ;
 И знай, что червяковъ Слоны лишъ давятъ,
 А говоришь про то
 Не сжавушь ни за что!

XLVI.

Хвастливая Лягушка.

Я знаю у иныхъ языкъ хвастливой,
 А духъ прусливой.
 Они кричатъ, о колибы я!
 Случился на войнѣ, рука моя
 Геройски подвиги свершила
 И славна имени Тюрена бы лишила.
 Лягушка хвасталась о подвигахъ своихъ,
 Твердила всѣмъ сестрамъ въ какихъ
 Она баталїяхъ бывала;
 Съ какимъ народомъ воевала,
 Не только что однихъ Аистовъ и гусей,
 Какъ щука карасей,
 Безщадно побивала;
 Но такъ же Соколовъ
 И даже и Орловъ;
 Я щѣлы небеса окровавить умѣла,
 На кочкѣ только лишь лягушка прогремѣла,

Зарядомъ словъ
 Какъ нѣчто вдругъ ударило имъ въ уши,
 То пикнулъ рыболовъ.
 Лягушечьи смутились души
 И побѣдишело кричатъ: сразись теперь
 И докажи, что ты Бѣллоны, дщерь!
 Пантезеля шутъ весьма шутнула
 И съ пушей храбрый духъ на дно спряхнула.

XLVII.

Мать и Сынъ роскошный.

Недѣстна мать
 Имѣла сына,
 Онъ былъ ея спраданія причина.
 Несиленъ разумомъ спрасть бурну ушмашъ,
 Во все дался пороки.
 Игра и лѣнь,
 И каждой часъ, и каждой день
 Отверзли въ пропасти ему пуши глубоки.
 Пороки братья межъ собой,
 Спознася съ однимъ, со всей знакомъ семьей;
 Лишенъ имѣнй и чеспи.
 Наперспникъ роскошей и лести!
 Безъ помощи друзей; родни,
 На смертномъ онъ одрѣ томился,
 И льспился,
 Чшо скоро кончатся его позорны дни;
 Но мать которая небесъ просила,
 Чтобъ смерть скорѣй сыновню жизнь скосила,
 Въ тотъ часъ

Его любя, свои мольбы возненавидя,
 И на лицѣ написанну смерть видя,
 На Небо вопієшь, слезъ шокъ пуска изъ глазъ:
 О смерть! зри скорбь, въ которой унываю,
 Къ писбѣ взываю,
 Мнѣ сына моего исправь;
 Но жизнь оспавь.

XLVIII.

Скулой и Пожарѣ.

Въ какомъ то городѣ жилъ Гарнагонъ,
 Которому душа, любовница и боги,
 Червоицы въ кучѣ многи.
 Лишь денежки копилъ на свѣтѣ онъ
 Имѣлъ законъ.
 У кладовой своей поставилъ караулы,
 Что бы сберечь баулы.
 То правдѣ, воръ шуда не заскочилъ,
 Скупца не огорчилъ
 И смерти шѣмъ ему не приключилъ;
 Но всё предупредить напаси
 Не въ нашей власти.
 Не нападеніе ни Турокъ, ни Тацарѣ,
 Скупова навѣснись пришелъ пожаръ.
 Бѣда скупому!
 Не хочешь онъ
 Опшуда воцъ,
 Недумашь бѣжать никакъ изъ дому,
 Ему кричишь родня:
 Бѣги огня!

Скупой и самъ не дремлетъ,
Мѣшки объемлетъ.

Съ мѣшками на плечахъ, какъ съ бапюшкою Еней,
Хотя всей силою спарасеня своей,

Съ мѣшками поспѣшаетъ,
Мѣшокъ бѣжать мѣшаетъ,

Пожаръ свѣспосни на умѣншаетъ
И кладовую вью разливши испребилъ;
А чоршъ подъ золою ма скупова задалъ.

XLIX.

Аполлонъ и Сатиры.

Вошше пѣняемя своими мы стихами,
Когда читашели въ шомъ несогласны съ нами.

О лирѣ золошой

Не рѣдко богу музъ Сатиры докучали

И Аполлона уличали,

Что часпо лирою владѣютъ люди шой.

Они ся лишены

Не могутъ брани пѣть съ Гигантами боговъ,

Ниже, какъ Ахиллесъ разилъ своихъ враговъ

Близь Ксантѣвыхъ бреговъ,

Какъ стѣны Греками Троянски разрушенны;

Мы можемъ лишъ гласить кустарники, лѣса,

Восходъ луны и блескъ Аврорина часа.

Богъ свѣща, богъ стиховъ, не могъ отговориться

И лирою хошѣлъ съ Сатиромъ подѣлиться,

Которой лучше всѣхъ на срокъ

Лавровой для него сплетешъ вѣнокъ.

Бѣдняшку Дафну оципали,
 Сѣ нее всѣ порвали лиски
 И Фебу на виски
 Работаютъ вѣнки,
 Не ѣли и не спали
 И множеству корней
 На срочной день несутъ предъ Фебовъ тронъ,
 Вѣнцы готовы;
 Но богъ остался безъ обноты.
 Сашира каждого вѣнокъ
 Для Фебовой главы иль узокъ иль широкъ.

L.

Къ сочинителю счастливой тони.
Насмѣшливый Пророкъ.

 Когда я чистой пить воды хочу,
 Иду къ ключу:
 Не стану воду пить болотную, морскую,
 А развѣ иногда рѣчную.
 На рока гнѣвнаго борьбы
 Пеняютъ смертныхъ напрасно.
 Успривить жизнь здѣсь можно самовласно;
 Мы всѣ цари своей судьбы.
 Какъ съ разумомъ живу, на что искашь пророка,
 Что сбудишься со мной! когда влеку струю
 Опѣ чистаго потока,
 Такъ жизнь я проведу свою.
 Старикъ хещѣль женился —
 Семидесятой годъ, самъ видивъ свѣтъ,
 И взялъ жену въ пашнадаць, думалъ, лѣтъ.

Съ супругой милою нимало не бранится;
 Хотѣлъ чшобы была ему жена
 Вѣрна,
 Какъ Пенелопа,
 Хотя самъ походилъ женихъ мой на Циклопа.
 То было въ Индіи Браминъ
 Пророческій имѣлъ тамъ чинъ,
 И представлялъ свои пророчества въ каршииъ;
 Былъ нѣмъ, онъ словъ не говорилъ,
 На полошиѣ ошвѣщѣ дарилъ;
 О брачной старика судьбинѣ
 Была пророчья мысль спрога,
 А имянно, рога.
 Разбойнику казалъ судъ спрогій,
 А моту домъ убогій,
 Нелѣпому творцу онъ болѣ былъ жестокъ,
 Надъ сочиненіемъ изобразя свиспокъ.
 Съ тобою насъ сплело взаимной дружбы чувствво
 Любезный Г. . .! прости мнѣ ты,
 Чшо въ припчу я вмѣспилъ твои цвѣтшы;
 Я занялъ мысль твою, не могъ заняшь искусство,
 Тебѣ лишъ суждено кругъ цѣлый совершать,
 Любишь своихъ друзей и даромъ музъ прельщать.

LI.

Тигръ Герой.

Былъ левъ герой,
 Любилъ онъ звуки славы,
 Любилъ войны кровавы.
 Въ дубровахъ и лѣсахъ его свирѣбною спрой,

Какъ огонь, что встрѣшился, караетъ;
 Лишь гдѣ покажется оруженосецъ львовъ;
 Быкъ болѣ не мычитъ, а пещь не дастъ;
 Однакожъ Левъ жалѣлъ своихъ зубовъ
 И рѣдко самъ ходилъ на брани;
 Восначальники ему збирали дани.
 Его наперстникъ Тигръ, дубровный Ахиллесъ,
 Котораго когтей боялся лѣсъ;
 Онъ княжески въ дубровахъ многи
 Искоренилъ берлоги,
 Вездѣ губилъ и клалъ налоги.
 Медведей и волковъ шерзалъ шакъ, какъ овецъ;
 Но наконецъ
 Герой вельможа Тигръ скончался,
 Какъ скорпъ другой.
 Не страшень мёртвой Тигръ, полезень былъ живой.
 Левъ то узнавъ безмѣрно огорчался;
 Такой уронъ
 Его колеблетъ тронъ.
 Накмурилъ Левъ лицо, надулъ и губы,
 Сердиты Львы гораздо грубы.
 Собралъ совѣтъ,
 И говоритъ, что Тигра нѣтъ,
 Кто можетъ шакъ, какъ онъ въ войнѣ кровавой,
 Занять его мѣста для Льва со славой?
 Всѣ звѣри храбрые: и конь, и слонъ, верблюды
 Скорбѣли шутъ.
 Самъ Левъ, его совѣтъ, о Тигрѣ всѣ шужили
 И память сохранить на вѣчность положили.
 Лисица и свинья, маршѣшка, волкъ
 Другой давали толкъ.
 То очень щасливо, что Тигра нѣтъ на свѣтъ,

Пусть пужитъ Левъ о немъ, пусть пужатъ и въ
совѣщѣ,

Намъ это не бѣда;

На противъ намъ пришла блѣспеть чреда,
И смертью Тигровой напали дни прѣяныи.
За насъ возмется Левъ, чины дадутъ намъ знамя,
Пусть въ ямъ Тигръ лежишь, мы будемъ тожь
что онъ,
И больше не кому; — Конь вѣпрень, шажекъ Слоны.

ЛII.

Мудрецъ и Крестянинъ.

Кичливый былъ мудрецъ,
Онъ въ полѣ съ мужикомъ встрѣчался,
Своимъ ученѣмъ глубокимъ величался,
И говорилъ ему: вамъ гнѣвенъ былъ Творецъ,
Ты жалка тварь, тебѣ дано лицо и руки;
Но не дано души, то есть науки.
Какая разница и — я, и ты!
Кто въ нколѣ не бывалъ, тѣ всѣ скоты;
Они лишь движущя не право разсуждаютъ,
О бытїи вещей всечасно заблуждаютъ.
На солнца лучъ глядятъ, но солнца красоты
Не могутъ постигать. Звѣзда или Планета —
Оно, кто скажетъ мнѣ? ученый Астрономъ
Мы люди жили громады пышной свѣта,
Намъ вѣдать надобно, что нашъ такое домъ!
На общежитїе когда мы обратимся,
Науки пользою и болѣе прельстимся.
Что тварь, и что Творецъ, — что рабъ настухъ и
Царь?

Какая разница межъ рашниковъ и барь?
 Какія насъ узлы взаимно вяжущь?
 Кто добродѣтели заслути намъ расскажущь?
 Конечно мудрецы, — они дадутъ урокъ
 И располкуютъ намъ, что честность и порокъ;
 А безъ ученія и — честнымъ быть не можно.
 Кто сказывалъ тебѣ, что гнусно воровство,
 Грабежъ, злодѣйствіе порочно плутовство;
 Права и собственныя, какъ знаешь тебѣ неложно!
 Скажи: слыжалъ ли ты, кто былъ Сократъ, Платонъ
 Монпанъ и Пуфендорфъ, Сенека и Солоиъ,
 Умы высокія, мужи презначенишы?
 Въ храмъ добродѣтели чрезъ нихъ пути открышы;
 А ты объ нихъ родяся не слыжалъ,
 Я смѣло заключу: безчестно ты пахалъ,
 За тѣмъ, что слова ты не вѣдаешь о чести.
 Мужикъ такъ опивчалъ кичливому глупцу,
 И мудрецу:

То правда, мнѣ сказалъ ты баринъ, новы вѣсти:
 Про имена высокихъ тѣхъ господъ
 Не только я, и весь не слыживалъ приходъ;
 Однакожъ это ложъ пустыя разговоры,
 Что мы въ деревнѣ воры.
 Нецастнымъ помогаешь умѣемъ такъ, какъ вы;
 Красно рассказывать, не спанетъ головы;
 Намъ за сохой ходишь не надобно науки:
 Для барь, такъ хорошо, — отъ скуки;
 Про честность говоришь — и это есть,
 Мы только толковать и спорить не умѣемъ,
 А честность на душѣ и въ совѣсти имѣемъ;
 Плашишь оброкъ и хлѣбъ давать намъ честь.
 О книгахъ говоришь — намъ Богъ далъ умъ и руки,

И создалъ цѣлый міръ для нашей онѣ науки.

О мудрости напрасно хлопоташь

Судьба не спрога,

Довольно милости для всѣхъ у Бога,

Умѣй лишъ самъ въ шѣхъ книгахъ прочишашь.

Скопы, деревья всѣ, и пшцы

Училиши мои и маспериды.

Какъ на быка смошрю, учусь шерпѣню я,

А прудолюбію у муравья.

Мнѣ Горленка твердишъ: люби супругу,

А псѣ, какъ вѣрну бышь иль брашу или другу.

Какъ стойку за своихъ, научишъ кедръ,

Хотя дышишъ немилосердой вѣшрѣ.

Вашъ грамаша моя, швоей никакъ не хужѣ;

Мы шущѣ же, гдѣ и вы, сидимъ не въ лужѣ,

Мы рѣдко говоримъ про совѣшь и законъ;

Но часшо дѣлаемъ, чему васъ учишъ онѣ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

I.

Лягушка и ихъ Царь.

Случилось мнѣ твердишь чинашелоу не разѣ ;

А многи;
Что угодить на насѣ
Не могутъ боги —

За тѣмъ, что прихошей у всякаго запасѣ.
Послушаемъ теперь, что намъ Фоншенѣ расскажетъ;
На дѣиснвѣй не людей; лягушекъ онѣ покажетъ.
Лягушки скучили; какъ Якобинцы жить,
И вѣрой, правдою хосятъ царямъ служить;
Совѣтомъ собрались, и мыслятъ шакъ: негодно

Правленіе народно;
Какъ жить безѣ головы — и бѣлой свѣтъ
Не самъ собой идетъ. —
Умно лягушки разсуждали,
Не спорю я о томъ,

И въ мѣтѣ шуда, гдѣ громъ;
На небеса мольбы! — Зевеса уштруждали,
О чѣмъ молимся? чтобъ имъ поелалъ Царя. —
Вѣ болошо вдрутъ упалъ чурбанъ, съ нимъ шумъ
ужасной

И страхъ напрасной
Къ Царю лягушки всѣ почтеніемъ горя,

Не могутъ не пужаться,
 Не смѣюшъ приближиться. —
 Въ лягушкахъ, въ зѣздахъ есь перои, какъ вездѣ;
 Увидя, что чурбанъ безмолвно на водѣ;
 Какъ пѣнь ни жжешъ; ни косишъ,
 Лежитъ;

Лягушкѣ храбрѣ къ нему бѣжитъ;
 Изъ дали милости леголько проситъ;
 Кадитъ чурбана въ носъ; хвалямъ презоизситъ;
 Ни шумъ шо здѣлалось, не только не свирелъ;
 Но Царь остался въ вѣкъ и глухъ и нѣмъ и слѣпъ. —
 Опяшъ лягушки въ толкъ; опяшъ за своевольство;

Еще на небеса посольство:
 Зевесъ! шь намъ послалъ бездушну шварь;
 Намъ недобенъ не сполбъ; а царь. —
 Зевесъ превлоненъ: Айснѣ къ нимъ опправилъ;
 Которой шѣмъ себя забавилъ,
 Что шу лягушку въ лобъ, шу въ носъ,
 Той кизнь, другой допросъ;
 Въ полгода царствія, лягушекъ родъ убавилъ. —
 Опяшъ къ Юпитеру; шотъ Царь чрезмѣрно
 шихъ;

Другой гораздо лихъ. —

Юпитеръ имъ сказалъ: лягушки св евольны,
 Не могутъ ни когда судьбою бышь довольны:

II.

Заяцъ и Терелѣха.

Съ шерпѣнемъ достигнешъ до конца.

И не всегда способность,

И безпрестанный трудъ тому дають удобность. —

Я здѣсь изображу преславны два лица,
Которыя ходящъ ногами похвадишься,
Друиъ друга объжавъ закладомъ неселишься,
Проворствомъ и прудомъ достигнуть до вѣнца:

А кто закладчики? шо заяцъ, черепаха.

Такъ точно: заяцъ и она,

Не та небесна пшаха,

Котора ушками, какъ диво, несена;

Другая шо была того же роду,

И съ зайцемъ собралась къ походу.

Назначили судей, день, мѣсто, часъ;

И черепаха въ мигъ пустилась, не лепѣла,

Трудилась всячески, потѣла,

Ползла и на мещу нацѣлила свойъ глазъ.

Ползетъ не скоро,

Но время не терявъ, класишь дѣло спору;

А заяцъ между шѣмъ,

Изволитъ вѣжисься, не мыслишь ни о чемъ;

То шракви удипнешъ, отколѣ вѣтрѣ смекаешъ;

То слушаешъ роговъ, шо гончихъ примѣчаешъ,

На быспроту надѣясь ногъ,

Что черепаха грузъ; а заяцъ звѣрь легокъ.

Побѣдой льстишься,

Себѣ относитъ въ честь по позжѣ въ пушь пустишься.

Соперникъ у мещы, у самого вѣнца,

Немножечко шатнуть, шакъ цѣль и у конца. —

Тогда и заяцъ мой лепишь стрѣлой, какъ птица,

Въ минушту шамъ, заклада гдѣ граница,

Но черепаха гдѣ?—она ее прошла,

Закладъ свой унесла. —

III.

Собака и тѣнь.

Собака унесла отъ повара кусокъ,
 И съ нимъ бѣжала,
 Увидя тѣнь куска въ рѣкѣ, въ рѣку прыжокъ;
 А мясо истинно на берегу бросала
 И тѣнь и сладкой кусъ, всё вмѣстѣ потеряла. —
 Любимцы счастья не рѣдко каждой день
 Блаженство истинно мѣняете на тѣнь!

IV.

Оселъ во Львиной кожѣ.

Ослу попалась львина кожа;
 Между осла и льва осанка не похожа,
 Ни храбрость, ниже умъ, ни рожа;
 Однако же оселъ
 Во львину добычу безъ дальней думы сѣлъ,
 И зачалъ величаться.
 И мнимой левъ
 Приходитъ въ гнѣвъ
 И съ властію не хочеть разлучаться.
 Воишься волкъ и заяцъ и овца
 Трепещеть и лисица,
 Опъ царскаго лица.
 Не жизнь, а рай ослу! Всему живеть граница.
 Примѣшилъ песь,
 Ушей ослиныхъ перевѣсь.
 Нарядъ не пособилъ, личину сняли,

И лва на мѣленицу по прежнему гоняли,
Примѣры басенкѣ девольно важнѣе мѣрѣ:
Что храбрость дѣлаешь, иль лавша, иль мундирѣ!

V:

Олень, его Ноги и Роги.

Олень смотря вѣ сируѣ у ручейка прозрачна,
Кичился красной своихъ оленьихъ рогѣ
И сѣшвалѣ на жидкость ногѣ.
Мысль вѣ голову пришла Оленю мрачна:
Не щедро награждешъ я онѣ небесѣ! —
Мои преславны роги
Не рѣдко дсстаютѣ высокой самой лѣсѣ;
А жалкія Оленя ноги
Передѣ рогами что?
Какѣ спички,
Какѣ ноги мѣдой пшички.
Скорбѣлѣ Олень, тужилѣ разѣ сто;
Но мысль его разбила;
Охотники вѣ рога шрубилы.
Олень бѣжашъ,
Оленя мудрено собакамѣ удержашъ;
Сажени мѣряешъ Олень ногами,
И ежелибѣ вѣ лѣсу не зацѣплялѣ рогами,
Ушелѣ бы снѣ онѣ псовѣ;
Ему потибельны красивы роги,
Полезны ноги, —
Мѣняющѣ часто умѣ на блескѣ даровѣ. —

VI.

Левъ на картинѣ.

Изображенъ былъ сильный Левъ
 И человекъ одинъ сжималъ ужасный зевъ,
 И льва терзалъ, какъ въ лѣвѣ, на картинѣ,
 Народъ сбѣжался весь, кричалъ:
 Вотъ храброй человекъ! себя онъ ошличалъ
 По справедливости и по причинѣ.
 Приходишь левъ живой
 И толкъ дашъ иной.
 Мы болѣ хвасташься причины бы имѣли,
 Когда бы красками владѣшь умѣли.

VII.

Мужикъ и Змѣя.

Благотвореніе конечно даръ отличный,
 Богамъ обычный,
 Которыхъ на земли преемники Цари. —
 По мѣрѣ всякъ изъ насъ добро швори,
 Однако же съ разбору,
 Не всякому и не всегда, а въ пору. —
 Мужикъ въ холодны зимни дни,
 Когда морозы, снѣгъ, лишъ властвуютъ одни
 Пошелъ въ овинъ, — змѣя лежала,
 Почти з мерзла вся, — змѣя дрожала;
 Остановилось въ ней дыханіе и кровь,
 У мужика въ душѣ пришла къ змѣѣ любовь.
 Змѣю онъ поднялъ, — въ домъ къ себѣ уно-
 ситъ;

Пришелъ, — огня хозяйниъ просипѣ,
И печку зашопилъ, спалъ грѣшь
змѣю

Питомицу свою.

Змѣя по малу оживала,
И зубы согрѣвала,
И въ душу вмѣспѣ, какъ тепло,
Опять у ней гнѣздится зло.
Отъ ярости кипѣла,

Шипѣла, свиснула и въ мигъ успѣла ,

И развернуться вся и голову подыашъ,
И жало на того хотѣла изоцряшъ,
Кшо благодаритель ей, отецъ и воскреситель;
Спаситель.

Не благодарная! мужикъ ей отвѣчалъ:
Какую отъ тебя награду получалъ!
Умри! и взявъ шопоръ, средь гнѣва жара
Змѣѣ три далъ удара ,
И хвостъ џ голову отъ шѣла отдѣлиаъ;
Змѣя разсѣченна скакала
И части сбединить искала;
Но шрудъ ея напрасенъ былъ.

VIII.

Левъ состарѣвшійся.

Всему есть мѣра, вѣсѣ, всему конецъ.
Былъ Левъ герой, героямъ образецъ,
Спалъ старъ и ни куда онъ не годится;
Безъ силы мудроно гордиться.
Левъ жалокъ спалъ, Левъ плаченъ за угломъ;

Левъ носѣтъ и лѣжитъ въ пещерѣ,
 Какъ левъ, въ морѣ золъ, а не въ высокой мѣрѣ.
 Приходитъ конь ко Льву, не бишь челомъ,—
 Колышомъ Льву шуза, а быкъ рогами,
 Собака Льва зубами
 Не сопни, миллѣонъ;
 И звѣри всѣ, что прежде на поклонъ
 Ко Льву ходили;
 А нынче бытъ бессильна разсудили:
 И на конецъ оселъ, въ пещеру скокъ;
 Но Левъ ему сказалъ; я чувствую мой рокъ,
 Для всякаго смерть злосшна,
 Но твоя ударъ снеси сугуба смерть, поносна.

IX.

Терелаха и Утки.

Наскуча жить въ норѣ извѣстна черепаха,
 Хотѣла видѣть свѣтъ
 И будто пшаха,
 На небеса устроить свой полетъ.
 Открыла замыселъ, — взялись двѣ утки
 Ей мѣръ весь показать не въ годъ, а въ сучки
 Чтобъ спрансивя хвалами превознести
 Ей въ запуски швердятъ: какая ешо честь,
 Увидѣть города, столицы
 И царства всякаго границы,
 И свѣршитъ самому, что разсказалъ намъ Кукъ;
 Чтобъ спрансировать тебѣ спокойно безъ доукъ
 Посадимъ мы тебя не въ сани и не въ лодку,
 Положимъ палку въ глотку,

Лишь рта не разѣвай и жизнь твою спасемъ,
Съ почтеньемъ, какъ хрусталь, искусно повесемъ.

Спаруха согласилась, —

Взвилися селезни; спаруха возносилась

На палкѣ, какъ фонарь.

Куда ни полеташь — народа тучи

Бѣгушь изъ селѣ смощѣшь леучей кучи,

Другъ другу говорятъ: не изъ послѣднихъ баръ

Знашь черепаха та! знашь што ихъ царица;

А черепаха тупъ во весь народъ,

Кричишь, разиня ротъ:

Я шо, что левъ въ звѣряхъ, межъ пшицами орлица;

При гордостныхъ словахъ

Съ верховъ лстѣвъ небесъ, разшиблась въ прахъ.

Бѣды родитъ намъ свойство любопышно

И шожъ кичливости желанье нецасышно.

X.

Подагра и Паукъ.

Подагра съ паукомъ просила у Плутона

Закона,

Обѣихъ ихъ на землю оппустить,

Обѣцаяся большой оброкъ плашнѣ

Съ людей, гадъ въ, четвероногихъ

И всяческихъ живошнихъ многихъ.

Тотчасъ оппущены,

Билешы имъ даны. —

Пришли; — увидѣли палашы,

Огромнѣя, богашы;

Увидѣли въ дыму, въ пыляхъ
 Довольно хижинъ на земли;
 Дѣдишься начали; — подагра на черпуги
 Косой пустила взглядъ: полки шамъ многи

Аппекарей, врачей;
 Я не люблю ихъ лицъ и ихъ рѣчей;

Возьми паукъ себѣ всея дома богачей;
 А мнѣ оставь всея хижны убоги;
 Тамъ мнѣ покой, оспрады многи,
 А для тебя барышнѣ ошѣ гордосши домовъ,
 Гдѣ праздныхъ мног шалуновъ

И шаркуновъ,
 И пыли куча

Въ столовой, на крыльцѣ;
 Причинъ явилась шуча
 Въ началѣ и концѣ. —

Безъ дальняго разбору
 Паукъ отправился въ черпуги къ Сенатору;
 Подагра наконецъ осталася на вѣкъ
 Жить шамъ, гдѣ жилъ несчастный дровосѣкъ.

Не мешла принялись за дѣло и работу;
 Но вскорѣ бросили охоту. —
 Что устро, то мешла готови пауку; —
 Подагра на прошивъ то въ лѣсѣ то на рѣку, —
 Опять увидѣлись и промѣнялись снова;

Теперь ни слова;
 Не убоясь врача,
 Подагрѣ жить какъ рай у богача;
 А науку у дровосѣка;
 Тамъ ишнѣ съ мешлой излишня человекѣ.

Кто записаться мнитъ въ купцы, въ по-
 То прежде, чѣмъ начать прилѣжно разбери.^{номери;}

XI.

Мартышка и Кошка.

Въ какомъ шо домѣ котъ былъ другъ большой съ
 мартышкой,
 Не знали ссориться, хоть подъ одной вѣкъ крышкой
 Живутъ;

Что спряташь позабылъ хозяинъ, приберушь
 И сласти и мясное;
 Безъ пошлины всѣ ихъ, лишь только будь сѣстное.
 Увидѣли они

Огни;

Въ каминѣ жарятся каштаны;

Горятъ у нихъ глаза. —

Хотя друзья, хотя буяны;

Страшна для нихъ каминъ гроза!

Мартышка говоритъ: вотъ кошечка любезна

Пріяльна для тебя минуша и полезна. —

Не можеть кошкѣ быть славнѣ дня,

Какъ тошъ, что бы достань каштаны изъ огня.

Не дѣло звучное, съ мышей брать дани;

Безсмертна честь, съ сшихією вестъ брани.

Проворна кошка шутъ съ золою ну играшь

И лапкой, какъ швея, шѣнь къ шѣни прибирашь

И золу разгрѣбала безъ боли и безъ раны,

Пустилась далѣе, лѣжали гдѣ каштаны

И лапкой за каштанъ,

Хотя вдругъ его и не клянула;
 Но снова лапку пошянула,
 Каштанецъ вынесла, по было не обманъ;
 Ояшь за добычку, еще за взяжки;
 Каштановъ вѣ убилъ десляшки;
 И не одинъ, а два и три;
 Проворитъ кошка шамъ, что ей не говори;
 Маргышка между шѣмъ каштаны прибираетъ.
 Лишь кошка хвашъ каштанъ, маргышка вѣ ротъ
 кладетъ,
 Хозяикъ съ кошкою, какъ будшо доли нѣтъ;
 Маргышка ѣстъ; а кошка лишь играетъ.
 Служанки вѣ двери пырь, — пришла бѣда;
 Лешилъ служанка съ жаромъ;
 Маргышка сытаж; а кошка даромъ
 Умѣла снесъ безъ всякаго сшыда,
 Цобои люшья во мзду шруда.

XII.

Оселъ и Хозяинъ.

Безъ крылей на Парнасѣ, на небо не спѣши; —
 Кто созданъ не орломъ лешая не смѣши!
 Собачка малинка, Гишпанка родомъ,
 Но гордоспи чужда, жила вѣ дому,
 —Тдѣ лишь хозяину вѣ угодность своему,
 Вилася вкругъ него, и шакъ была съ дохо-
 домъ,
 Готово молоко, готовѣ собачкѣ сырѣ;
 Собачкѣ всякой день бываетъ пирѣ:
 На бархашной подушкѣ почивала,

И космы у нее служанка завивала.

Глядишь въ глаза хозяйниъ си,
 еіо ц лущіъ;
 сід блушнѣ

И чпстѣ ушѣхъ ю своей.

Собачкѣ вольно и свободно,

Лишнѣ было бы угодно,

На груди влещеъ, хозяина обнятеъ;

Ни кто не смѣ шѣ ей за шо пнянше. —

О зависнѣ, спраснѣ злосердаго невѣжды!

Оселѣ увидѣлѣ шо;

Ушами хлопѣ, оперылѣ большія вѣжды,

И говорнше: я что?

Оселѣ, собаки чай не хуже;

За чѣмѣ имѣю я и часнѣ не шу же?

За чѣмѣ я не въ щеснѣ? — На холодѣ, не сышѣ?

Тружусѣ, пошѣю вѣкѣ и не щажу конышнѣ;

Но люди пражспливы,

За трудѣ не наградышнѣ;

У ннхѣ лишнѣ шѣ щаспливы,

Кощоры имѣ въ глаза глядышнѣ,

Понравншея и угодышнѣ. —

Собачкннѣ разумѣ шушнѣ, собачкнна шушнѣ скаскн;

И вопѣ за что ей лска,

И мнѣ не рѣдко паска;

О селѣ увѣря я о шомѣ;

Прынулѣ х яя ну на шетѣ

И завчзжалѣ: кѣ шебѣ лскашьса смѣю;

Хозяннѣ ошнѣчалѣ: я дружбы не имѣю

Сѣ осломѣ:

Слуга! дубнпой

Управся гы сѣ скошнной. —

XIII.

Волкъ и Овцы.

Коварный силою чего не можетъ взятьъ,
 То ищешь плушовспвомъ слизать. —
 Съ овцами волки миръ установили,
 Прочли спашьи и объявили.
 Уволены овцами псы
 Не ходящъ болѣ на часы;
 Бараны разжирѣли,
 А волки усмирѣли;
 И ежели встрѣшитъ ся съ волками гдѣ овца,
 Какъ другъ, какъ братъ, не измѣня лица
 Уходитъ прочь съ поклономъ;
 Чего боаясь шамъ, гдѣ крѣпокъ узлъ закономъ;
 Но наконецъ
 На посѣщеніе овецъ
 Пришло волковъ десятокъ;
 На миръ не посмопря
 И словъ пустыхъ не говоря,
 Отъ волчьихъ не описавъ ухвашокъ,
 Овецъ передушили всѣхъ;
 Нарушить миръ не поставляли въ грѣхъ.
 Когда у спада бы случилися собаки,
 То миръ бы не помогъ и былибъ драки.

XIV.

Волкъ и Пастухъ.

Случился волку постъ,
 Добыча отъ овецъ не знатна, не велика;

Поднялъ мой волчикъ хвостъ,
 Не знаешь, какъ приспашь, баранья чпобъ языка
 Таскашь почаще въ лѣсѣ:
 Тому причина,
 У стада былъ пастухъ, у пастуха дубина;
 А сверхъ того свирѣпой песъ;
 Такъ сила волка
 Останется безъ пользы и безъ полка.
 Умыслилъ волкъ,
 Подѣльшь на хипросни овечей полкъ. —
 Какъ водремалъ пастухъ, овечки опдыхали,
 Мой волкъ пастушей вздѣлъ кавшанъ,
 И палку въ руки взявъ, безъ всякѣя печали,
 Пустился на обманъ;
 За плеча кнушъ, рожокъ, пастушня сверхъ наряда
 На шляпѣ надписалъ: я власъ! пастухъ у стада;
 Не беспокоясь ни о чемъ,
 Какъ кучеръ, хлопъ бичемъ;
 И стадо поднялось, какъ въ спрѣ войски:
 Тутъ волкъ, какъ вождъ впередъ, въ немъ замысли
 геройски,
 И къ роцѣ близко подступилъ,
 Чпобы обманъ соблюсть, онъ громко возопилъ,
 Какъ пастуху доспойно;
 Но для его грѣха,
 Различенъ зевъ у волка — пастуха:
 Не могъ онъ подвига скончать спокойно:
 Узнали всѣ обманъ;
 Оперылась волкова и рожа,
 И съ плечь долгой лѣшинъ пастушечей кавшанъ,
 Съ костей и кожа.

XV.

Любовь и Дурачество.

Любовь, дурачество, божки избъ первыѣхъ въ мѣрѣ,
 Какъ дѣши разрѣзвась, играѣ на небесахъ,

Заспорили о власни, о порфирѣ
 И о свѣихъ судьбахъ;

Амуръ хопѣлъ на весь боговъ совѣшъ преславный
 И на Олимпѣ державный

Сослался въ помѣ.

Дурач ство безъ дальня разговора,

Не продолжая спора,

Поподчивало вдругъ Амура шумакомъ,

Тузами,

Такъ сильно, что на вѣкъ просиился онъ съ глазами,

Сшалъ слѣпъ.

Пошла молва и шумъ и пересуды;

Ершатся боги всѣ, какъ въ морѣ чуды;

Тотъ на дурачество, Амуру потъ свирѣпъ:

Богиня красоты Венера,

Какъ женщина, какъ мать,

Не хочетъ вопля унимать;

На апелляцію мнитъ дѣло поднимать;

Къ Зевесу съ прозьбою, — Юпитеръ знаетъ,

И понимаетъ

Любовь, дурачество, два бога на земли,

Безъ коихъ жить нельзя, кого ни удали;

Безъ каждаго земля погибнетъ.

Не хочетъ онъ при помѣ Венерѣ досадить

Какойже судъ дурачество постигнетъ? —

Юпитеръ приказалъ дурачеству водить

Слѣпago купидона
 Для сохраненія закона,
 Мы видимъ вмѣстѣ вѣкъ и вспарь и вновь
 Сб дурачесивомъ любовь —

XVI

Пешухъ и Лисица.

Пешухъ проворной былъ, пешухъ боецъ,
 По руски молодецъ;
 Сидѣлъ какъ на часахъ, на деревѣ высокомъ,
 Вѣжала шумъ лисица ненарокомъ;
 Увидя пешуха, кричишь: пы знай, что я гонецъ,
 Пріятель м ѣ и кумъ любезной!
 Я слухъ несу полезной,
 А именно, бѣгу я въ окошочкъ весь
 Сказашъ, что миръ у насъ ушавленъ здѣсь,
 Какъ пешухи, такъ и лисицы
 Между собой и братья и сестрицы;
 Сойди ко мнѣ, позволъ себя поцѣловать
 И праздникъ не забудь давать,
 Иллюминацію вездѣ бѣгу, устроишь.
 Пешухъ лисѣ: постой!
 На что тебѣ себя такъ много беспокоишь?
 Я вижу блазь тебя пята съ пяташю
 Лѣшяшъ собаки
 И вѣрно не для драки,
 А миръ торжсировать;
 Мы спанемъ въ запуски другъ друга цѣловать;
 Лиса въ очивѣишь: мнѣ ету вѣсть
 Скорѣе надобно разнесшь;

А правда то, что отъ собакъ прухнула
И плуша пестуха не обманула.

XVII

Учитель и Ученикъ.

Почтенной древности, воспитанникъ на усъ,
Не Немѣцъ не Французъ;
Наперспникъ музъ,
Русакъ простой въ латыню погруженной
И не оселъ, ослинусь уваженной;
Но всѣд нельзя латынью задавлять;
Читашъ уроки
Виргилія радилъ въ россійски строки;
Пошелъ учитель мой гуляшь,
И стадо съ нимъ латынско;
Гулялъ въ саду, — тамъ прудъ случился близко.
Ребята резвятся, — одинъ шалунъ
Играя, бѣгая упалъ безъ спросу,
Не пощада руки, ни носу,
Упалъ куда? — гдѣ царствуетъ Нептунъ;
Однакожъ не въ реку, не въ озеро, не въ моръ,
Но въ прудъ упалъ дитя, напастя! горь!
Кричитъ ребенокъ изъ воды,
Подише башюшки сюды,
Не дайте пошонушь: я чуть не захлѣбнулся.
Учитель вспрепешнулся;
И шагомъ важности, нахмуря бровь,
Пришолъ и ну сердиться;
На мальчика кричань и вновь
Сшалъ надъ Ришорикой и Тропами шрудиться,

И естълибѣ Хрюю досказалѣ,
 То вѣрно малчикѣ бы пропалѣ;
 Но потѣ баракшаясь, что полковашь невеждѣ,
 Доскажешь послѣ рѣчь, вынь изъ воды шы прежде!

XVIII.

Юпитерѣ и Звѣри.

Кто самолюбїя не рабѣ?
 Кто для себя не слабѣ?
 Мы всѣ свои диспозишва возносимѣ,
 Другихѣ поносимѣ.
 Юпитерѣ нѣкогда всѣхѣ сколько есть звѣрей,
 Кѣ великолѣпни му велѣлѣ пустить и есполу,
 И каждому изъ нихѣ по произволу
 Проправить общалѣ щедротою своей,
 Что каждый ни найдешѣ нескладно, некрасиво
 Въ себѣ.
 Тупѣ обезьяна вмигѣ, благодарю судьбѣ,
 Я шакѣ, какѣ должно бытъ не чудо и не диво,
 А куманекѣ медвѣдѣ
 Но по, какѣ видѣшь мы привыкли Адониды;
 И по ему нимало не обида,
 Что на него не весело глядѣшь;
 И ежели моего послушаетѣ совѣта,
 Ему не должно списывать портрета.
 Медвѣдѣ не захотѣлѣ своєю мѣняшь лица
 Сказавѣ, чпоошѣ лапцалѣ мѣдвѣдицѣ шемы сердца.
 А респу у слона хотѣлѣ приравнишь;
 Но нѣчто слонѣ въ книгѣ нашелѣ поправитѣ.

Такъ муравей вѣ осѣ, а муха вѣ паукѣ;
 Комарѣ вѣ кузнечикѣ, кузнечикѣ вѣ червякѣ,
 Ыма несѣкомыхъ, пшицѣ и всѣ четвероноги,
 Собой оспалися довольны такѣ, какѣ боги.

XIX.

Сапожникъ и Откупщикъ.

Сапожникъ, Откупщикъ, тошѣ нищѣй, тошѣ богатѣй,
 Другѣ съ другомѣ обѣ спѣну и рядомѣ
 Живушѣ; сапожникъ хошѣ нескладомѣ,
 Но всякой часѣ поидѣи и горло драпѣ онѣ радѣ.
 Лишѣ свѣшѣ — онѣ пѣшь, за ужинѣ ли, къ обѣду
 Шлѣтѣ музыку къ сосѣду;
 Сосѣдѣ весь вѣ золотѣ, какѣ истуканѣ;
 Не много ѣлѣ, а спалѣ подѣ упренною пору
 Насокѣ иль два, и шупѣ пѣведѣ буянѣ
 Мѣшалѣ ему, о томѣ пѣтѣ спору.
 Ни вспарѣ ни вѣ ешотѣ вѣкъ,
 Хошѣ за откупы пѣму денегѣ слупишѣ
 Чшо сна на рынкѣ пѣи не купишѣ.

Сапожника призваѣ богатой человѣкъ,
 Спросилѣ онѣ: многоль вѣ годѣ тебѣ доходу?
 Вѣдняшка ошвѣчалѣ: я съ роду
 Считаѣ такѣ не привыкѣ;
 Но знаю толькѣ шо, что къ году

Я всѣ сравняю дни; тошѣ малѣ, а тошѣ великѣ;
 Какѣ бы не пра-динки, намѣ жить бы подилосѣ;
 А нынѣ много дней бездѣльныхъ родилосѣ.

Богачь ему: возми пять сотъ рублей,
 На нужды сбереги, не прашь ты ихъ жалей.
 Сапожникъ возмечшалъ богачей быть Могола;
 Вмигъ деньги подхвапая, лѣшитъ домой,
 Ихъ прачешъ въ уголку спѣ произвола;
 Онѣ лѣшь не спалъ
 И мало спалъ;
 Онѣ мнитъ, что ворѣ идетъ, какъ кошка замлущитъ;
 Безъ пѣсенъ, безо сна онѣ скучитъ;
 Олпашь къ богачому черезъ недѣлю онѣ,
 Возми свой кладъ, отдай мнѣ пѣсенки и сонѣ.

XX

Болванъ и Богомольцы.

Болванъ пожалованъ былъ нѣгдѣ въ боги,
 Готовъ ему олшарь, куреніе и жрець;
 Гошovy и мольбы отъ искреннихъ сердець.
 Текутъ толпы народа многи;
 Какъ люди, шѣтъ зимы, шотъ просишь шепла дия;
 Одинъ воды, другой огня.
 Болвана морго лелѣютъ и ласкаютъ
 И пыль въ глаза пускаютъ;
 Всѣ малы, какъ свѣрчки, и мыслятъ, что болванъ
 Предѣ всѣми великанъ.
 Кадлпшъ болванавъ носѣ, и кровь онѣ жертвыльется,
 Болванъ не ворохнешся,
 Болванъ болваномъ оснаешся;
 Молебщики увидя шо,
 Смекнули, что
 На смѣхъ народу

Болвана бросить въ воду.
 Сказавъ ему: изволь Пепшуновѣ сокѣ сосать;
 Ты не возмогѣ казнить и не умѣлъ спасать,
 Вельможи
 Съ такимъ божкомъ не рѣдко схожи.

XXI.

Змѣя и Пила.

Змѣя пошла гулять ,
 Не обоняя, не взорѣ увеселяя;
 А кормѣ на пищу промышляя,
 Проворно къ слѣсарю, какъ въ шрѣ вбѣжала,
 А шамѣ пила лѣжала;
 Пила отъ солнечныхъ лучей
 Мешала блескъ прѣятный для очей,
 И говоритъ пилѣ: люблю я кушать сладко
 И буду здѣсь на время крашко.
 Голубушка моя !
 Я умнейшей звѣрокѣ, змѣя,
 И не дождавшись слова
 Змѣя гошова
 Пилу глодасть;
 Пила не думаетъ рыдасть;
 Змѣя шипитъ, сердится,
 Пила ни мало не вредится;
 И наконецъ змѣѣ; напрасна злость шволя:
 Почтенна госпожа змѣя;
 Пожалуй изломай всѣ зубы
 И изъуродуй губы;
 Чрезъ много времени Сатурнѣ одимѣ

Лишѣ можешѣ повредить и мой составѣ, и чинѣ
 Навѣшникѣ, какѣ змѣя, пусть честность гложешѣ,
 Красы и бышїя она шеряшь не можешѣ.

XXII

Конь и Волкъ лѣкаръ.

Какой то Бундсфалѣ, ногою оступился,
 На скачку ошѣ ногою тораздо пришупился,
 И спалѣ ногою хромашь.
 Коня на волѣ
 Гулять пушили вѣ полѣ,
 Не спали болѣ,
 Какѣ ранена вождя перевозить и замашь;
 Покой и воздухѣ чистѣ, извѣстное лѣкарство —
 Коню не жизнь, а барство.
 Бѣжитѣ изѣ роци волкъ, увидѣлѣ лошадѣ онѣ,
 И вѣ мысляхѣ далѣ законѣ :
 Имѣю я догадку
 Вѣ желудкѣ мой убрать лошадку.
 Пришолѣ передѣ коня, ошдалѣ ему поклонѣ
 И говоримѣ ему: я есмь наперстникѣ Ескулапа,
 Отѣ Факультета мѣ дана недавно шляпа
 А паче, что хромыхѣ умѣю излѣчать:
 Безѣ боли, наскоро не будешѣ пы к ичать,
 Пожалуй покажи лишѣ ногу;
 Ты змигѣ почувствуешѣ свободу многу,
 За шѣмѣ, что полжилѣ сего я дня
 Здорьымѣ учинишь коня.
 Конь поднялѣ ногу вѣ верхѣ, а волкъ развѣсилѣ ту бы;

Копышомъ волка конь ударилъ славно въ зубы,
Сказавъ: ѣдавши хлѣбъ семи пещей,
Знай волкъ, умѣешь конь лѣчить врачей.

XXIII.

Сократовъ домъ.

По тщесливой пышности мы судимъ о вещахъ ;
Будь веселъ, будь мудрецъ, когда не на коврахъ
Ты спишь, на золотѣ сполна шты не имѣешь ,
Напрасно шты пикуль примать достоинствъ смѣешь!

Всѣ въ таяншъ о томъ,

Что былъ Сократъ съ умомъ,

Сократъ построилъ домъ;

Сократово строеніе поносятъ,

Гостиной длинной просятъ ,

А галлерей по неочень глубока ;

Наружность, внутренность всё кажется мелка ;

И говоряшъ, не всѣ у насъ Сократы,

Какъ онъ, для знатна мудреца

Почтеннаго лица

Потребенъ храмъ, огромныя палаты.

А имъ Сократъ въ отвѣтъ: наружность лишь
обманъ;

Для истинныхъ друзей доволенъ и чуланъ.

XXIV.

Собака безъ ушей.

О горесть! о бѣда! свирѣпы души
У дашка кобеля отрѣзали вмигъ уши.

Тоскуетъ, плачетъ песъ,
 Пришло мнѣ спряшаться въ дремучей лѣсѣ ;
 Какъ я такимъ уродомъ
 Предстану предъ народомъ?
 Собака бѣдная, пожалуй ты не вой !
 Еще не коротокъ вѣкъ твой ;
 Пусть уши у тебя, собака, не велики,
 Привыкнушь видѣть ихъ ;
 А ты впередъ и въ случаяхъ шакичъ
 Останешься какъ конь, вѣкъ права безъ улики.

XXV.

Учитель и Садовникъ.

Спѣна съ спѣной и рядомъ,
 Но лишъ не очень ладомъ
 Садовникъ жилъ, еще
 Учитель
 Дѣтей и мальчикѣвъ наставникъ, попечитель;
 Нравоученіе для злыхъ сердецъ воище,
 Гдѣ спрасни бѣсятся играющъ
 И разумъ презирающъ ;
 А дѣшамъ Флорины, Помонины дары,
 Какъ спарику, Форшунины игры.
 Примѣры бросимъ прочь , — въ часъ вольной отъ
 науки
 Дитя резвачъ
 Безъ спросу и безъ скуки
 Въ калишку чрезъ заборъ и былъ палачъ ,
 Для сливъ и персиковъ садовника сосѣда,

Малины, вишенъ, грушъ и всѣхъ плодовъ
 Не на продажу нѣшь, ни для обѣда.
 Съ такимъ наперстникомъ не развѣдешь садовъ
 Садовникъ мыслишь такъ: какъ стоишь посѣишь
 Чужихъ трудовъ
 Безъ пользы похишишь
 Не будешь преславать, гуляшь въ саду;
 И скоро по миру пойдю.
 Въ сердцахъ разгораясь, въ шу минушу
 Къ учителю онъ въ двери шастъ
 И рассказалъ свою напастъ
 И горестъ люшу.
 Учитель былъ престогаой судиа,
 Вмигъ преступленію дамъ казнь достойну я,
 И чтобы впечатлѣтъ примѣръ удобно
 Онъ садъ избралъ за мѣсто лобно;
 Со всей аравою идешь къ собѣду въ садъ,
 Такимъ гостямъ, шотъ чаю, былъ нерадъ;
 Но для садовника оспрадъ
 Учитель говорилъ — красно, обильно, много.
 Что собственность далъ шолкъ, и разсуждалъ
 престогаого;
 А дѣши между шѣмъ,
 Какъ будто рать съ огнями и мечемъ,
 Не шолько, что плоды послѣвши пошмали
 Но и деревья всѣ въ саду переломали;
 Не спорю, хороша вишневата рѣчь;
 Не къ стати коль она, шакъ лучше бросишь въ печь.

Юлитерѣ и Дати.

Не пахарь, грома богъ , драшь землю не умѣешь,
 Но дачу оиѣ имѣешь.

Спустился на землю Меркуріи съ небесѣ,

Что дашь шорги велѣлъ ему Зевесѣ.

Повѣстки всюду разсылаешь

И цѣны объявляешь.

Явились шорани

И мятъ съ Зевесомъ худы барыни;

Тотчасъ имѣніе опишетъ;

Борей ему слуга не шакъ подышетъ;

То мы

Пойдемъ таскать сумы.

Чесали головы, за бороды хвапались

И не вступаю въ шоргъ, съ Меркуріемъ разстались.

Одиѣ смѣльчакъ

За эту цѣну я возьму ох тно дачу

И взявъ сію ни мало не заплачу ,

Лишъ былъ бы мнѣ Зевесѣ батракъ,

Когда мигнушь успѣю глазомъ ,

Чтобъ відро иль дожди пришли бы разомъ ;

Пошомъ,

Чтобъ снѣгъ и вихрь и громъ

Въ моей бы волѣ,

Когда я прикажу, явились въ полѣ ;

И словомъ шакъ, чтобъ лѣто и весна

И всѣ четыре части года

И знаши барыня природа

Меня бы слушалась, какъ сѣдшь семена,

Или косить, или жать намѣренъ ;
 Еще хочу въ томъ быть увѣренъ ,
 Чтобъ было по лишъ мнѣ бы одному
 А болѣ ни кому.
 Юпитеръ на него не покосился
 И согласился.
 Вдругъ спалъ мой Ошкупщикъ напурь господинъ ;
 Устроилъ новой чинъ ;
 Гремилъ и въпры шелъ и солнцемъ управляетъ ;
 Лишь сл во скажетъ онъ, какъ на небъ гуляетъ ,
 Снихи всѣ покоиснующъ ему,
 И движущя лишъ по его уму ;
 Но на конецъ пришло встрѣчашъ зиму ;
 Сосѣди всѣ онъ жавы богашъли ;
 Амбары, житницы у нихъ крехтѣли ;
 А ошкупщикъ, власпитель самъ в. емянъ
 Таскался по миру, не собралъ и сѣмянъ.

XXVII.

Коларъ.

Съ желѣзомъ шелъ обозъ,
 На гору возъ тяжелый подымался,
 Желѣзомъ былъ навьюченъ возъ.
 Извощикъ на возу ни мало не ломался,
 Идетъ пешкомъ,
 Лошадку погонялъ кнутомъ ;
 Однакожъ одолѣвъ горы престогаой,
 А грязь дорогой,
 Не можетъ онъ ;
 Пускаетъ тщешный стонъ.

Гора круша, дорога вся изъ песка,
 Короче заключишь, лошадушка ни съ мѣста.
 На ней комаръ сидишь,
 Слѣсиво на коня усшалова глядишь
 И изъяснянся смѣшишь,
 Смотрите вѣсь какой комаръ имѣешь:
 Что онъ приспановлять кошей умѣешь!
 Вся тяжесъ опъ меня разумно заключилъ,
 Чшобъ лошадь облегчишь долои съ нее скочилъ.

XXVIII.

Оселъ кумиръ.

Везли чай въ Дельфъ кумира,
 Кумиръ безъ ногъ, кумиръ, какъ баринъ, сѣлъ.
 Кумира на плеча поднялъ оселъ
 И божество пространна міра
 Такъ шочко, какъ кошлы медяны потащилъ
 И не спѣшилъ;
 Однакоже въ пуши красавицы, герои
 Бѣгутъ передъ осломъ кумиру въ честь,
 Разумницы, глупцы, людей различны спрои
 Плешутъ безспыдно лѣсьшь
 И просятъ, что ни есть.
 Кумира мудрецы въ душѣ не величали;
 Но то что онъ болванъ, народу не кричали,
 Оселъ
 Услыша въ день разъ сто, ты богъ, ты славенъ,
 Ты мудръ и милосердъ, ни кто ~~ни~~ неравенъ,
 Подумалъ впрямъ, что міръ въ его рукахъ висѣлъ
 И что на небеса онъ сѣлъ,

И ну просителямъ оказывать прїязни
 И казни,
 И бредилъ всякой часъ, шакъ испинно: я богъ —
 Я добръ, но спрогъ;
 Однакоже ослу быше запрешили богомъ,
 Ударя много разъ тяжелою рукой,
 Глупцу въ киченьѣ многомъ
 Нѣтъ пользы ни какой!

XXIX.

Два Петуха.

Была сераль, — султановъ два,
 Султаншей шамъ десятки.
 Пиндаровъ брося слоги, и всё загадки,
 Скажу по руски я, просныя лишъ слова,
 Что куръ премножество, а пѣтуховъ шамъ два.
 Терзаетъ пѣтуховъ досада
 И рѣвность шамъ дочь ада
 Обѣимъ имъ
 Внушаетъ, несть любовь къ красавицамъ однимъ ;
 Не могушь пѣтухи дружишься,
 Ужишься,
 Лишь розовой рукой веселый кинувъ зракъ,
 Отворитъ солнцу дверь, Аврора,
 У пѣтуховъ начнется ссора
 И множество смертельныхъ дракъ.
 Какъ Греческою терой хранимъ судьбою
 Иъ нихъ одинъ
 Остался господиъ,

Прогналъ другого съ бою,
 Побѣду пѣснями торжествъ вашу хощѣлъ;
 На побѣдителя орелъ слѣшелъ,
 Давнулъ когтями;
 А побѣжденный въ мигъ короткими пушами
 Изволилъ съ радостью припни въ сераль,
 И безирепяшисивно одинъ палъ на всѣхъ краль.

XXX.

Волкъ и Журавль лѣкаръ.

Въ звѣриноѣ царствѣ волкъ, не малое лицо;
 Къ нему приходящѣ на крыльцо
 Особы важныя, — подаркиносящѣ
 И львовой милосши чрезъ волка просящѣ.
 Вельможа волкъ однажды заболѣлъ,
 Не осторожно бѣлъ
 И костью подавился.
 Повѣстку волкъ дасть: топѣть будещѣ милый гостѣ,
 Изъ горла волка кто вынесѣ кость,
 Большую дащѣ награду посулился
 И волчью ошлужищѣ для доктора онѣ злосщѣ
 Божился.
 Искусникъ былъ журавль, — приходитѣ онѣ
 И длиннымъ носомъ,
 Изъ горла кость вышаскиваетѣ воѣ,
 Попомъ съ запросомъ:
 Дай плашу, что сулилъ, а волкъ отвѣстѣ такой:
 Теперь ужѣ я не болѣю,
 Хвалился щѣмъ и будь доволенъ;
 Что вышеслъ лѣкаръ самѣ изъ горла пы живой.

Левъ и Оселъ.

Царь Левъ собравъ свои геройски силы
 Пошелъ гулять,
 И ловлею звѣрей себя увеселятъ.
 Надъ кѣмъ пошѣшился, тому гошовъ могилы;
 То есть, что царь пошелъ, не только что ловить,
 Звѣрей давить,
 И пригласилъ Осла съ собою,
 Сказалъ ему:

Ты будешь мнѣ служилъ трубою;
 Всѣхъ рыцарей лѣсовъ премножесва и шьму
 Гоняшь къ цареву бою:
 Оселъ лишь не молчи,
 Кричи:

Макину на себя я лисья хворостину,
 Ты шрусосъ брось,
 И ни кого не бось.

Никто подъ хворостомъ не выроешь скопину.
 Оселъ взрѣвелъ, — ослиный зыкъ
 Ужасенъ.

Въжистъ звѣринный полкъ и высунувъ языкъ
 Попался въ когти льва. Тамъ былъ олень пре-
 красенъ,
 Тамъ много дикихъ козъ, безъ счета псовъ, лисицъ,
 И родъ звѣрскаго шьма разнообразныхъ лицъ;
 И словомъ, былъ для Льва такой оубъ,
 Какихъ на свѣшѣ нѣшъ
 Иль мало.

Когда изъ западни вонъ выйши надлежало;

Доволенъ ли мной царь, Оселъ такъ Льву сказалъ,
 По милости-моей довольноть ты шерзалъ?
 Какое я храбрѣ, ты видишь сно нынѣ,
 Въ геройствѣ никакой не успую скошинѣ!
 А Левъ ему: когда бы я не зналъ,
 Что сно ты Оселъ кричалъ!
 Ты снолько опличался,
 Что самъ и Левъ себя бы испужался.

XXXII.

Оселъ и Мужикъ.

Старикъ осла пасенъ
 На жирномъ полѣ;
 Мужикъ слышалъ шумъ, не вѣдаю ошколѣ
 И заключаенъ такъ, то армія иденъ.
 Старикъ-трусливѣй былъ лягушки,
 Боинся пушки,
 И говоритъ ослу: совѣтую бѣжать,
 Ихъ грома не легко намъ будетъ отражать.
 Оселъ на скачь на рысь скупился,
 И скоро въ шотъ походъ ошнюдь не поро-
 пился.
 Старикъ ему: иль жизнь тебѣ не дорога,
 Что тихо такъ бѣжишь отъ лютаго врага?
 Оселъ въ отвѣтъ: меня врагъ шотъ не задавилъ
 И кладя не прибавилъ;
 Такъ для-меня равно, что ты, что онъ,
 Я буду все возить, какъ слонъ.

XXXIII.

Вѣрная собака.

Мяса кусѣ приносятѣ
 Вѣ ночь одной собакѣ ворѣ,
 Такѣ собаку проситѣ:
 Ты молчи! иду на дворѣ.

* * *

А собака вору
 Я не буду здѣсь молчать,
 Приходи ты вѣ пору
 Пса кѣ подаркамѣ пріучать.

* * *

Свой возьми задашокѣ,
 Началѣ лагать громко песѣ;
 Не люблю я взяпокѣ,
 Убирайся сѣ ними бѣсѣ.

XXXIV

Орелъ и Лисица.

Зло сдѣлать шрепещи — кто какѣ ни силенѣ!

Несчастный средствами обиленѣ,

Чтобы вознестѣ

На гордоссть месѣ.

Орелѣ схватилѣ дѣшей у кумушки лисицы,

Схватя опнесѣ живыхѣ вѣ чертогѣ своей царицы;

То пища для орлятѣ; — чертогѣ его.

На кедрѣ былѣ высококомѣ,

Лиса сраженная печальнымѣ рекомѣ

Не хочешѣ плѣмени лишиться своего,

10 *

И говоришь орлу: мнѣ милы такъ лисенки,
 Какъ и тебѣ орленки;
 Пожалуй возврати пернатыхъ царь мнѣ ихъ
 Дѣшей монхъ;
 Не дай мнѣ сиротѣшь, оставь мою мнѣ радость;
 Зевесъ за то свою тебѣ испосилетъ благость.
 Орелъ не шакъ, какъ Титъ, не милосердъ;
 Въ отказѣ пребылъ швердъ;
 А кедръ высокъ, лисица
 Не пища,
 Не лъзя шуда ей влестъ.
 То правда шакъ: лиса безплодно не страдала
 И не рыдала,
 Спѣшилъ дрова, огонь унести
 Изъ храма чистоты ошъ Весны знаменитой:
 И въ мести яростной, несышой,
 Дровами дерево шотъ часъ обволокла.
 Орелъ боясь, штобъ не сожгла
 Лиса его дѣшей, обратно
 Лисенковъ ей даритъ
 И говоришь:
 Продай любезная, опочивай прѣяшно,
 Чшо пѣла давича шеперь мнѣ то понятно!

XXXV.

Быкъ и Лягушки.

Два мочивы быка, Ахиллы межъ быками,
 Сражались рогами.
 Лягушка видя што, вой подняла и плачь,

Другая ей: о чемъ такія слезы?
 А та въ отвѣтъ: ихъ бой гонимыи намъ желѣзы
 Одинъ изъ шѣхъ быковъ намъ будешь всеиъ
 палачъ;

Быки шѣ еоряися о царства правѣ.
 Одинъ въ лѣсахъ оспланеня во славѣ,
 Другой изгонися въ болошо обиташъ
 И буденъ насъ поиташъ.

Для ногъ его мы будемъ все игрушки,
 Изчезнуди отъ быка въ подсолнечной лягушки.

XXXVI.

Коршунъ и Голуби.

Злой коршунъ умъ имѣлъ, склонилъ его на худо;
 Хошѣлъ онъ голубей давить,
 Какое это чудо?

Не можно на лешу ихъ завсегда ловить,
 Онъ къ голубямъ пришелъ, чтобъ дружбу объявить.
 Проспосердечнымъ сталъ мой коршунъ наровить,
 И разумъ свой хвалишь, искусство и способность,
 И силой защищать союзниковъ удобность.

И наконецъ

Хошѣлъ, ихъ быть царемъ и ихъ носить вѣнецъ.
 Несчастны голуби повѣрили той лещи,
 (Какой у коршуна искать возможно чеспи.)

Спалъ коршунъ царь,
 Сперва онъ ближнихъ барь

Потомъ чиновниковъ, потомъ духовныхъ
 Все стадо голубей, передъ Цремъ безсловныхъ,
 Изволилъ сѣсть,

И въ спомъ заключилъ ~~ею~~ цареву честь.

XXXVII.

Богка.

У догрѣба пустыхъ лежало бочекъ много;
 Когда напитокъ весь изъ бочки взятъ до дна,
Она

Ужъ болѣ не нужна ;
 За бочкою пустой не смотришь строго.
 Изъ нихъ одна
 Была предъ тѣмъ полна
 Венгерскаго вина;

Какъ выше сказано, вся выниша до дна,
 И въ бочкѣ не было ни капельки вина.
 Старуха пьяница шамъ къ бочкѣ прибѣжала,
 Какъ розу нюкала, и вкусъ свой раздражала

И говорила такъ:

Ты лучше Нецшара, я чувства услаждаю,
 Когда лишь тѣнь твоихъ добротъ встрѣчаю;
 Вино швое долженъ быть не оцѣненной смакъ,

Когда швоею остатки
 Такъ еладки!

XXXVIII.

Хозяинъ, Олень и Быки.

Олень среди лѣсовъ
 Жестокою судьбою
 Гонимъ отъ цсовъ,
 Вѣжалъ отъ мѣсна бою,
 Искалъ души

Спасеніе найти.

Лѣшящѣ въ село, — на дворѣ приходитѣ скотной
И шастѣ въ бычачей клевѣ; тамѣ волѣ былѣ до-
брохотной

Оленю такѣ сказалѣ: за чемѣ сюда ты гостѣ?
Ты доброй волею людей не сышу злощѣ

Кормить желаешь,

Олень ты къ смерти нуть себѣ самѣ разспилаешь.
Рогатой звѣрь ему: теперѣ пекись помочь;
Засѣномѣ скрой меня, уйду лишь придетѣ ночь,

Когда заснешѣ народѣ коваренѣ,

А вамѣ быкамѣ останусѣ благодаренѣ.

Оленя спряталѣ быкѣ; — лишь спряталѣ, скотникѣ
въ дверь;

Настала кормѣ давати быкамѣ пора теперѣ,
И въ доль и въ поперегѣ тамѣ мужики ходили,
Что должно дѣлали, о томѣ, о семѣ рядили,
Ушли назадѣ, — не ворохнѣнся звѣрь.

Олень удачно скрылся,

Казалось, въ землю онѣ рогамѣ врылся.

Приходитѣ старосша, — Оленю нѣтъ бѣды.

Еще шуды

Приходитѣ управитель

И потѣ назадѣ пошелѣ; — мой звѣрь роговѣ носилѣ
Подумалѣ, что его промчалася напастѣ,
Благодаритѣ быкамѣ: вы захошѣли спасѣть

Меня несчастна,

А благодарѣтель быкѣ: швоя судьба ужасна,

Не веселись во щѣ,

Хозяина сюда ты пожди еще.

Какѣ ужинѣ кончилася, хозяинѣ дома

Кѣ быкамѣ —

Споглазныи челоуѣкъ приходишь самъ,
 И ну кричать: за чѣмъ худа солома,
 А въ дѣляхъ сѣна иѣшь,
 Что вода шакъ эштошь спалъ, — мнѣ дай отпавѣшь
 О конь навозъ — здѣсь грязно,
 Возми мѣшлу и саушину сбрось!
 Тушь время не провелъ хозяинъ правдою;
 Глядѣлъ и прямо оиъ, глядѣлъ и въ косъ.

И послушаешь строга,

И наконецъ кричишь: за че ъ шушь сѣна много?
 Разрой мнѣ кучи въ мигъ! — Олень подъ нимъ сидѣлъ;
 Оленя барской глазъ не проглядѣлъ.

Оиъ приказалъ — а слуги пасобили
 Оленя моего убили.

И всѣмъ прикащикамъ скажу на епоишь разъ,
 Не думая обидѣшь,

Прикащикъ хорошо, — но Барской глазъ
 Полущис можетъ видѣшь.

XXXIX.

Кормчий и Матросы.

Еолъ въ сердиный часъ хотѣлъ корабль на морѣ
 Повергнушь въ люшо горѣ.

Кшо былъ на корабль, всѣ зачали рыдаль
 И смерти ждашь.

Еолъ лишь погрозилъ и помрился
 На горизоншѣ Фебъ въ минупу воцарился,

Тогда,
 / Когда
 Прешла бѣда,

Машрозѣ стали пить, ошѣ радости скакали,
 Какъ будшо счастье на цѣлѣй вѣкѣ сыскали;
 А кормчій имѣ: не лѣзя бышь малодушнымѣ намѣ
 Ни кѣ радости н же кѣ бѣдамѣ;
 Премѣна всякой часѣ являюща цѣ натурѣ.
 Въ погоду солнца жди, — готовся въ вѣдро кѣ бурѣ.

XL.

Собака и Волкъ.

Песѣ жирной, волкъ голодной
 Сошлись, не знаю гдѣ, другѣ другу дашь пекдонѣ;
 Поклонѣ пріятельской и не холодной, —
 Готовы въ мигѣ она и онѣ,
 Вступили въ рѣчи.
 Собакѣ волкъ смотря на плѣчи
 Сказалѣ: собака ты жирна,
 Собачья жизнь навѣрно не дурна;
 Пожалуй сдѣлай мнѣ сестрица ты услугу
 Скажи, какъ другу,
 Какъ раздобрѣла ты живя между людей,
 А я чушь ноги лишь таскаю?
 Собака волку шакѣ, охотно отвѣчаю
 Тебѣ завистнику судьбы моей:
 Мое все дѣло въ щомѣ, чщобѣ ошѣ воровѣ бы ночью
 Мнѣ дворѣ сперечь, собачьей лаяшѣ мочью,
 И коротко сказать, хозяйну вѣрна;
 Волѣ куманѣкѣ за тѣмѣ собака и жирна!
 И мясо мнѣ дякушѣ и косши;
 Совѣшую тебѣ, ты брось разбой,
 Доволснѣ будь моею судьбой;

Любезный куманекъ, поди къ намъ въ гости.

Согласенъ волкъ ишши,

Въ пуши,

Увидѣлъ онъ пса голошею,

А ешо отъ чего спросишь я смѣю,

Скажи собака безо льсти?

Она въ отвѣтъ, ни малато итъ дива;

Кумъ, нравомъ я сварлива!

Такъ днемъ я на дѣпи, чтобъ немогла кусать,

Тѣмъ отъ побой меня спараюися спасать;

Припомъ и для того, чтобъ днемъ я почивала

И ночью бы воровъ не прозѣвала.

Опять собакъ волкъ: въ шоль счастливой судьбѣ

Позволено ли псѣ, гулять псѣ?

Церберъ, молчишь, а волкъ далеко къ лѣсу рыщеть

Съ пошерей вольности куска не ищеть.

XLI.

Котъ въ мукѣ и Мыши.

Былъ Рыцарь котъ

Свирѣпый скопъ,

Такъ сильно впечатлѣлъ слѣды геройски,

Что всѣ мышачьи войски

Бѣжали прочь.

Итъ запаха мышей не шолько въ день, ни въ ночь;

А побѣдитель котъ на лаврахъ почиваетъ,

И часто отъ того безъ пици онъ бываетъ;

Герою хочется, какъ и другому, ѣсть.

Чтобы ловишь мышей различны строишь шпюки,

Иль по прасну сказашь, готовишь муки.

Но неудачна мѣсть, —
 Бѣда, несчастіе, большой учитель;
 Напрасно вымышлялъ мучитель.
 Всѣ мыши по норамъ,
 Нѣшѣ средства выжишь ихъ, — но кошъ упрямъ.
 Въ мучную закруму онъ скрылся
 И въ куль муки глубоко врылся,
 И шакъ, что не выдашь ни рыла ни ушей,
 То былъ обманъ для глупинькихъ мышей.
 Лежишь въ мукѣ не менѣе недѣли,
 Нѣшѣ слуха о кошѣ; — смѣлае поглядѣли
 Мышоночки тогда
 И мыслятъ умеръ кошъ, — прошла бѣда.
 Осмѣдились плутовки
 Изъ подполицы поднять головки,
 И высунушь носокъ и лапку-просягашъ,
 Юркнушь въ нору, опять обратно выбѣгаешъ.
 Одна смѣльчакъ и шакъ и два и болѣ,
 Шагала мышъ до шолѣ,
 Что пырь въ глаза кошу, — кошъ голову свернулъ,
 Той мышкѣ, и другой, — десятокъ ихъ давулъ;
 И на конецъ шамъ мышъ спаруха
 Увидя куль кричишь: нѣшѣ нужды ни какой,
 Пожалуй кошъ ты самъ, здѣсь булъ мукой,
 И въ рошъ пакъ не влечу, какъ муха!
 Спаруха мышъ, была умна
 И съ оспорожностью дружна.

XLII.

Павлинъ и Юнона.

Въ печальной горести, и въ лютомъ спочѣ
 Пришелъ Павлинъ къ Юнонѣ,

И сй шоску свою не медля объявилъ,
Скажи богиня мнѣ: за что я прогнѣвилъ

Тебя мою царицу?

За что любиму пшицу.

Ты нѣжнымъ голосомъ не хочешь надѣлать?
У ѣшь соловей всѣхъ пѣсню веселишь;
Поюшь малиновки, одинъ павлинъ не щасенъ;
Павлиной голосъ такъ, какъ зыкъ осла ужасенъ.

Ему въ отвѣтъ ..

Юнона:

Мнѣ средина нѣтъ,

Судьбой устлавенна перемѣнишь закона,
Да и не вижу я, на что пѣнешь пѣснь?

Благодари судьбѣ

За ростъ высокой,

За хвостъ свой радужный и свѣшлый и широкой,
Который кажется съ звѣздами быть въ борьбѣ;
За шею, что въ себѣ сокровищъ тьму являетъ;
Павлинъ упрямой сй: меня не забавляетъ

Чудесна перьевъ пестрота,

Милы мнѣ голоса пріятность красота.

Юнона такъ: различными дарами

Всѣ пшицы снабжены; — ты красотой Павлинъ;

Орелъ по силѣ царь, надъ вами господинъ;

Ворона, та знашна пророчества ушами,

А пѣсню соловей; но пшица ни одна

Не оскорблялась шѣдъ, что голосомъ бѣдна.

XLIII.

Сраженіе Кошекъ и Мышей.

Наскуча мыши жить въ неволѣ,

Хотѣли съ кошкой воевать

И вышли въ полѣ

Свирѣпо кошекъ убивать ;

Въ мѣгѣ собрались мышей великолѣпны строи,
Съдыя крысы шамъ, начальники, герои,
Одѣлись въ панцыри, съ мечемъ въ рукѣ

И въ шишакѣ.

Вой люшый начался, но кошка лишь прыгнула — ;

Окрысилась и лапку протянула !

Мышачья армія разсыпалась, какъ градъ.

Ошбой ударили — вся армія назадъ, —

Пѣхона, конница, въ подпослицу спѣшила ;

А кошка задній зводъ по своему душила.

Всѣ рядовыя, ихъ начальникъ самъ герой,

Копорый шишакомъ высокимъ опаличался

И величался ;

Столпились въ шрепестѣ, передъ норой,

Простыя войны въ нору потчасъ вступили ;

А шишакомъ вожди при сходѣ зацѣпили,

И кошка ихъ для множества пошѣхъ,

Передушила всѣхъ.

Въ высокой части

Скорѣй не избѣжишь напасти.

XLIV.

Братъ и Сестра.

Ощецъ имѣлъ дѣшей, по мальчикъ и дѣвица,

А по просту, былъ братъ, была сестрица.

Красавецъ мальчикъ былъ, сестра дурна.

Увидя въ зеркалѣ свои рябья рожи,

Сказалъ сестрицѣ братъ : съ шобю мы не схожи ;

XLVI.

Плутусъ и Геркулесъ.

Какъ Геркулесъ вступилъ въ Зевесовы чертоги,
 То естъ съ того часа,
 Когда былъ взятъ на небеса.
 Сидѣли тамъ всѣ чинно боги,
 Всѣмъ вежливо поклонъ, отвѣсилъ мой герой,
 Звалъ Феба дядю, Венеру звалъ сестрой;
 На Плутуса смотря лукаво улыбулся
 И бросилъ на него, онъ взгляды свирѣпы.
 Юпитеръ спросилъ: за что герой сполкнулся
 Съ божкомъ богашствъ! Герой въ отвѣтъ: онъ слѣпы,
 Онъ часто лишъ для злыхъ сокровища сугубитъ,
 Оцъ только деньги любитъ!

XLVII.

Два Плешивыя.

Два шли плешивыя, одинъ на переди,
 Другой шагаетъ по задн.
 По встречному пуши лежитъ гребенка, —
 Передней хвастъ лызгачъ, а задней тамъ —
 Находка по поламъ;
 Я чаю братъ, ты ухватилъ дыпенка.
 Другой въ отвѣтъ:
 Находка хороша да намъ въ ней нужды нѣтъ.
 Друзья не спорятся и люди тамо дружны,
 Рдѣ вѣщи встрѣшашся ихъ приходамъ не нужны.

Одинъ постарѣй былъ, другой

Былъ молодой;

Вѣсну прелѣсную лишь видѣлъ онъ однажды;

Ихъ дѣло было то, чтобъ вмѣстѣ ворковать

И вмѣстѣ поклевать

И вмѣстѣ на ручей для утоленья жажды.

Однакожъ молодой зашѣялъ голубокъ

Лететь за море

Другому голубю, то было горе; —

Былъ голубь опытенъ и умъ имѣлъ глубокъ,

И говоришь товарищу любезну:

Ты не хорошу мысль питаешь, не полезну;

Гоповишь множество себѣ печалей бѣдъ ;

За чѣмъ леташь! здѣсь шопѣ же солища свѣчѣ.

Осиротѣю, я начну терзаться,

Худое о тебѣ мнѣ будешь все казаться.

Что голоденъ, не съѣшь, что безъ покрова ты,

Пускай мечшъ;

Но сердцу нѣжному гораздо больны:

Кто странствоваль, бѣды шопѣ претерпѣлъ до-
вольны.

Что шагъ,

То врагъ ;

Глубоки воды,

Небесны непогоды

И Коршунъ и Орлы

Изображенія во снѣ представляютъ злы.

Что Менторъ ни поетъ, все было то без-
плодно ;

Не зрѣлый любишь умъ, лишь послупашъ
свободно.

Такъ голубъ молодой

Нашелъ причины многи,
Доспапочны предлоги,

И говоритъ: одной
Вѣсной,

Пусть кончу свой.

Чрезъ путешествіе хочу себя наставитьъ,
Какъ голуби живутъ, и шамъ и сямъ узнатьъ;
Худое пренебречь, что хорошо занятьъ;
Разказомъ возвращаясь, себя хочу забавитьъ.

И молодъ и въ порѣ,

Я голубъ а не крошъ, мнѣ спѣдно жить въ порѣ;

И наконецъ, — пришлось распаваться,

Слезами обливаясь.

И голубъ молодой въ минушу полетѣлъ,

Куда хотѣлъ.

Оставилъ онъ гнѣздо, спустился въ полѣ,

Помахивалъ крыломъ мой голубокъ на волѣ.

Случились шамъ поспавлены силки,

Куды несмысленны, валясья голубки.

Въ нихъ голубокъ попалъ, сидѣлъ въ те-
мницѣ,

Кой-какъ разгрызъ зубами узелки

И волю получилъ, не даромъ пшицъ,

Она пришла.

Оставилъ перушки мой голубъ изъ крыла;

А что онъ въ подону сляковомъ находился,

Ногой съ веревкою сдѣпился

И какъ цѣпь во изобличеніе унесъ,

Когда опять лешать пустился.

Лишь голубъ осмѣльчалъ, шамъ гнѣвъ небесъ

Поспигъ его: и дождь и градъ жестокой

Пробили до костей и лешьсвъ кровь широкой

На деревѣ не спасъ; — страдаетъ голубокъ.
 Едва обохнулъ лишь, пустился ястребокъ
 За нимъ на лавлю,

Напасши бѣгая въ деревнѣ сѣлъ на кровлю.

Робенокъ камышекъ схватилъ

И въ голубя пустилъ.

Пошла стрѣла въ свою дорогу

И прямо къ голубю въ крыло и въ ногу;

Хоть камень голубя не сшибъ;

Попалъ ноги онъ въ самой згибъ.

Несчастный голубокъ перья судьбину спругу

Храмой

Лешитъ домой

И крылышко паскаетъ,

О путешесствіяхъ и рша не развѣаетъ.

L.

Пасухъ обманщикъ.

Пасухъ зашѣйникъ былъ, пасухъ шуп-
 ливый,

Но въ шушочкахъ имѣлъ конецъ онъ нес-
 часливый.

Кричитъ, и разъ и два и три,

Для драки,

Сюда собаки

На помощь пасухи сюда богатыри,

За шѣмъ, что волки прибѣжали

И стадо у него гораздо обижали.

Волковъ шамъ не было, обманъ одинъ,

И волки ни когда къ нему не приходили

И стада не вредили.

Всѣ паспухи назадѣ, а онѣ какѣ господинѣ
 Надѣ ими издѣвался
 И выдумкой своей презмѣрно любовался;
 Съ недѣлю времени паспухѣ шутилѣ.
 Однажды такѣ къ нему пришли и вправду
 волки.

И онѣ опять кричатъ: напрасны толки,
 Напрасно ты паспухѣ лишь горло надсадилѣ.
 Въ прямой бѣдѣ ни кино уже тебѣ не вѣришь;
 Всѣ паспухи кричатѣ: Обманщикѣ лице-
 мѣришь.

Никто нейдетѣ,
 А волкѣ овецѣ безѣ страха жреть.

LI.

Отпускная.

Нептунѣ свирѣный богѣ морей,
 Котораго на гнѣвѣ привелѣ Борей,
 Трезубцемѣ дно справѣ влажныхѣ разди
 раетѣ

И люто корабли несчастныи пожиратѣ.
 Машросы, кормчи и спутники смошря,
 Что гнѣвались моря,
 Въ несноснѣйшей печали

Молишвой небеса и спономѣ оягчали.
 Одинѣ глупецѣ х шѣлѣ опускную писатѣ;
 Служилель былѣ охочѣ свой язычокѣ чесатѣ
 И говоритѣ въ опивѣтѣ: Нептунѣ, Деида
 Слугу и барина гошовой взяшь безѣ вида.

LII.

Осе́лъ и Ко́нь:

Отважность не порокъ, а рѣдка добродѣшель,
 Въ томъ не одинъ Францискъ свидѣтель.
 Осе́лъ и конь въ походъ
 Зашѣяли пуститься;
 Осе́лъ смиренный скопъ,
 А лошадь бурный звѣрь;—привыкъ мой конь гордиться,
 Скакашь
 И вихрь и облака топташь,
 И пламя изъ ноздрей пускашь.
 Не знаю точно я стремленіе походу
 На свадьбу иль на брань,
 Или съ подашливыхъ собравъ кр. ваву дань;
 Но точно вѣдаю, что былъ походъ чрезъ воду,
 Чрезъ море, озеро, иль лужу, иль рѣку;
 Опять напоминаю,
 Не знаю
 До Геродота то во древность глубоку,
 Но знаю только то, что переправа
 Казалась для осла
 Не въ силу разума, не въ силу ремесла;
 На прошивъ для коня казалась забава.
 Грянувши головой осѣлъ пяшой полкалъ;
 Съ походкой важности ушами закачалъ,
 Искалъ
 Искусно броду,
 Чтобъ преправиться чрезъ воду;
 А конь смѣльчакъ Ослу кричалъ: шы шрусъ, дружокъ

СЪ такимъ медленіемъ поспѣшь къ ночи;
Смотри моей шн конской мочи,
Смотри, какой я дамъ прыжокъ!
Конь прыгъ, попорочился
И ушопился.

П Р И Т Ч И.
К Н И Г А Ч Е Т В Е Р Т А Я.

I.

Перуиъ и Желатель.

Во древни времена, весьма давно
Олимпа жипели, по руски ложны боги,
Кичливы не были, упрямы, шпроги;
И обходилися побра пски за одно
Съ людьми, по естъ, что съ праопшцами.
Входили въ разговоръ лицо съ лицами.

Бывали боги кумовья,

Бывали и друзья;

По миѣ, такъ очень нужно
Съ небеснымъ бариномъ жить дружно,

И вошъ примѣръ, —

Онъ истиненъ, хотя о немъ молчишъ Гомеръ.
Перуиъ, Юпитеръ нашъ и богъ громодержатель
Изъ дѣдушекъ подѣ свой кого то взялъ покровъ,
Въ любимцы посвящилъ, осыпалъ шмой даровъ,
Рѣкою адскою клялся царь небожишель,
Клялся, чего не лзя и богу спмѣцать,
Что все желанія онъ будетъ исполнять.

Желатель былъ нахленъ,

Не скромнѣ, не похвалясь;

Желалъ богатствѣ, чести — и деньги, и чины,
 Не бравъ росписки, въ миѣ сѣ небесѣ ему даны;
 И куча золота, алмазы и дипломы,
 И ленты, и ключи несутьъ всечасно грома

Богатую рѣкой
 Въ его покой.

Желатель спалъ богатѣ; — желатель спалъ чиновенѣ,
 Почти Перуну ровенѣ.
 На золотѣ и бѣль и спалѣ,
 А всю желалѣ.

Желаній лѣсница величины безмѣрной

И не устанешь вѣкѣ, всходя по ней;

Перунѣ, какѣ знаютѣ все, плашельщикѣ вѣрной;

И не жалѣлъ ни денегѣ, ни чести.

Желатель всякой день свои желанія множилѣ;

Все норки перерылѣ въ черстогахѣ у судьбы

И въ крѣпость записавѣ Перуна и въ рабы,

На всякой день о милостяхѣ тревожилѣ.

Въ Россіи жизнь наскутилѣ онѣ;

Зима на сѣверѣ поставила свой проиѣ,

И тамо жизнь чрезмѣрно былѣ прохладна,

Ни мало не оправда.

Все знаютѣ, на громахѣ весьма легко лезать, —

Во Франціи хотѣлъ желатель обитать.

Тамѣ крошость воздуха, земныхѣ плодовѣ богатство;

Тамѣ вкуса царствіе и всехѣ утѣхѣ пріятство;

Скучалѣ — на небеса вопилѣ, и не вопще; —

О почтѣ, лошадахѣ спнюдь не суешился,

Въ Парижѣ изѣ Москвы въ минушу очутился;

Доволенѣ? — нѣтъ — кричитѣ еще!

Здѣсь царство гибельно — здѣсь бунты противѣ прота;

Здѣсь чести, правовѣ нѣтъ, ни правды ни закона.

Пусть предокъ былъ чудакомъ;—у рускаго душа
 Всегда чувствительна — честна и хороша;
 И Бога и царя они безмѣрно любящъ,
 И шѣмъ цѣны себѣ почитенія сугубящъ.
 Съ убійцами, звѣрми я жить не захочу; —
 Перунъ! бросай свой громъ; а я отсѣль лечу —
 Куда лѣпше? избралъ правленіе народно;
 Въ Венеціи приспалъ; но что? тамъ многоводно;
 Тамъ лодки—нѣтъ карстъ; тамъ вѣчной маскарадъ.
 Опянь летишь — куды? въ отечество назадъ.

II.

Звѣздословъ и Старуха.

Какой то Тихобрахъ великій Астрономъ,
 Кощей въ дружбѣ былъ съ планетами, звѣздами,
 Хотѣлъ на небесахъ построить домъ.
 Душою, какъ Икаръ, парилъ надъ городами,
 Какъ нѣкогда шакой его объялъ восторгъ,
 Старуха бѣдная о милости просила;
 Но духъ совлещъ съ небесъ ничья не мощна сила,
 Старуха разсѣрдясь, его рукою шоргъ.
 Превыспренній мудрецъ! труды твои напрасны,
 Какъ ты ни мучь себя;
 Равно звѣзда блещитъ, какъ мнѣ, и для себя
 И знай, что на земли, не на небѣ несчастны. —
 Наука ша
 Чувства,
 Опъ общежитія кошора отвлекаетъ,
 Ошомъ и басенка моя здѣсь намекаетъ,
 И вотъ какъ надобно ученьемъ обладать!

Наука сострадать
 Почтеннѣи всѣхъ искусство,
 Погибни умъ, когда просынешь чувство. —

III.

Невѣста и Часы.

Извѣстна власть двухъ нѣжныхъ глазъ
 Для сердца, кое въ ихъ попалось оковы;
 Богатство распочать любовники готовы,
 Чшобъ склонилось зрѣшь во тѣмъ плѣбившихъ
 ихъ зарѣ.

Но кучи золота несполько сильны
 Вспалили кровь,
 И дашь почувствовать любовь,
 Какъ модны мѣлочи обильны

Суровой умягчить кичливыя красы.

Женихъ любовницѣ купилъ часы —
 Въ нихъ роскошь, мастерство блестящѣ съ богат-
 ствомъ вмѣстѣ;

Они понравились невѣстѣ,
 Она съ нихъ не спускаетъ глазъ.

Крылатая старика подель въ единый часъ
 Предускоря, звѣнничѣ спо разъ,
 Играетъ жемчугами,
 Любуется сплетенными сердцами,
 А болѣ голубками.

Забота вся, чшобъ сей прекрасной шализманъ

Для дѣла и для шунки,
 Лишь изъ кармана брашь, и класнь опяшь въ
 карманъ.

Межъ тѣмъ и подлинно Сатурнъ отмѣрилъ сушки,
 И Фобъ возсѣлъ съ одра,
 Пустилъ струей лучи изъ золота и сребра.
 Красавица проснулась,
 И смотря на часы, прѣянно улыбулась,
 И стала ихъ опять въ рукахъ вертеть,
 Опять звѣнеть;
 Но что случилось? къ нещаснѣю невѣстѣ,
 Часы звѣняшъ, пускающъ звукъ,
 Какъ ни колошншъ ихъ она межъ рукъ;
 Но стрѣлка на однѣмъ остановилась мѣсшъ,
 И время быстрое не дожидаясь ихъ,
 Свершило цѣлу часть пушей своихъ.
 Пришолъ женихъ
 И ключикъ принесъ, завелъ въ часахъ пружины,
 Тѣмъ ясно улича,
 Что вся огромна связъ, сплещенны хитро часши
 Безъ перста движуща, безъ власши
 Не могутъ, какъ часы, остаться безъ ключа.

IV.

Мѣдведъ и Кошка.

Мѣдведъ былъ старъ и занемогъ;
 Случилась кошка тамъ, и возмечтала,
 Что сила съ лѣтами въ мѣдведѣ вся пропала,
 И что мѣдведъ не столько спрогъ,
 Что лапкою учтиво
 Мѣдведя вольно поласкашъ
 И ногши запускашъ, —
 Что и недиво.

Сперва немножко—пріясельски и льстиго
 По рождѣ у него, какъ по полу, ходишь
 И разныя по ней узоры разводишь.

Наскучивши игрой
 Мѣдведь, какъ Геркулесъ Герой,
 Вдругъ лапу приподнялъ и съ одного
 размаху
 Онъ въ кошкѣ той ниже оставилъ праху.

V.

Плутонъ и Тѣнь.

Кто чернѣй перешелъ бурливый Ахеронъ,
 Вошше надѣется на слѣзы и на сонъ!

О шомъ я скаску

Пуцу въ огласку.

Былъ нѣкто молодецъ цвѣшущихъ лѣтъ
 Влюбленъ, — любимъ дѣвицею прекрасной;

Былъ въ жности предметъ

Родителей своихъ, и вѣкъ свой не безцасной

Тѣмъ болѣ услаждалъ,

Чю друга вѣрнаго сыскалъ

Подобнаго Пилладу,

Случайныхъ горестей въ отраду;

Казалось, радости одни

Его сошкали дни.

Судьба и щасіе играя нами,

Какъ вѣшеръ пузырями,

Блаженства съ высопы,

Ер низвергли въ бездну;

А вмѣсто, что жизнь пріяшну и любезну

Скосила люта смерть, какъ бы коса, цвѣты.
 Скончался онъ, и въ царствѣ у Плутона
 Яполнилъ всѣ мѣста рыданія и спона,
 Не зная какъ забыть любезны красоты.
 Иныя говорятъ, что будто есть дорога
 На жалость преклонить свирѣпа въ адѣ бога.
 Ираклій мужествомъ, музыкою Орфей
 Изъ мрака извлекли особъ любезныхъ.
 Тѣнь еша не имѣвъ даровъ полезныхъ,
 Не бывъ герой, ниже пѣвецъ,
 Не льстилася смѣгчить сердце

Желѣзныхъ;

Но наконецъ

Прекрасна Проз рпина

Царя угрюмага любезна половина

Вступилась за него,

И довела супруга своего

Легонько до того,

Уловкой барынямъ извѣстной,

Что бровь нахмуривши Плутономъ

Издавъ законъ:

Пусть мѣръ прелестной

Увидитъ онъ!

Но прежде, я хочу, его поски причину

Всей показать ему, — его родни картину,

Что въ свѣтѣ дѣлаютъ по разлученьи съ нимъ,

Доволенъ будешь ли условіемъ такимъ?—

Узрѣла

Тѣнь,

Что та, которою его душа горѣла,

Вступала въ бракъ съ другимъ, какъ умеръ онъ,

чрезъ дѣло;

А другѣ занявшійся торгами,
 Не только гробѣ его не орошалъ слезами;
 Для прибыли имѣлъ союзѣ съ его врагами.
 Любовь родителей, нѣжнѣй любовью всѣхъ —

Отецъ и мать спрадали,

Рыдали

И отогнали прочь веселѣе и смѣхъ;

Но время,

Которое печали бремя

Уносишь на крылахъ своихъ,

Утѣшило и ихъ;

Пріемышь на карпинѣ

Отраду имъ давалъ въ ихъ горестной
 судьбинѣ.

Что значитъ — то смѣкнула тѣнь,

Увидѣвъ, что прошель его блаженства день.

VI.

Алмазъ и Бриліантъ.

Какъ басни сочинять, стремясь слѣдами

Великихъ мастеровъ

Что было сдѣлано искусствомъ ихъ, шрудами,

Я помѣщаю лишь въ толпу моихъ стиховъ,

Свой трудъ достоинствомъ чужимъ я возвышаю.

Счастливымъ бы се я весьма почелъ,

Когдабъ я хорошо Фонтена перевелъ!

Какимъ то злѣланный искусникомъ великимъ

Для перстня бриліантъ, алмазу говорилъ,

И передъ камнемъ бѣшо дикимъ,

Передъ Алмазомъ онъ себя превозносилъ:

Смотри, какъ я блистаю!
 Я солнце малое въ себѣ изображаю,
 Пл'нясь моею игрою
 Меня ласкають всѣ красавицы, герой;
 Вхожу въ чертоги,
 Земли гдѣ обиваютъ боги.
 Алмазъ ему: твои заслуги многи,
 Равняшься не могу я съ добротой пшвей;
 Но ты украшенъ хитрою рукою,
 Блестишь не самъ собою,
 Являя тьмы припворныхъ намъ заразъ;
 Дускай, я не блещу! но всѣд алмазъ. —

VII.

Колеса часовья.

Въ часахъ вертятся у колеса другаго,
 Спросило колесо, катаешся за чемъ
 Въ противную сторону, чемъ я въ пути моемъ,
 Не наблюдая въ томъ порядки никакова? —
 А колесо: спроси у мастера часовъ
 О разнообразіи моихъ съ тобой круговъ;
 Но я блюду начальничьи законы,
 Не дѣлаю тебѣ препоны,
 Но способы даю'идти часамъ,
 Какъ Февъ на небесахъ размѣрилъ самъ,

VIII

Вдовецъ и Сократъ.

Былъ мужъ, была жена,

И что всего чуднѣе :
 У сей чепы душа одна
 И не было семьи дружиѣ.
 Межь ими не было ни ссорѣ, ни дракѣ;
 Чего супругѣ хотѣла, того жена хотѣла;
 Одна душа два оживляла шѣла;
 Однакоже шаспливой стошѣ бракѣ
 Судьбина разорвать умѣла.
 Жена скончалася — мужѣ воешѣ, какѣ дуракѣ
 Терзаетсѣ, стоиаетсѣ,
 Живошѣ свой проклииаетсѣ;
 Любезная жена! онѣ вопіешѣ сто кратѣ,
 Лишасѣ себя, лишилсѣ всехѣ опрадѣ;
 И безѣ тебя я жизни сей не радѣ.
 Пойду кѣ Сократу я — пріятель мнѣ Сокоатѣ,
 Что дѣлатѣ вѣ горести — у мудреца спрошусѣ,
 Совѣтѣ не получа, я умереть рѣшусѣ. —
 Пришелѣ кѣ Сократу онѣ, Сократу все сказалѣ,
 Сократѣ печальному отвѣтѣ мудреной далѣ,
 Черезѣ полгода ко мнѣ ты возвратишѣся,
 И прежде получить отвѣта ты не лѣшишѣся.
 Печальной возразилѣ: премудрой человекѣкѣ!
 Я чаю окончатѣ черезѣ недѣлю вѣкѣ;
 Суди, возмозноль мнѣ такѣ долго дожидатѣся,
 И люшой горестью шерзатѣся? —
 Пошелѣ — и полгода прошло;
 Кѣ Сократу болѣе не возвратилсѣя;
 Знашѣ, судно вѣ адѣ его Хароново снесло. —
 Конечно, умерѣ онѣ? — нѣшѣ, — на другой женилсѣя.

IX.

Безногой и Босой.

Одинъ нещётной
 Безъ обуви въ пыли
 Валялся на землѣ,
 И прѣклиналь свой жребій онъ ужасной;
 Повсемнущной вопль пускалъ на небеса,
 И смершнаго просилъ часа.
 Когда своимъ онъ спомомъ
 Скучалъ передъ небеснымъ прономъ;
 Тутъ нѣкню къ нищѣму приползъ на коспыляхъ,
 И въ бѣдности подобной
 И рокъ еще свирѣпый злобнои
 Лишилъ и ногъ: онъ былъ солдатомъ на войнахъ.
 Безногой нищѣму: шы жизнью скучаешъ
 И ропотомъ Творца вселѣнной огорчаешъ
 За тѣмъ, что безъ сапогъ;
 Какъ мнѣ велишь жшонашь? шы видишь, — я безъ ногъ.

X.

Озеро и Рѣка.

Рѣка, а не ручей, рѣка большая,
 Иль Днепръ, или Нева близъ Озеръ прошекая —
 Мѣчпала, что ея пещенью нѣшь конда.
 Я чистою спруей, какъ зеркало, лица
 Являю;
 Чѣмъ далѣе теку, тѣмъ симъ уугубляю.
 Съ начала я была въ сажень иль двѣ, — мѣлка,

Теперь я глубока ,
 Теперь я широка ,
 И селъ и городовъ шьму на брегахъ имѣю,
 Плода различныхъ мѣснѣ совокупаю умѣю;
 Легка моя вода
 Несетъ тяжелые суда,
 И похвалишься смѣю ,
 Чшо видя всякъ ея прозрачно дно
 Охотно пьетъ, какъ пьяница вино ;
 А озеро всегда въ одной шарелкѣ.
 Пареню моему не полагаю мѣрѣ —
 Меня достойны пѣть Виргиліи, Гомерѣ;
 Подобна я богамъ, а озеро бездѣлкѣ. —
 Оно рѣкѣ:
 Скажу, пока со мной ты на одной доскѣ,
 И далѣ не умчалась,
 Напрасно ты рѣка шакъ много взвеличалась ;
 Но швой источникъ
 Пускай и быстрѣ, пускай широкѣ,
 Но рано, поздноли и можешъ быть, шно вскорѣ
 Кичливой кончитъ бѣгъ на вѣчность въ морѣ.
 Пускай не множишься у озера водѣ,
 Какъ началось оно, шакъ будешъ и всегда.

XI.

Три вора.

Злодѣй

Въ числѣ сообщниковъ не льстись имѣть друзей.
 Кто въ чувствствіяхъ души любовь къ другимъ по-
 лубитъ ,

Того ни ктѣ, и самъ себя не любишь.

Злодѣи всегда трусливъ,

Всегда уныль, грусливъ.

Имѣя на сердцѣ мученья многи

На свадьбу такъ идешь, какъ бы на казни строгѣ;

Какъ ни прищворсвуешь, не ухипришь лица;

Оно то зеркало, что кажешь намъ сердца. —

Три душегубца были,

Они богатого купца убили;

Водясь земныхъ судей, не казни опѣ небесѣ

Сѣ сокровищемъ бѣжали въ лѣсѣ.

Спокойны ли? не знаю. —

Что самъ порокъ есть казнь, я заключаю.

Ивѣдали, что про нихъ нѣтъ средства и провѣдашь;

Хотѣли между шѣмъ обѣдать,

И чшобъ всегда имѣшь припасѣ,

Остались два, — одинъ пошолъ на срочный часѣ,

Чшобъ харчъ купить товарищамъ любезнымъ;

Они умыслили его связать,

То еспѣ, когда придетъ, припасы взявъ

И золотомъ прѣшнымъ и полѣзнымъ

На вѣрно завладѣшь и по ровну дѣлать,

Купчину же къ Плутону преселить. —

Товарищъ сѣ хлѣбами, сѣ припасомъ возвратился,

А жить не долго суетился.

Товарищи сѣ удара одного

Убили въ мигъ, пуспя кинжалъ въ него.

Межъ шѣмъ къ обѣду приступали,

Копшой не они однакожъ покупали.

Разбойники мои лишь скушали кусокъ,

Узнали въ пирогѣ какой былъ сокъ,

И близъ товарища безъ чувства пали. —

Съ справою пирогъ товарищъ имъ присѣбъ.
 Всѣ при лежали мершвы,
 Корыснолюбія при были жершвы;
 А деньги ихъ подшяпалъ адской бѣсѣ.

XII.

Лѣтучій Змѣй и Колета.

Ребята лѣшомъ
 Лѣшучаго змѣя охопились пускашь;
 Трещотки сладили и зачали шаскашь.
 Вдругъ вѣшеръ поднялся — лѣшучій змѣй предъ
 свѣшомъ

Въ минушу вырвался изъ рукъ дѣшей.
 Свободой воскипясь, лѣшя подѣ небесами
 Шумитъ, жужжитъ изъ мочи всей,
 Лѣшящей въ тѣ часы комешъ съ волосами
 Кичливо возгласилъ: постой,
 Сестрица!

Узнай меня, я спутникъ швой,
 И я не человекъ, не пшица,
 Я то, что ты, я новое свѣшило,
 Которо смѣлый бѣгъ на небеса пушило.
 Межъ шѣмъ, какъ новая спесивилъ звезда,
 Случилася бѣда;
 Трещетка допнула, вѣревка опустилась,
 Планета съ небеси въ болонъ очутилась.

XIII.

Рѣка и Рудей.

Капля свирѣдою и синего волной,
 Кошорою рѣка на берега поливала,

Оселъ работать былъ весьма смышленъ;
 Оселъ мой не бывалъ ни гдѣ въ совѣшъ членъ,
 И по прослу вѣкъ жидъ между ослами;

Хотя коршкими шагами,
 Но возъ исправно онъ щаскалъ,
 Его хозяинъ злой ни мало не ласкалъ.

Купцу оселъ по крѣпости доспался.

Купецъ

Былъ Жидъ, душой скупецъ,

Глупецъ,

Богатствомъ съ барями, вельможами верспался.

Оселъ на ярмонку, — оселъ спунай въ рады,

Оселъ на сиряу ли, — во всё шруды.

Такъ е быше не давно было ново,

Какъ взяшо у ословъ Езопомъ данно слово.

Оселъ хотя мычалъ,

Хозяинъ на осла и болѣе кричалъ,

Сердился

Ослу за лѣнь

Надѣлашь много пѣнь

Дубиною шрудился.

Сверхъ силы шрудъ неся и гладъ,

И хладъ,

Безъ дальныхъ умысловъ скончался:

Хозяинъ въ миѣ къ покойнику примчался,

И ну осла хвалишь и славу напѣвать,

Осла въ примѣръ другимъ давать.

Цѣнятъ достоинства, когда въ гробницу спрячущъ

И сядши голову по волосамъ заплачущъ.

Подушка и Лента.

Кичливой спѣси знакъ, или пускай, свидѣтель
 Достоинства заслугъ,
Награда за труды тому, кто чести другъ,
 Кто любитъ добродѣтель;
 А лента по просяу Слона или Орла
 Или Подаязки,
 Не знаю точно я, и сочиняю сказки.
 Порядкомъ басенна, извѣстна ремесла,
 Та лента по ушу, когда вельможа
 Трудился о дѣлахъ,
Лѣжа на шполикѣ и чванство множа
 Въ пустыхъ словахъ
 Себя превозносила:
 Велика лента на свѣщѣ сила! —
 И лента еси не ложный палиманъ,
 Въ вопоромъ включено людское совершенство,
 Блаженство.
Примѣръ мой господинъ, — едва лишь на кафшанъ
 Меня онъ вскинешъ,
 Онъ веселъ, радостенъ, съ улыбкой на устахъ,
 Съ поклонами во всѣхъ встрѣченя мѣстахъ.
 Лишь взглянешъ на кого, шопя вѣрно не погибнешъ;
 Блещетъ его чреда,
 Подобно какъ на немъ блещущи моя звѣзда.
 Проводишь вѣкъ среди величя и славы,
 Ему вездѣ пиры, забавы,
 И онъ
 Не вѣдаешъ, что грусть, не вѣдаешъ, что слезы:

Всегда поятшенѣ, милѣ, всегда хохочешѣ,
 И шолько лишь хлопочешѣ,
 Чтобѣ всякому наблани шьмы услуѣ;
 Ему злодѣевѣ ивѣшѣ, а всякой другѣ,
 Сѣ шѣхѣ порѣ, какѣ я ему попалась въ руки,
 Совсемѣ изманился онѣ скуки,
 И я не видѣла печальнаго лица. —
 Подушка хопѣ молчала,
 Но ленишѣ на концѣ разумно отвѣчала:
 Ты видишь барина среди дворца;
 Не вѣрь лицу, преспанѣ напрасно льстишься,
 Я вѣдаю, какѣ онѣ на миѣ вернишься,
 Какѣ кровь его кипишѣ,
 Какѣ мало сѣишѣ,

Какѣ пышносли ярмомѣ онѣ удрученѣ, задвленѣ,
 Какѣ упражненѣ сѣшными, которыми обшавленѣ!
 То низко, высоко, шо я кажусѣ жестка, —
 Я слышу сношѣ, я зрю какѣ слезѣ печенѣ рѣка,
 Всѣ почееши мечша, наружностѣ вѣка, —
 Ты видишь знашнаго, я вижу человекѣ.

XVI.

Ось и Псела.

Ось глупа шварѣ, умкомѣ охоша щеголяшѣ;
 Не кѣ спашѣ и не кѣ дѣлу
 Совѣшѣ несмысленный, мысль сѣлау
 За правду, за законѣ, любила вѣспавляшѣ,
 Любила хвасташѣся,
 Любила безо зву въ другихѣ дѣла влешашѣся.
 Разсѣяно пакихѣ
 Не смѣсленныхѣ, иль злыхѣ

Довольно по земли. — Увидѣвшись съ пчелами;
 Я въ дружествѣ живу пчелъ лишь съ подобно;
 Но гдѣ увидѣлась въ саду,
 Гдѣ множество цвѣтовъ, гдѣ много нравъ души-
 стыхъ.

Ось говоришь пчелѣ: ты попадешь въ бѣду;
 Здѣсь шма расшнителей съ ошравой и нечиспыхъ,
 Совѣщую тебѣ зѣсь болѣ не лѣпашъ
 И вреднымъ кушаньемъ себя не напитаешь. —
 Пчела сказала такъ: имѣя шонко чувствво
 Наслѣдовала я великое искусство
 Узнашь достоинство вещей на взглядѣ.
 Я медъ лишь черпаю и осмалваю ядъ.

XVII.

*Смерть, Красавица, Старикъ богаты
 и Мужикъ мудрецъ.*

Свирѣно лютое, угрюмо божество,
 Которо страхъ на ешество наноситъ,
 Которо бытїе всечасно коситъ,
 По русски смерть, чинъ вѣчно голодна,
 Которую пошонъ, зараза и война,
 Насытитъ вѣкъ неможеть;
 Котора онѣ палецъ людей до гроба гложетъ,
 Которой дышуща на свѣшѣ шварь,
 Не изключа ни богачей, ни барь,
 Добыча, жертва;
 Котора Царь
 И свѣша здѣшняго и свѣша мершва.
 Въ удобный часъ

Не суща: смерть, богиня безобразна,
 Какъ не было войны, средь время пражна
 Изволила дуляшь и люшый глазъ

На годъ выхъ дѣшей кидала,
 Кшо вспрешилса, гладала.

Межь щѣмъ зашла къ красавицѣ въ покой. —

Красавица издохнула
 И смертью оспанова рукой
 Съ улыбкой робости изглянула,

И такъ сказала ей: богиня сжался ты,
 Уари мои сдва разцвѣтши красоты,
 И мѣль о плѣни: спи, и мыслишь, и прудишьса?
 Едва я спала жись — я сполько молода,

Плѣняшь моя чреда;

Позволь ушѣхами, любовью насладишьса;
 Тьмы жерть ты не скоси мою красотою.

Вгляни, кого лице мое не пронешъ?

Иной заспрѣлицса, иной пошонешъ,
 Иной изчахнешъ весь Кичась мечшою
 Пследа доводовъ шьму. Иной,
 Сщраданіемъ вспала духъ мой,
 Досидигнешъ щастія чрезъ вѣрность и чрезъ кляшвы,
 Дождись богатой жашвы,

Тогда я вся швоа, щенерь с смерть, постшой!

Богиня смерть упряма, незговорна,
 На ешошъ разъ случилса безспорна.

На срокъ условились и вошъ лишь изъ дѣрей
 Съ косою своею,

И вошъ лишь изъ порогу

Ючила не въ дальнюю дорогу,
 Къ сосѣду забрела. Сосѣдъ шарикъ богачъ,
 Съ зимой на головѣ, съ червонцами въ баулѣ,

Опрясъ на кощыль сидѣль на караулѣ;
 Увида смерть поднялъ и вошь, и плащъ,
 Чинилъ предлоги,
 Бояся дальныя дороги
 Просилъ подобно срокъ; а какъ сей часъ, и вдругъ
 Просиль довольно время,
 Чшобъ приготовишься сей жизни сбросишь бремя,
 И былъ во гробъ ищши старикъ весьма уирущъ.
 Имѣнье учредишь мнѣ надобно досуги,
 Если у меня родня, пріѣхали и други,
 Нельзя мнѣ позабышь ихъ малосщей, услугъ; —
 Когдабъ тебѣ природа
 Дала бы вѣспника, иль скорохода;
 Тогдабъ я былъ гошовъ, я зналъ бы часъ и день;
 Ты вдругъ пришла, я спалъ какъ нень.
 Сказала смерть ему: кааъ чувшва ослабѣли,
 Когда окрѣнулъ слухъ, помѣркнулъ взоръ,
 Вошъ смерти вѣспница, вошъ приговоръ!
 Едва ты можешь вспншь сѣ посшели
 Ты умеръ ужъ давно!
 А сѣ смертѣю все хлопчешъ,
 Ты живъ по памяти, не видишь, гдѣ окно,
 А въ гробъ ищши не хочешъ
 Добро шеперь пойду, — но помни срокъ.
 Лишь смерть прочла урокъ,
 Въ жилище бѣдности всшупила,
 Пришла къ нещасному, шо естъ, что къ мужику
 Гдѣ пящеро дѣшей. Жена вспила,
 Прищлобъ онъ нищешы брссашся имъ въ рѣку;
 Онъ бариону плащилъ оброки многи,
 Казнѣ налоги;
 Онъ былъ кормилецъ всѣхъ,

Но щель за грѣхъ
 Чинишь предлоги
 И щипишься отпратишь сужденный всѣмъ концѣ.
 Крестьянинъ былъ мудрецъ,
 Мудрецъ по совѣсти, мудрецъ дѣлами,
 Не изъ того числа, что славятся словами;
 И видя смерть съ косою молчалъ,
 И въ малодушій другихъ изобличалъ.
 Мудрецъ всегда гошовъ, не спруситъ отъ похода,
 Который всякому назначила природа.

XVIII.

Заяцъ и Собака.

Мы смерти бѣгаемъ, толпой къ фортунѣ въ храмъ
 Стучимся,
 Напрасно шумъ и шамъ
 Трудимся,
 Трусливый заяцъ звѣрь, о немъ дубравъ, лѣсовъ,
 Такъ повѣспивуютъ всѣ Саллусты, Фукидиды,
 Живошне крошкое боится онъ обиды,
 Боится псовъ.
 Одно дыханіе, ни что, и тѣнь ему опасны;
 Известно, всѣ своимъ спраспямъ подвласины.
 Сидѣлъ поднявъ уши, глядѣлъ та всѣ луга,
 Сидѣлъ близъ острова, — ударили въ рога,
 Давай боги ноги,
 Бѣжашъ тревоги!
 Кричитъ, прыгнувъ сажени многи,
 Благодаря ногамъ, я сталъ щасливой звѣрь,
 Вошь замка моего крыльцо и дверь!

Прѣбхали послы, избранны волки,
 Пусшались въ шолки;
 Сшашьи мудреныя случилися и колки;
 Кричали, злобились, не положили въ годѣ,
 Который прежде скопѣ
 Въ обрядахъ праздничныхъ подыметѣ ногу.
 Кѣ посламѣ волковѣ, лѣпшѣ ошвя полкѣ
 Волчистый Мазаринѣ: — я пользу многу
 Для царствѣ изобрѣлъ, — я дамѣ всѣмѣ шолкѣ,
 Ошкрѣшь я не могу мою всѣмѣ шайну,
 Велику мысль, глубоку, чрезвычайну;
 Назначте одного, ктобѣ ни былѣ онѣ шаковѣ,
 Повѣдашь замыслы ему гошовѣ.
 Случился межѣ волковѣ
 Не только мудрый волкѣ, (нѣ семьѣ не безѣ урода.
 Но честный и правдивѣ, довѣренность народа
 Имѣлъ кѣ себѣ, собранью далѣ ошвѣшѣ.
 Лишь замыслѣ выслушалѣ правдивый волкѣ и
 честной,

Ошвѣшѣ неслѣстной:

Медвѣжьѣ княжеству пьму гibelей, и бѣдѣ,
 И разрушеніе — его совѣшѣ приносишѣ;
 Для насѣ полезенѣ онѣ, но насѣ сирамишѣ, поносишѣ,
 Совѣшѣ записника, что бы со всѣхѣ сторонѣ
 Зажечь убѣжище медвѣдей;
 И въ пламѣ задушитѣ тяжелыхѣ всѣхѣ сосѣдей.
 Полишики! должна вамѣ совѣснѣ быти законѣ,
 Вамѣ Ариснидово вѣщаніе извѣстно,
 Аюнамѣ тожѣ, что волкѣ самѣ, семейшокѣ лѣгнушалѣ;
 Въ собраніе возвращаясь шакѣ Ариснидѣ сказалѣ:
 Оно полезно намѣ, но срамно и безчестно.

Павлинѣ.

Въ срединѣ рожицы прохладной,
 Какъ ночь окончися и Фебъ всплетъ опрадной;
 Когда жужукающъ листочки на дрѣвяхъ,
 Источники шомясь колышущся въ брегахъ;
 Какъ пшички пѣсни воспѣваютъ;

А эхо ихъ беретъ въ уста,

И ихъ Зефиръ развѣваютъ

Во кругъ лежащія мѣста:

Тогда предсталъ Павлинѣ, Павлинѣ Зоилъ ду^сравнѣ:
 Нашъ вздумалъ Аристархъ, что онъ для всѣхъ законъ;
 Что онъ засшавишъ лѣсъ плясать, какъ Амфіонъ,
 И какъ знапокъ великой,
 Смѣялся надъ музыкой:

Аврору славящихъ дубровныхъ всѣхъ жильцовъ
 Ругалъ онъ жавронковъ, малиновокъ, скворцовъ;
 Ругалъ онъ соловьевъ опличивающихъ пѣвцовъ;
 А соловьи ему! на что кричишь пты злобно?
 Когда нашъ посямилъ желасшь гласъ,
 Такъ самъ пропой сложишь насъ!

Картина и Охотникъ невѣжда.

Наслѣдникъ Рубенса, иль даже Апеллеса,
 Картину написалъ — въ ней сынъ Зевеса,
 Но сынъ мечшательный, (Филиповъ въ правдѣ сынъ,
 Извѣстный господинъ,
 Кичливый Александръ, на Буцефалѣ славномъ

Искусно былъ изображенъ.
 Являлся весь вооруженъ
 Въ уборѣ Греческомъ со всемъ исправномъ:
 Геройство всадника, и пламенность коня,
 Изображеніе спрасшей и лицъ живыхъ,
 Черты движенія и чувства общія
 Картину сдѣлали, какъ будто бы, какое
 Сокровище драгое.
 Живой въ ней Александръ, живой былъ Буцефалъ,
 Картину ставили для любопытныхъ взора.
 Всѣ приходили къ ней и пѣшу цѣли похвалъ,
 И въ Целлѣ не было другаго разговора.
 Одинъ
 Цвѣншель,
 Не малый господинъ,
 Великій мастерства и всѣхъ искусствъ любитель
 Не можетъ повѣснн сѣ картины жадный взоръ;
 Всѣ вкусъ его превозносили,
 Что нравится ему въ картинѣ, вопросили?
 Опивъ его: на лошади уборъ.

XXII.

Комета и неподвижная Звѣзда.

Посильнымъ разумами своимъ мы только вѣримъ;
 Мы всё достоинства своимъ аршиномъ мѣримъ;
 Мы дарованію назначили черту,
 Какъ скоро изъ круговъ рубежныхъ излѣшася,
 Намъ кажется шемно, хотя блистася,
 И рѣдкую въ себѣ имѣетъ красоту.
 Звѣзда спѣсвая пути млечнаго

На не подвижной осп блиставѣ
 Мечпала, что другихѣ достоинствѣ нѣтъ
 и правѣ;

И кѣ славѣ нѣтъ пущи инаго,
 Какѣ вѣкѣ среди небесѣ висѣть,
 Вися лучемѣ блистательнымѣ горѣть.

Увидя нѣкогда комѣту,
 Смѣется странствію текущу свѣту,
 Смѣется волосамѣ,

И говоришь: нельзя свѣтили звѣздѣ дорогой,
 Сидѣшь изѣ вѣка по домамѣ; —

Указѣ всѣмѣ намѣ,
 Указѣ природы спорогой;
 Однако средѣ небесѣ,

Близѣ храмины громовѣ, гдѣ самѣ живешѣ Зевсѣ,
 Комѣта пролѣтала

И пламеннымѣ лучей хвостомѣ
 Источники мешала,

И говоришь звѣздѣ: звѣзда, и я, и ты —
 Ты не подвижная; а я сѣ крылами;

Вѣ природѣ обѣ мы, ея руками;
 Намѣ разныя даны и образѣ и черты,

Такѣ дарованіе разнообразно, ново,
 Намѣ—спрашно кажется, что на сажени мы

Размѣрили умы.

Достигнешво гошво, —

Когда оно, гдѣ ешь,

Не шопшаны себѣ пущи обрешѣ.

XXIII.

Софоклѣ и его Доносителѣ.

Пускай полки невѣждѣ клеветуютъ и болшаютъ;
 Люб мцевѣ Фебовыхъ великѣ, преславенѣ дарѣ;
 Какой высокой умѣ, Какъ и душевный жарѣ,
 Они въ себѣ питаютъ!

Сквозь бездну вѣчности и мрака пролѣшаютъ.
 Не шулка тьмы вѣковѣ, и тьмы людей
 Заспавить

Себя боготворить, прославить.

Почтить не хлпростнымъ поклономъ, — но душой,
 Языкомъ сладостнымъ, высокимъ, сильнымъ,
 Лѣшучимъ разумомъ и чувствомъ изобильнымъ
 Быть современникомъ всѣхъ спраш и всѣхъ вѣковѣ;
 Вотъ ихъ стремленіе, вотъ подвиги творцовѣ!

Творцовѣ — какихъ? И Таса и Гомера;
 Кѣ такимъ однимъ мое почтеніе и вѣра;
 А прощихѣ, хоть я самъ считаюсь въ ихъ шолпѣ,
 Не спавлю высоко не въ рифмѣ, не въ стопѣ
 Спихотворенія искусство;

Воображеніе, — ихъ похвала и чувство,
 Такъ шутѣ потребенѣ умѣ, кпо что ни говори.
 Софоклѣ, которому дивилися цари,

Дивились Греки,
 Поднесъ дивящя вѣки;

Софоклѣ былѣ позванѣ въ судѣ, —

Его въ безумствѣ обвиняли,

На ослабленіе душевныхъ силѣ пѣняли.
 Когда Софоклѣ, глупецѣ, — кпожѣ въ смыслѣ крушѣ?

Софоклѣ пришедѣ къ судьямъ вишійствѣ оставилѣ
брмя.

Не распочителенѣ мудрецѣ
На рѣчи и на время
Послѣднюю предѣ судѣ пригедію творецѣ
Свою предсхавилѣ,
И оправдашѣ себя заспахилѣ.
Хоть ядѣмъ клеветѣхъ изгибисныхъ рѣчей
Кого шеснишѣ и жалитѣ;
Она достоинства не тронешѣ, не умалишѣ,
И солнечныхъ во вѣкѣ не помрачитѣ лучей.

XXIV.

Двѣ лисицы и Судья волкѣ.

Спянули пешуха двѣ хитрыя лисицы:
Одной былѣ хлупѣ навкусѣ,
Другой, крыло. Поссорились сестрицы
За добычу, — и бранѣ, за бранью — шузѣ.
А тамѣ пошли во слѣдѣ пинки, удары; —
Отѣ искры всегда раждающя пожары.
Наскуча дракой наконецѣ
Пуслилися вѣ тяжбу, — судѣей избрали волка,
Не шолько пешуховѣ, ѣдалѣ онѣ и оведѣ.
Вѣ судѣ не мало было толка;
Безѣ всякаго грѣха
Онѣ скушалѣ пешуха;
А челобитчицамѣ сказалѣ: за кражу
И васѣ самихѣ возьму подѣ спражу.
Судитѣся вѣ истиннѣ претѣма жапошѣ,
А ежели вѣ пустомѣ, зажатѣ здаровей ротѣ.

Пошелъ къ желашелю,—съ нимъ вмѣстѣ бродитъ—
По долгомъ спраншви къ форшунѣ въ храмъ при-
ходивъ.

Въ чертогѣ Плутуса слѣное божество

Заснали ;

Горами золото и серебро щипали.

Язычникъ спалъ богатырь, — богачество вѣщество

Не только взоръ его, но душу ослабило

И столько прилѣпило ,

Что онъ отъ золота и болель и здоровъ.

Сперва онъ кучьками пѣнялся,

Потомъ хотѣлъ косировъ ,

Косировъ съ червонцами; а все не насыщался ;

Сидя надъ золотомъ, чахонку получилъ.

Едва язычникъ мой, чахонку излѣчилъ ;

Опомнился, и мудро заключилъ :

Богачество не всегда прямое есть блаженство ;

Въ чинахъ людей не ложно совершенство.

Достигнулъ до чиновъ, достигнулъ до чести, —

Причина зависти, коварства и сѣпей.

Язычникъ спалъ задумчивъ, не доволенъ ,

Сумнительенъ, трусливъ и въ правду болель ;

Лукавствомъ упраздненъ и честолюбья ядъ

Перемѣнили рѣчь, перемѣнили взглядъ.

Тамъ новой заговоръ его превозжитъ ;

Тамъ войско сильное его заботы множитъ.

Иному молвили пять словъ,

Иному ласковой пріемъ гошовъ,

На шрепьяго съ улыбкою взглянули,

Четвертого въ чины полкнули, —

Трудися, дѣйствуетъ, не спишь ;

Сомнѣнье съ завистью во кругъ его шипитъ.

Опять усалъ, опять хлопочетъ,
 Съ доспашкомъ маленькимъ покой душевной хочетъ,
 И ено самое еибъ щаспѣемъ зоветъ; —
 О томъ и спору нѣтъ.
 Кричишъ: мы по пушту забили ноги, —
 Я къ щастью еному ищу во храмѣ дороги,
 Вѣди меня скорѣй въ ено чертоги!
 Съ ковра Персидскаго, шихохонько Зевесъ
 Въ домъ с бшвенной его искуено перенесъ.
 Язычникъ мой проснулся,
 Узналъ проснупокъ свой — и улыбулся.

XXVI.

Корабль на морѣ, и Корабль на рѣкѣ.

Корабль среди морей на парусахъ лѣшая
 Сѣдой угрюмой валъ
 Грядями ровными дѣлилъ и разсѣкалъ;
 Рѣку текущую къ морямъ встрѣчая,
 Увидя на рѣкѣ корабль одинъ,
 Кричитъ, спѣсившися — я знатный господинъ!
 Я на морѣ свой домъ имѣю,
 Я съ бурною волной играть умѣю;
 А ты корабль спѣвишь на низменной доскѣ,
 Не спѣдною плышь тебѣ товарищъ по рѣкѣ?
 Корабль товарищу отвѣщивовалъ не спрого:
 Я на рѣкѣ одинъ, а на морѣ ласъ много —
 Живущій господинъ
 Въ столицѣ,
 Корабль среди морей. — Живущій дворянинъ
 Въ дегевнѣ у себя по мѣрѣ и границѣ

Въ своемъ кругу и болѣе блѣспитѣ,
И болѣ богатишѣ.

XXVII.

Коршунъ и Голуби.

Былъ коршунъ забѣлка,
Назойливъ и свирѣпъ, — ему потѣха дрика.
Когда была война межъ ихъ и голубей,
Онъ славенъ былъ — кричалъ: руби и бѣи!
Отъ время ка конецъ для совѣсни и чѣсни
Въ душѣ его нашолся уголокъ; —
Бываетъ добрый часъ и часъ лежокъ:
Покаялся о мести,
О злобѣ и другихъ дѣлахъ
Когда воспоминалъ — весь былъ въ слѣзахъ.
Не въ шушку чесниношью прельстился,
Поснился,
Отрезалъ когти прочь, царапашь пересталъ,
О добродѣтели болшалъ.
Съ грачемъ и ястребомъ на вѣѣ проснилъ;
Въ знакомствѣ лучше пустился;
Былъ въ обществѣ и куръ и голубей,
Винился повсечасно,
Винился не напрасно
О заблужденіи прошедшихъ дней,
И голубю сказалъ: я злобою гнушаюсь,
Но добродѣтелью еще не утѣшаюсь;
Я зла не дѣлаю, но какъ добро твѣришь,
Мнѣ чувствія мои о томъ не говоряшъ,
А голубь отвѣчалъ: шибѣ охотно вѣрю,

Я дѣлая добро отнюдь нелицемѣрю;
 Природной склонности испокѣ оно
 И для меня равно,
 Когда добро шворю, или когда воркую, —
 Благотворительну я душу здѣсь рисую,
 Которая добро любя,
 Его швора, себя
 Тѣмъ радуется, пишетъ
 И нуждой жизни почитаетъ.—

XXVIII.

Левъ и Клочъ.

Боялся сильноа, гнушаюся лжецомъ,
 Сипрамцомъ.
 Клочъ гордый нѣкогда свирѣпа льва кусая,
 И вонь несносную во крутъ себя бросая,
 Кичился, чванился: смотри, каковъ мой гнѣвъ!
 . Меня боишься левъ.
 А левъ сказалъ: пожалуй не хвалися
 И льва къ клочу не примѣняй;
 Какъ хочешь, такъ кусай и злися;
 Но шодько не воняй!

XXIX.

Орелъ и Соловей.

Не шутка возлѣпешь, — трудней на высотѣ
 Держашся и не пасть; всему границы.
 Шрхлющъ нѣшухи, лѣтающъ птицы,
 На солнцѣ мѣра глазъ орлы, орлицы

Безъ робости глядятъ; но пищы тѣ,
 Которы голосомъ плѣняющимъ блистаютъ,
 Высоко не лѣшаютъ.
 Случился соловей
 Надмѣненъ и кичливъ отъ песенки своей,
 Царю надъ пищами орлу толкуетъ,
 И въ ухо душетъ,
 Чшо соловей и самъ,
 Подобно какъ орелъ, лѣпешъ по небесамъ
 Умѣетъ,
 И объ закладъ съ орломъ удариться онъ смѣетъ.
 Въ цѣнѣ условились. — Соколъ
 Разнялъ закладчиковъ и поручился.
 Взвился соловушка, лѣпшитъ — вскружился;
 Поднявшись выше мѣръ, упалъ на долъ
 Не оперился.
 Орелъ лѣшалъ —
 И не усталъ.

XXX.

Червякъ и Собака.

Былъ молодецъ червякъ,—въ чершотахъ у вельможи,
 Извѣстно шамъ,
 Родъ сильный червякамъ;
 Извѣстно, на кого всѣ червяки похожи.
 Ползуца шварь, — червякъ
 Искусно лапкой загрѣбаетъ;
 Иное за столомъ, какъ гость, хлѣбаетъ.
 Червякъ ползетъ въ передъ, не шамъ,
 Какъ ракъ.

Ползетъ—и вползѣ на чашу не простую,
На чашу золошую.

Уселся червячокъ, и говоритъ,
Увидя, что лучи отъ солнца возблистали
На гладкомъ золотѣ спрусой огни мѣшали,
Смотри: коликѡй свѣтѣ и лучъ червякъ шворитъ!
Собачка червяку премудро отвѣчала:
Не чудо шо опнюдь, всѣхъ лѣтѣ вѣковъ съ начала
То было, будешъ впредь, о чемъ болташь?

И право опдано не впуштъ
И солнцу и фортуштъ,
Что можешъ червяковъ заспавитъ — возблисташъ.

XXXI.

Лисица и Медвѣдь.

Когда злодѣйствуемъ, себѣ мы яму роемъ,
Мы въ новой басенкѣ о томъ откроемъ.
Я свѣту возвѣстилъ не давно о пчелѣ,
Котора смертью нашла соперницы во злѣ;
Теперь дамъ толкъ иной; — другія спавляю лица,
Скажу исторію мѣдведя и лисицы.

Лисица возрасла у знатнаго двора,

Но у какова?

У львова.

Желала лишь себѣ одной добра,
Какъ водится въ дворахъ, мѣдвѣдя не любила;
И ну прдѣ львомъ мѣдвѣдя клеветашъ,
И явно поноситъ и на ухо шепташь;
И сполько удалось хиприцѣ лепсташъ,
Что на конецъ мѣдвѣдя погубила.

Левъ Царь издалъ указъ,
Прогнашь мѣдвѣдя съ глазъ.

Лисицѣ мало шо, — опяшь хлопочетъ
И въ сылку дальнюю заслашь мѣдвѣдя хочетъ,
И шо исполнилось. — Ей Царь сказалъ:
Я помню прежнiя мѣдвѣдя службы многи;
Цари бышь правѣдны должны, не строга;
Не спорю, въ испиннѣ мѣдвѣдя наказалъ;
Но гдѣ мѣдвѣдю жишь, а въ сылакѣ нѣшь берлоги?

Лиса была шшукарь

И говоритъ Царю: о кропикѣй, мудрый Царь!
Мѣдвѣдю славному, великому герю
Берлогу шешлую, покойную устрою;
Гдѣ спальной бышь, и гдѣ госшиной — начерчу.
Лисица скоро начершила,
Еще скорей шуда мѣдвѣдя опшусшила.

Но шшѣ не родился, кто выдѣшь календаръ,

Когда морозъ, ненашье или жаръ
У каждаго двора бываешъ,

И шамо шермометрѣ всегда играешъ.

Случилось шо съ кумой

Лисой;

Чрезъ полгода неболѣ

Мѣдвѣдя вызвали гуляшь изъ сылаки въ полѣ,
Лисицу заточили велѣли въ шшѣ домъ,
Который строила она съ шакимъ шрудомъ.

XXXII.

Игра картъ.

Играли въ карты игроки,
Или игрицы,

Смущенный, грозный взглядъ; воспламенсныи лица;
 Движеніи руки,
 Заставило спросить коша сабаки:
 За что такія драки?
 Не драки — несѣ кричишь кошу,
 Ты мелешь пустошу;
 Они другъ у друга лишь деньги отбирающъ,
 А по проспу сказать, они играютъ.
 Такъ кошка говоришь: изрядная игра! —
 Она мнѣ кажется пріятель сѣ дракой.
 Они играютъ такъ, любезная сестра!
 Какъ колѣ привыкъ играть сѣ собакой.

XXXIII.

Курица и Пестухъ.

Молодка пестуха любила,
 Молодка разума тогда не погубила,
 И говоритъ ему: любезнѣйшій пестухъ!
 Къ тебѣ мой полнъ любовью духъ,
 И буду вѣчно
 Любить тебя сердечно;
 Ты мой, а я шволя,
 Лишь жара твоего не увѣчаю я
 По той причинѣ,
 Что злыхъ боюсь языковъ.
 Не скромны пестухи — и ты шаковъ!
 Пестухъ божилася,
 Пестухъ мой клятвами не много дорожилася;
 Любовникамъ еѣ божбѣ запинки вѣчно нѣтъ,
 И шасплинѣ спалѣ пестухъ — а какъ божба идетъ?

Пешухъ былъ честенъ,
И слово содержишь не лѣстенъ,
Могу я клятву дать, — не пѣль и не болшнулъ,
Но крылышкамъ махнулъ.

XXXIV.

Проловѣдникъ Пинѳагора.

Самопожалованъ мудрецъ,
Который всѣхъ наукъ начало и конецъ
Съ собой на языкѣ всечасно носишь,
И слушаешь только проситъ;
Всегда кричаешь гонимъ,
Что Пинѳагоръ великій философъ,
И вопрошаетъ всѣхъ: какое знаши слово,
Такъ славному мудрецу даешь величье ново;
Какимъ онъ правиломъ заставилъ ошличать
Себя? Въ отвѣтъ ему: умѣшь—молчаешь.

XXXV.

Оселъ и Рябина.

Скопились нѣкогда средь лѣта облака,
Не видно солнца болѣ,
Пустымъ осталось полѣ,
Ліетъ съ небесъ рѣка;
Тогда бѣжитъ медвѣдь въ берлогу,
Крошны сидятъ въ норахъ,
А птички на кустахъ;
Тогда пошелъ въ дорогу
Оселъ одинъ.

Хотя оселъ не умной господинъ,
 Но боль онъ чувствуетъ, какъ всякая скотина;
 Ослу какъ и лисѣ холодный дождь

Наноситъ дрожь.

Стояла на полѣ, гдѣ шелъ оселъ, рябина;
 Оселъ съ привѣщивомъ къ ней: голубушка моя!

По милосши твоей не буду заблуждѣнъ я,

Какъ спанча, лисыцѣ твоей меня покроютъ,
 Ослу пріятну жизнь, среди дождя, успроютъ;

Я вижу пшички шамъ, —

Такъ для чего не бышь осламъ?

Ослиной головой машаетъ

И крѣпко лапами за дерево хватаетъ;

Ползетъ —

И дерево грызетъ.

Цѣпляется ногами,

Но длинными ушами

За вешку зацѣпилъ, оселъ

Мой сѣлъ,

И на рябинѣ онъ висѣлъ.

Все шло дѣло;

Ослино шѣло

На верхъ ийдетъ

И отпуска съ рябины ждетъ.

Кой какъ, оселъ спустился:

Но власть на макушку онъ съ нова суешился,

Кои не удалось мнѣ такъ разгрызть орехъ;

Я новымъ опытомъ найду успѣхъ,

И послушаю не такъ, какъ прежде;

На легкость я мою въ надеждѣ,

На дерево скакну; — и вмигъ

Ослица прыгъ,

Лѣшнѣ на дерево съ размаху.
 Рябина пошряслась, — ослу послѣдній часъ ;
 Упалъ — находишъ разъ.
 Теперь ослиного ищите праху!

XXXVI.

Прикащиковъ отвѣтъ.

Прикащикъ не гдѣ былъ, — сидѣлъ онъ на приказѣ
 И много воровалъ.
 Знать было, такъ ему написано въ указѣ;
 Помѣщикъ мой зевалъ.
 Пришлось помѣщику съ прикащикомъ распаться,
 Когда крестьянъ въ мѣръ пошли скитаться.
 Помѣщикъ самъ въ село:—смененъ прикащикъ потъ.
 Помѣщикъ мужикамъ, какъ собрались на сходъ,
 Ну говорише всѣ: какъ грабилъ онъ народъ?
 Безъ дальнихъ спросовъ
 Разинули крестьянъ ротъ,
 Явилась тѣма доносовъ ;
 Кричатъ: кто прежде былъ прикащику и братъ
 и сватъ;
 Что лишній бралъ оброкъ, не сбергалъ покосовъ,
 И мелюшъ всякій вздоръ кумы и кумовья
 И прежнія друзья.
 Помѣщикъ шамъ ему, вопъ по шебъ ни слова
 Ни кто не говоритъ, ниже ходитъ!
 Прикащиковъ отвѣтъ: почтенный господинъ !
 То вещь не нова!
 Гонимыхъ сторону, когда сударь берущъ?
 Я чай, теперь кричишъ и лѣсъ: прикащикъ слушъ!

Приди ко мнѣ домой;
 Мозгъ у царя одинъ, — не два въ царѣ и тѣла.
 Орелъ опившсшвовалъ: вишь ето и бѣда,
 Чшо всякому своя на свѣшѣ череда!
 Я самъ, когда бы былъ рожденъ сорокой,
 Я не вснупилъ бы въ пушь и трудной, и широкой;
 И я тогдабъ, какъ ты, въ безопасности заснулъ;
 О славѣ, должности весь вѣкъ не вспомнулъ.

XXXVIII.

Щука и Карась.

Свирѣпа щука набѣжала
 И люшо поражала;
 Тогда громовыхъ стрелъ
 Зевесу подносить не успѣвалъ орелъ.
 Въ шакой бѣдѣ и самъ Нептунъ смутился,
 Изъ царства своего уѣхашъ сушился.
 Бѣлуги, осетры, всѣхъ рыбъ различныхъ пѣма
 Шатались безъ ума,
 Но щука злобая тогда дремашъ не хочешъ,
 Хлопчешъ,
 О чемъ?
 Чтобъ рыбками играть такъ почно, какъ мячешъ.
 Приходишъ къ карасю, и говоришъ такъ щука:
 Зевесъ прогнѣвался на родъ весь карасей,
 Васъ хочешъ истребить въ подсолнечной онѣ всей,
 За шѣмъ и громъ послалъ, вамъ люша будешъ мука!
 Но щука, знай, добра —
 Я въ родъ рыбъ большая вамъ сестра;
 Я карасю помочь несчастну

Душею всей хочу,
 И хлопочу:
 Какъ гибель отвѣстишь твою ужасну!
 Пока на свѣшѣ громъ,
 Ты спряташь карась ко мнѣ пожалуй въ домъ.
 Карась мянется,
 А щука вкрутъ его колымомъ плещется,
 Прельщаетъ голубымъ перомъ,
 Вторично говоритъ: слухомъ какъ можно ниже,
 Пожалуй карасекъ ко мнѣ еще по ближе.
 Карась повѣрилъ ей; — ударилъ громъ; —
 Карась отъ той тревоги
 Бѣжитъ къ спасиелю въ чертоги.
 Но что? громовая спрела
 Ни мало карасю не причинила зла;
 Раскрыла щука ротъ, — и рыбку пожрала.
 Напрасно трепещавъ небѣсна гнѣва,
 Не избѣжалъ карась свирѣпой щуки зова,
 Здѣсь прищца говоритъ опасенъ клеветникъ —
 Смушникъ.

XXXIX.

Хромоногий и Находка.

Два шли товарищи пушемъ — дорогой;
 Одинъ здоровой былъ, другой былъ хромоногий.
 Идешь одинъ,
 Какъ господинъ,
 Прямой черною;
 Другой идешь походкою не тою,
 Какъ гири на вѣсахъ,

Иль лодка съ парусомъ въ морскихъ валахъ,
 Кто храмлепъ, тѣмъ нельзя имѣшь походку смѣло;
 То внизъ опустишь оиъ, шо въ верхъ подыметъ
 шло;

Но хромоногимъ всѣмъ запрешу нѣтъ;

Смотреть на бѣлый свѣтъ.

Увидѣлъ хромоногой,

Лежитъ дорогой

Бушля; —

Недалеко уйдешь туда съ собой косыля

И дѣлая всякъ часъ ковыля ковыля.

Онъ былъ буменъ, — сказалъ: бушля навѣрно съ водкой!

Товарищъ мнѣ себя повеселимъ находкой.

Съ ногами ты, поди и поспѣши!

Вѣжитъ здоровой мой, какъ будто безъ души;

Какъ заяцъ; шакъ лѣшитъ, къ бушляку поспѣшаетъ.

Пришелъ, схватилъ; ее опустошаетъ.

Межъ тѣмъ ужъ подоспѣлъ храмой,

И говоритъ ему: ты плуниъ, дружечикъ мой!

Не ты сперва бушля, а я увидѣлъ;

Я не хочу, чтобъ ты меня обидѣлъ:

Отдай ее ты мнѣ! шопъ хочешь шагу дать;

Пришли народъ; судьи; и спали разсуждать. —

Судьи бушляку пили сами,

А челобитчиковъ отправили шузами.

XL.

Фонари и Звѣзды.

Въ какомъ то городѣ, шотъ городъ былъ столичный,

По улицамъ горѣли фонари.

Кто, что ни говори,
 Въ Европѣ пошѣ обрядѣ полѣзной и приличной.
 Куды какѣ нужны мы для барь?
 Сіяющій фонарь
 Сказалѣ другому.
 Та вѣсть переходя отѣ дома къ дому,
 Кружитѣ фонарный родѣ, кричитѣ: мы шоже здѣсь,
 Что звѣзды на небѣ, и городѣ весь
 Такѣ точно, какѣ они, мы освѣщаемѣ;
 Паденію карстѣ и грабежу мѣшамѣ!
 А гдѣ насѣ нѣтъ,
 Во мракѣ шовстѣ свѣтъ.
 Не споримѣ о лунѣ, — но звѣзды всѣ напрасно;
 Они не свѣпятѣ ясно,
 И можно заключишь, согласно
 Такѣ фонари швердятѣ, не хуже мы звѣзды;
 И наши для людей полѣзныѣ труды.
 Свѣча изѣ комнаты сказала имѣ: конечно,
 Какѣ звѣзды, шакѣ и мы
 Горимѣ и свѣтъ даемѣ средѣ пьмы;
 Но свѣтъ нашѣ временной, а тѣ сіяютѣ вѣчно.

XLI.

Птицы Законоположители.

Задумалѣ пшичій родѣ вновь здѣлать уложение,
 На что вельможи, знашь, къ чему полезенѣ шронѣ?
 Всѣ пшицы собрались дѣлѣ знатныхѣ въ уваженѣ,
 Хотѣли издавать законѣ.
 Разумныя, разумно предлагали,
 А пшицы крикуны ихѣ шолкъ опровергали;

Вороны каркали: на что Орлы,
И соколы?

Они горды и злы.

Дѣла свои рѣшишь мы и безъ нихъ умѣемъ,
И спиць разбойниковъ казнишь мы смѣемъ.
Воронамъ коршунъ такъ: пускай, законъ
Извольте учреждать, какъ вамъ угодно,
Свободно;

Но толковать законъ,
Ни къ дѣлу допускашь — не лъзя воронъ.

XLII.

Духъ и Перстень.

Въ восточныхъ областяхъ небесны свѣшлы духи
Склоняющъ на землю свой райскій взоръ и слухи;
Подъ покровительствомъ своимъ людей они
Имѣютъ ;

Они бѣдѣ ихъ защищаютъ, добро творить умѣютъ,
И служатъ точно такъ, какъ добрыя родни.

Пишомца своего встрѣчаютъ,
Одинъ изъ тѣхъ духовъ, и говоритъ ему:
Совѣшь духовъ мнѣ самому

Другую службу назначаетъ,
Какъ сына нѣжнаго любя,
Я долженъ оставяшь себя.

Ты ласковъ, добръ, въ пвоей я честности увѣренъ;
Но здѣсь въ послѣдній разъ я наградишь намѣренъ
За послушаніе пвое ко мнѣ, любовь;
Вонъ знакъ за дружеснво прими ты вновь,
Возьми сей перстень ты. Когда обидно ,

Иль непріянно зло, ильцъ постыдно
 Случиися что съ тобою;
 Ты перстень въ рожь вложи, какъ суждено судьбой!
 Ты будешь невидимъ, какъ скоро пожелася.
 А человекъ нѣ ошвѣтъ;
 На сердцѣ рану ты глубоко расправляешь,
 Что жить съ тобою мнѣ надежды больше нѣтъ;
 Но перстня невозму, — пускай твоей даръ прекрасенъ,
 Онъ мнѣ напрасенъ.
 Ты самъ меня училъ, цосупокъ твой ужасенъ;
 Который должно скрыть, о комъ замолчашь;
 Безчестно то, гдѣ есть шайнственна печать!

XIII.

Оракулъ.

Былъ нѣкакой Архонтъ въ Афинѣ знаменитой;
 На свѣшѣ блѣомъ жить желашель былъ не сышой,
 И умирашь онъ вѣчно не хотѣлъ.
 Чтобъ жизнь свою продлишь, примѣшамъ глупымъ
 вѣрилъ;
 Слыъ, предсказанія, какъ лучъ святыни мѣрилъ;
 Гдѣ слухъ о капищѣ, туда ленилъ;
 И наконецъ свой путь въ Делфійскій храмъ направилъ,
 Какъ Пифонису Фебъ лишь только шамъ прославилъ;
 А Пифониса нѣ тѣ часъ
 Исполненна пророчеснѣ духомъ
 Казада грозный взглядъ, распрепаны власы.
 Услышалъ радостнымъ Архонтъ мой ухомъ,
 Что наконецъ ему: построй ты домъ,
 И назови Дельфійской!

Ты будешь жить сто лѣтъ, тебѣ неспрашенъ громъ,
 А иначе швой рокъ довольно къ смерти блиской.
 Такъ весель, какъ король, — Архонтъ прусливой мой
 Слѣщицъ домой,

И говорицъ онъ шакъ: избѣгну смерти грома —
 На щепъ народный миѣ дѣла два поспроить дома!
 Онъ сыплецъ денгаги, — и домъ растецъ;
 Чрезъ мало времени онъ домъ построилъ;
 Ужъ домъ грохотъ — Архонтъ свой робкій духъ спо-
 коилъ;
 На новесель онъ, — и въ домъ онъ живешъ;
 Но пользы нѣтъ.

Оракулъ чшошъ? оракулъ безшолоковой
 Иль развѣ думалъ шакъ, какъ будетъ домъ не новой —
 Чшобъ ложъ оракула Архоншу обшажить:
 Сего дня перешель — прешель на завшра жившъ,
 Пророчицъ не вѣрьше теба
 Не можешъ разказать она все шайны неба.

XLIV.

Рысь и Крошъ.

Рысь быстроголазая увидѣлась съ крошомъ;
 Случается крошны изъ норки выбѣгающъ,
 И звѣздъ сѣяше, и солнца лучъ ругающъ.
 Увидѣвшись они, пошомъ
 Вспушили въ разговоры:
 Какъ жалко шо, что слѣпы взоры,
 Сказала рысь, у милого кроша!
 Тебѣ вселенная бышь кажешся пуста,
 Д садо истиино не видѣшь ясно,
 Сколь міра зданіе прекрасно!

Какія по земли бываютъ чудеса:
Блескъ Солнца, тѣнь цвѣтшювъ, различны краски!

А крошѣ въ ошвѣтѣ:

Мнѣ нужды нѣтъ

Познашь всѣ еши сказки;

Я лишь хочу имѣть покой.

На что мнѣ знашь, на небѣ свѣтъ какой?

Я въ тщетныхъ замыслахъ огнюдь не ушюпаю;

Я сытъ въ моей норѣ — покойно засыпаю,

Мнѣ нуженъ ротъ —

На что глаза? — безъ нихъ я крошѣ.

XXXXV.

Свѣртокѣ.

Александрѣ Петровицѣ Сумарокову

Безсмертный Сумароковъ

Россійскій Лафоншенъ,

Гонишель шалосшей, пороковъ!

Твой слогъ легокъ и быстрѣ, не пыщенъ, не надмѣнъ;

Природы простотѣ свободно подражаетъ;

Осла во льва, слона въ кроша не наряжаетъ.

Присщюной рисовалъ ты кистью всѣ лица:

Твой наглъ Борей, кролика овца.

Позволь и мнѣ въ звѣриной кожѣ

Изобразить порокъ,

Подай урокъ,

Какъ свойство всякое представишь мнѣ похожѣ?

Равно какъ Лафоншенъ, поспигнулъ ты

Нашуры красоты

Въ убранствѣ простоты.

Позволь преславна тѣбѣ безсмертными трудами,

Мнѣ робко прищюи плеснь, швоими лишь слѣдами;

Позволь сверчку предстать къ читателю на судъ;
Нелѣпость не казая за Аполлоновъ шрудъ.

Кипо душу нѣжную имѣшъ,

Цѣнишь достоинства умѣшъ ;

Не дивно, что охочь до пѣсеней соловья.

Орфей поя

Пріяшность помную во сердце вложилъ;

Восхишилъ чувствіе и сладостно тревожилъ.

Такъ у соловья былъ господинъ, былъ онъ,

Какъ древній Меценатъ пѣвцу весны прекрасной,

И шрудъ имѣлъ всечасной,

Чтобы въ довольствѣ жилъ дубравный Амфіонъ.

Свѣрчокъ у Соловья хомѣлъ доходъ убавишь,

Себя прославилъ,

Хозяина и соловья глушилъ

Нескладнымъ голосомъ, всегда онъ пѣшь спѣшилъ.

Хозяинъ самъ, наскуча крикомъ,

Онъ въ сердцѣ превеликомъ

Туда, гдѣ былъ сверчокъ полезъ,

И соловью сверчка, какъ Марція, принесъ.

XLVI.

Картина.

Какой то Апеллесъ Венеру написалъ,

Но прежде, чѣмъ ея на зрѣлицѣ представишь,

Искусникъ знашоку каршину показалъ;

А шопъ совѣшовавъ, поправилъ.

Искусникъ на такой наморщился докладъ,

И былъ не радъ.

Межъ шѣмъ пришелъ глупецъ—и дерскими устами

Онъ трудъ сталъ выхвалять,
 Картину прославлять;
 Пльнялся онъ глазами,
 Губами,
 Нарядомъ щегольскимъ, пуховыми руками;
 Но приспыженъ не лъбыми хвалами.
 Искусникъ робкій взглядъ на знамока простеръ,
 И слова не сказавъ, картину стеръ.
 Несмысленныхъ судей легко пльнишь сплхами,
 Но ежели они угодны дураку,
 Бросай ты ихъ скорѣй въ огонь или въ рѣку.

XLVII.

Старуха и Зеркало.

Старуха щеголять любила;
 Съ Сатурномъ ссорилась, ему грубила
 За то, что сорокъ лѣтъ привыкъ ее щипать,
 Старикъ крылатой; —
 Она нехочетъ уступать,
 На вѣлхи прелести кладетъ пок: овъ богатой.
 Старуха зеркало хотѣла покупать —
 Купецъ ей дюжину приноситъ, —
 Она возметъ одно,
 Вершитъ въ рукахъ, кричитъ: стекло темно,
 То косо зеркало, — на епомъ есть пяшио;
 Посмотритъ зеркало — и броситъ;
 И на куца кричитъ — мояль то красота?
 Какъ роза я свѣжа, а здѣсь я вся желта;
 Бранишь, покоситъ

Зато, что сморщилась — винишь купецъ тебя,
 А не себя.
 Уходишь
 Изъ дому купецъ; —
 Сашира умная, когда на свѣшѣ бродишь;
 Скажи, кто виноватъ, — пороцный иль шворецъ ?

XLVIII.

Груша съ золотыми вѣтвями.

Садовникъ бѣдной былъ, — его богатство:
 Помонино прѣяштво.
 Какъ косо поглядилъ, хоть чуть морозъ, борей;
 Нѣнѣ грушъ, ни сельдерей.
 Какъ душу
 Любилъ свою садовникъ грушу
 За то, что былъ на ней всегда богатый плодъ.
 Однажды поутру садовникъ шолъ
 Приходитъ къ ней, и вѣтку не простую
 На грушѣ видитъ онъ, — но вѣтку золотую;
 Садовникъ ошворилъ глаза, разнулъ ротъ,
 И въ радости безмѣрной
 Уноситъ вѣточку отъ груши вѣрной.
 На завтра къ груши той садовникъ мой опять,
 И видитъ вновь, что вѣточка бли пая,
 Какъ на канунѣ, тамъ висѣла золотая;
 То продолжалось днѣи пль.
 Придѣтъ садовникъ мой, — и вѣточку уноситъ ;
 Онъ былъ не глупъ и золоша не бросилъ;
 То тайно дѣлаетъ, чяобы не вышелъ шумъ;
 Спрашится онъ воровъ, рабяткобъ празныхъ,

Крючковъ приказныхъ ;
 Ко счастію спезя раждаетъ много думъ ;
 Нѣшъ сна садовнику; онъ мыслилъ: рано , поздно
 О вѣшкѣ шой пройдетъ въ народъ вѣшь,
 И посшараются ее унесъ ;
 А можетъ бышь въ казну опишутъ грозно ,
 Или морозъ
 Губишель розъ,
 Мою любезну душу,
 Погубишь милу грушу;
 И далъ судишь пакт: что нынѣ нѣтъ чудесъ;
 Та вѣшь расшешъ, не волею небесъ:
 Подъ грушею земля конечно не простая,
 А жила золошая.
 Богашство все внутри, — одинъ на ружѣ цвѣтъ.
 Алчба къ сокровищамъ въ одно всѣ чувшва жметъ;
 Любовь къ шой грушѣ въ мигъ садовника исчезла
 И благодарность въ немъ тогда замерзла;
 Онъ взялъ попоръ, далъ разъ, — и груши нѣтъ.
 Когда садовникъ грушу рубишь,
 Не вѣдалъ, что свое богашство шѣмъ погубишь.
 Онъ при года потѣлъ, напрасно землю рылъ,
 Ни крошки золоша; подъ грушей не открылъ.

XLIX.

Баринъ, Лошадъ и Быкъ.

Конь сотворенъ на то, чтобы скакашь,
 Быку соху шасканъ.
 Былъ дворянинъ убогій,
 Доходъ имѣлъ немногій;

А вопчина его: лишь конь да быкъ;
 Не знашенъ жребій шомъ и не великъ.
 Конь возитъ барина, быкъ возился съ сохою;
 Та лошадь былъ бѣгунъ и барина гульбою
 Умѣлъ ояъ забавлять.

Гдѣ тонко — рвется шумъ: жеспокою судьбою
 Матъ барину пришелъ: скончался конь.
 По смерти лошадей уздой не пронь,
 Такой обычай ихъ и правы,

Такія правы.
 Въ нецасптіи шакомъ

Пришлось барину ходить пешкомъ;
 Но барины разсуждаешъ
 И утверждаешъ,

Что можешъ быкъ скакашь, какъ лошадь и олень,
 Тому причина наша лѣнь;
 Мы сами въ шомъ виновны.

Быки, какъ лошади, безсловны;
 У нихъ, какъ лошадей,
 Четыре ноги;
 Употребя старанья многи
 Ихъ шагъ не будетъ и шупей;
 Привычка скоросни научилъ.

Тѣмъ скаска кончилась, — быка бояринъ мучилъ;
 Онъ хлопасшъ бичемъ во всю боярску мочь
 И день и ночь.

Какъ угорѣлый быкъ, во всё спраны метался;
 Однакожъ быкъ быкомъ на цѣлый иѣкъ оспался.
 Клю хочешъ славенъ бышь, шумъ нуженъ умъ
 и жаръ.

Ученье хорошо, — всего потребнѣй даръ.

Воръ у самага себя.

Былъ нѣкакой мужикъ, имѣлъ онъ спрасъ
 Сь младенчества дурную,
 А имянно, любилъ чужую
 Кладовую ;

По руски шо слывешъ: охошникъ красть.
 Не разъ крестьянина вязали,
 Тазали,

Неймешся все ему. Бей къ смерти — нужды нѣтъ!
 Какъ плохо что лежишь, шотъ часъ слизнешъ.
 Мужикъ ужъ взрослой спалъ дѣшина,
 Немалой молодець;

Былъ ворикъ маленькой, спалъ воръ онъ наконецъ.
 Онъ кралъ быковъ, коровъ, не только что овецъ;
 Его взяла подъ свой покровъ судьбина —
 Мужикъ разбогатѣлъ.

А какъ, и отъ чего, и что тому причина?
 О томъ не знаю я, и вѣданы не хошѣлъ.
 Мужикъ богатъ, о томъ мое здѣсь слово.
 Душа лишь пожелай, все мужику готово:

И хлѣбъ и денешки и скотъ
 Всего ебъ довольствѣ много.

Но спросишь ты, какой дамъ скаскъ оборотъ?
 Мужикъ разбогатѣвъ, жилъ честно; строга,
 И болѣе не кралъ, — боясь людей лихихъ ;
 То истинна сама — не кралъ онъ у другихъ.
 Лишь ночь придетъ, мужикъ въ полѣнницу лѣ-
 шастъ,

За чемъ? свои дрова шаскастъ.

И вымыслу давать видѣ истинны, ихъ правы.
 Союзникъ львовъ въ дубравѣ слышашъ шумъ;
 Довольно ужъ того, — не храбрый заяцъ кумъ
 Направилъ ноги
 Къ союзнику въ чертоги;
 Онъ спрѣха такъ шрепещенъ зайчикъ мой,
 Какъ мы въ морозъ зимой.
 Бѣжалъ онъ прышью всей — усталъ и запыхался;
 Увидя зайца левъ, прусишку насмѣхался.
 А заяцъ льву въ отвѣтъ:
 Что заяцъ прусь, въ томъ спору нѣтъ;
 Но я одинъ, и какъ не испужашся,
 Какъ въ свѣтъ многія на зайца воружашся?
 Смощи самъ левъ, — кто мнѣ злодей!
 Толпа людсй,
 Собакъ и лошадей;
 Направили свои на зайца спрои;
 Я прусь, — они герои;
 Тамъ визгъ и шумъ и лай, и пыль столбомъ,
 Царь левъ храбрѣдъ, стѣны не прошибешъ тыгъ лбомъ.
 Царь зайцовымъ рѣчамъ не мало удивлялся;
 На щестъ охошы онъ довольно забавлялся.
 Бываетъ про людсй суждене львовъ
 И заключилъ онъ такъ безъ дальныхъ словъ:
 Надменнй ихъ снарядъ, но мелокъ ловъ;
 Такою кучю лезя полонить и львовъ.

ЛІІІ.

Домъ и Знатоки.

Былъ нѣкакой богачъ, огромный домъ построилъ,
 Не спрашивай меня, что домъ шотъ стоилъ?
 Спалъ онъ

По болѣ, не жель миліонѣ;
 Но вѣдашь надобно, что тѣ палаты
 Великолѣпныя, богаты,
 Достойны ли хвалы,
 Или хулы,

И тѣмъ достойныли они чрезмѣрной праты?
 Туда пришли Омирѣ, Виньолѣ и Апеллесѣ.
 Чипашель! не они по вѣ самомѣ дѣлѣ были,
 Живыя ихъ мѣста со славой заступили;
 Не лзя тѣней стащипь сѣ небесѣ.
 Пришли — и по дому ходили,
 Судили,
 Рядили;

И зачали хвалишь: не могѣ и самѣ
 Быть лучше етого, Діанинѣ пышный храмѣ.
 Но что хвалили — такѣ узнай, чипашель!
 Искусникѣ ни одинѣ не лѣспи былѣ сплешате лѣ.

Хвалили во обще весь домѣ;
 Безѣ толку похвала лишь словѣ напрасный громѣ.
 Виньолѣ всѣ надписи превозносилѣ безмѣрно;
 А о строеніи? — спросилѣ Апеллѣ его;
 О! что принадлежитѣ до дому самаго,
 Виньолѣ отвѣшествовалѣ: скажу, что зданье скверно;
 Размѣры вообще и виды отвергалѣ;
 Онѣ вѣ окнахъ малый свѣтѣ и лѣсницы ругалѣ.

Омирѣ картинами прельщался;
 На нихѣ глядя не насыщался.
 Тутѣ ихѣ усовѣспилѣ искусникѣ Апеллесѣ
 Скажише: на кого походипѣ здѣсь Зевесѣ?
 Не такѣ изображенѣ мешатель грома;
 Не стрѣлы гибельны вѣ его рукахѣ, солома;
 Ни вѣ роспѣ важности, ни живности вѣ лицѣ;

Какал бышь должна у всѣхъ боговъ въ ошцѣ.
 Про надписи въ стихахъ сужденіе Омира,
 Чшо не Орфѣера ихъ памѣ брядала лира!
 И въ мысляхъ и въ слоѣ пороки разсказалъ,
 И не достоинство ихъ прямо доказалъ.

Судишь пворенія искусство
 Потребенъ тонкій вкусъ и знаніе и чувство:
 Какъ можешъ тѣнь красенъ простой назначить
 глазъ?
 Когда и мастеровъ призракъ мрачитъ подъ часъ.

LIV.

Алкиады.

Алкиады всѣ красиво пишутъ много,
 Но къ исполненію не приступающъ спрото.
 Въ Афинахъ изданъ былъ указъ,
 О чемъ? не знаю.
 Не знаю тожъ, какой писалъ приказъ;
 Но шолько утверждаю,
 Что это былъ законъ
 Для Спарты пользѣ не сручнѣ онъ.
 Посоль Лакедомонской
 Ошправилъ вмигъ гонца
 Къ Ликургу самому, чшобъ до его лица
 Скакалъ всей прышью конской.
 Ликурговъ былъ ошвѣтъ: пини указъ какой —
 Коропкой иль большой!
 Коль въ листѣ, иль въ два, иль въ пять, пус
 кай и чиспѣ и ясенъ,
 Указъ шотѣ не опасенъ,
 А ежели въ шрѣхъ шпрокахъ, —
 По справедливости въ тебѣ рождаешъ шпрахъ.

LV.

Левъ и Волкъ.

Былъ мудрый левъ, и кропосью душевной
 Казался бытъ небесно существо,
 Которымъ красилось любуясь еспество.
 Сей Титъ между звѣрей щиталъ пощѣ день пла-
 чевой,

Въ который ни кому
 Содѣлать милости не удалось ему.
 Благопвореніе онъ проливалъ рѣкою
 И не любилъ однихъ
 Онъ злыхъ.

Прогулывался левъ вечернею порою
 И волка повстрѣчалъ,
 Которой между шѣмъ ягненка разшерзалъ;
 Левъ разсерчалъ,
 И говорилъ: въ минушу
 Злодѣя вы на казнь ведите люшу;
 А паспуха журилъ довольно крѣпко онъ,
 Сказавъ, въ тебѣ самомъ не много видно полку!
 За чѣмъ ягненка съѣсть позволилъ волку,
 И мнѣ не доносилъ? ты вѣдаешь законъ!
 Паспухъ ошвѣстивовалъ: ты Царь, Царь справед-
 ливый;

Но ежелибъ не случай сей щасливый,
 Во вѣкибъ што зло
 Ушей своихъ коснушься не могло!
 Свѣшила дневнаго кропы не любяиъ;
 Ни истинны луча шѣ, кои ближнихъ губяиъ.
 Нещасному до Бога высоко,
 А до Царя безмѣрно далеко.

ПОГРѢШНОСТИ.

Напечатано	Читай
Стран. стр.	
8 X. - - -	VII.
16. I. немой - - -	не мой.
17. 15. fíd - - -	eíd.
18. 5. извѣстный - - -	извѣстмой.
19. 15. съ смычокѣмъ - - -	смычокѣ.
25. 3. мой - - -	мой,
27. 9. безсловенѣ - - -	и безсловенѣ
53. 19. какъ бы - - -	кабы.
35. 26. пригнула - - -	прыгнула.
37. 28. доро а - - -	дорога.
46. 32. кошки - - -	вишки.
48. 20. не съ береговѣ - - -	и съ береговѣ
51. 18. рыболовка - - -	шамѣ рыболовка.
57 I. осенью - - -	въ осенню.
59. : 8 насѣ - - -	носѣ
70. 17. пришакуетѣ - - -	кришикуетѣ.
72. 16. сполкнулися - - -	стакнулися.
73. 19. прижокѣ - - -	прыжокѣ.
75. 19. всколочу - - -	сколочу.
90. 8. высокомѣрїя - - -	высокомѣрїе.
94. 3. на свадьбу - - -	на свадьбу.
— 10. хозяйина - - -	хозяйина.
101. 26. Аглински - - -	Аглински.
105. 26. позрны дни. - - -	позорны-
вмѣсто стр. 190 - - -	109
114. 13. И вѣрой - - -	И вѣрой.
115. 16. Преклоненѣ - - -	преклоненѣ шамѣ.
140. I. Дачи - - -	Дача
156. 6. у вѣтѣ - - -	умѣтѣ

П О Г Р Ъ Ш Н О С Т И.

Напечатано

Читай.

Стран. стр.

	26. А пѣснѣю	-	-	а пѣснью.
162	28. И какъ цѣпь во изо- бличеніе унесъ	-		Ее какъ цѣпь въ изо- бличеніе унесъ,
177.	26. у угубляю	-	-	усугубляю
	вмѣсто стр. 189	-	-	179
184.	6. избавилъ	-	-	избавился.
	вмѣсто стр. 198	-	-	189
193.	17. и пламеннымъ	-	-	и пламенныхъ.
214.	XII.	-	-	XIII.
220.	27. Быку	-	-	А быкъ

